

БИБЛИОТЕКА
для
ВОСПИТАНИЯ.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ЧАСТЬ IV.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Издание А. Семена.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СЕМЕНА.
1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Москва, Августа 2-го дня 1845 года.

Цензоръ Н. Зерновъ.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

МОЛИТВА.

Молю Святое Провидѣніе :
 Оставь мнѣ тягостные дни ,
 Но дай жѣлѣзное терпѣніе ,
 Но сердце мнѣ окамени ;
 Пусть , неизмѣненъ , жизни новой
 Приду къ таинственнымъ вратамъ ,
 Какъ Волги валъ бѣлоголовый
 Доходитъ цѣлый къ берегамъ !

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ XIV.

Кому , о Господи ! доступны
 Твои Сіонски высоты ?
 Тому , чьи мысли неподкупны ,
 Чьи цѣломудренны мечты ;

Кто дѣлъ своихъ цѣною зата
 Не взвѣшивалъ, не продавалъ
 Не ухищрялся противъ брата
 И на врага не клеветалъ ;
 Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
 Но сердцемъ чистымъ и живымъ
 Ему со страхомъ покланялся ,
 Съ любовью плакалъ передъ Нимъ !
 И святъ, о Боже ! Твой избранникъ !
 Мечемъ ли руку ополчить ?
 Велѣній Господа посланникъ ,
 Онъ исполина сокрушитъ !
 Въ вѣнцѣ ли онъ ? Его народы
 Возлюбятъ правду, весь и градъ
 Взыграютъ радостью свободы
 И нивы златомъ закипятъ !
 Возметъ ли арфу ? Дивной силой
 Духъ преисполнится его --
 И какъ орелъ ширококрылой ,
 Взлетитъ до неба твоего !

ПЛОВЕЦЪ.

Нелюдимо наше море ,
 День и ночь шумитъ оно ;
 Въ роковомъ его просторѣ
 Много бѣдъ погребено.

Смѣло, братья ! Вѣтромъ полный
 Парусъ мой направилъ я :
 Полетитъ на скользки волны
 Быстро крылая ладья !

Облака бѣгутъ надъ моремъ ,
 Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй ,
 Будетъ буря : мы поспоримъ
 И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья ! Туча грянетъ ,
 Закипитъ громада водъ ,
 Выше валь сердитый встанетъ ,
 Глубже бездна упадеть !

Тамъ, за далью непогоды ,
 Есть блаженная страна ;
 Не темнѣютъ неба своды ,
 Не проходитъ тишина .

Но туда выносятъ волны
 Только сильнаго душой ! ...
 Смѣло, братья, бурей полный
 Прямъ и крѣпокъ парусъ мой .

МОЯ РОДИНА.

« Гдѣ твоя родина, пѣвецъ молодой ? »
 Тамъ ли, гдѣ льется лазурная Рона ;
 Тамъ ли, гдѣ пѣли пѣвцы Альбиона ;
 Тамъ ли, гдѣ бился Арминій — герой ? »
 — Не тамъ, гдѣ сражался герой Тунского ;
 За честь и свободу отчизны драгой ;
 Не тамъ, гдѣ носился гласъ Барда живой ;
 Не тамъ, гдѣ струится лазурная Рона —

« Гдѣ твои родина пѣвецъ молодой ? »
 — Гдѣ берегъ уставленъ рядами кургановъ ;
 Гдѣ бились Славяне при пѣсняхъ Баяновъ ;
 Гдѣ Волга, какъ море волнами шумитъ...
 Тамъ память героевъ, тамъ край вдохновеній ,
 Тамъ все, что мѧгъ мило, чѣмъ сердце горитъ ;
 Туда горделивый пѣвецъ полетитъ ,
 И струны пробудятъ минувшаго геній ! —
 « Кого-же прославить пѣвецъ молодой ? »
 — Пѣвца восхищаютъ могучіе дѣды ;
 Онъ любить Славянскихъ героевъ побѣды ,
 Ихъ нравы простые, ихъ жаръ боевой ;
 Онъ любить долины, гдѣ бились народы ,
 Пылая къ отчизнѣ любовью святой ;
 Гдѣ падали силы Орды Золотой ;
 Гдѣ пѣлись пѣсни войны и свободы. —
 « Кого-же прославить пѣвецъ молодой ? »
 — Отъ звука роднаго, съ ихъ бранною славой ,
 Какъ звѣзды, блистая красой величавой ,
 Востануть герой изъ мрака тѣней :
 Вы, страшные Грекамъ, и ты, нашъ Арминій ,
 Младый, но ужасный средь вражьихъ мечей ,
 И ты, сокрушитель Татарскихъ цѣпей ,
 И ты, побѣдившій враговъ и пустыни !
 « Но кто же младаго пѣвца наградить ? »
 — Пылаеть онъ жаждой награды высокой ,
 Онъ борется смѣло съ судьбою жестокой

И, гордый, всесильной судьбы не винить...
 Такъ бурей гонимый, средь мрака ночнаго,
 Пловецъ по ревущимъ пучинамъ летить,
 На грозное небо спокойно глядить
 И взорами ищетъ свѣтила роднаго!—
 « Но кто же младаго пѣвца наградить? »
 — Потомокъ героеvъ, какъ предки, свободной,
 Пѣвецъ не унизитъ души благородной
 Отъ почестей свѣта и пышныхъ даровъ.
 Онъ славить отчизну—и въ гордости смѣлой
 Не занять молвою, не терпить оковъ:
 Онъ ждетъ себѣ славы—за далью вѣковъ...
 И взоры сверкаютъ надеждой веселой!—

ОЛЕГЪ.

Не лѣсь завываетъ, не волны кипятъ
 Подъ сильнымъ крыломъ непогоды;
 То люди выходятъ изъ Кіевскихъ вратъ:
 Князь Игорь, его воеводы,
 Дружина, свои и чужіе народы
 На берегъ Днѣпровскій, въ долину спѣшать,

Могильнымъ общественнымъ пиромъ

Отправить Олегу почетный обрядъ ,
Великому бранью и миромъ.

Пришли—и широко, бойцовъ и гражданъ

Толпы обступили густыя
То мѣсто, гдѣ черный возстанетъ курганъ ,
Да вѣщаго помнить Россія ; —
Гдѣ князь бездыханный, въ доспѣхахъ златыхъ
Лежалъ средь зеленаго луга ,
И бурный товарищъ трудовъ боевыхъ —
Конь бѣлый,—стоялъ изукрашенъ и тихъ
У ногъ своего господина и друга.

Всѣ, малый и старый, отрадой своей ,

Отцемъ, опочившаго звали ,
Горючія слезы текли изъ очей ,
Носилися вопли печали ;
И долго, и долго вопилъ и стеналъ
Народъ, покрывавшій долину ;
Но вотъ на срединѣ булатъ засверкалъ
И бранному въ честь властелину
Конь бѣлый, булатомъ сраженный, упалъ
Безъ жизни къ ногамъ своему господину.

Все стихло... руками бойцевъ и гражданъ
 Подвинулись глыбы земныя...
 И вонъ на долинѣ огромный курганъ—
 Да вѣщаго помнить Россія.

Волнуясь, могилу народъ окружалъ ,
 Какъ волны морскія несметный;
 Тамъ праздникъ надгробный самъ князь начиналь:
 Въ стаканѣ золотой и завѣтный
 Онъ медъ наливалъ искрометный ,
 Онъ въ память Олегу его выпивалъ ;
 И вновь наполняемый медомъ ,
 Изъ рукъ молодаго владыки Славянъ ,
 Съ конца до конца, межъ народомъ ,
 Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Тогда торопливо, по данному знаку ,
 Откинувъ доспѣхъ боевой ,
 Свершить на могильѣ потѣшную драку
 Вонтели строятся въ строй ;
 Могучи, отваги исполнены жаромъ ,
 Отъ разныхъ выходятъ стороны ,
 Сошлися и бьются... ударъ за ударомъ ,
 Ударомъ ударъ отражёнъ !
 Сверкаютъ ихъ очи ; десницы высокой
 И ловокъ, и мѣтокъ размахъ ;

Увертливы станомъ и грудью широкой,

И тверды бойцы на ногахъ !

Расходятся, сходятся... сшибка другая...

И пала одна сторона !

И громко народъ зашумѣлъ, повторяя

Счастливыхъ бойцевъ имена.

Туть съ поприща боя, ихъ рѣчью привѣтной

Князь Игорь къ себѣ подзывалъ ;

Въ стаканъ золотой и завѣтной

Онъ медь наливалъ искрометной ,

Онъ самъ его бодрымъ бойцамъ подавалъ ;

И вновь наполняемый медомъ ,

Изъ рукъ молодаго владыки Славянъ ,

Съ конца до конца, межъ народомъ ,

Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Вдругъ,—словно мятежъ усмиряется шумный

И чинно дорогу даѣтъ ,

Когда посѣдѣлый въ добръ и разумный

Бояринъ на Вѣче идѣтъ ,

Толпы разступились... и сталъ среди схода

Съ гуслями въ рукахъ Славянинъ .

Кто онъ? онъ не князь и не княжескій сынъ ,

Не старецъ, совѣтникъ народа ,

Не славный дружины воевода ,

Не славный соратникъ дружины ;

Но вѣсъ его знаютъ, онъ людямъ знакомъ

Красой вдохновеннааго гласа...

Онъ сталъ среди схода,—молчанье кругомъ,

И звучная пѣснь раздалася!

Онъ пѣлъ, какъ премудръ и какъ мужественъ быль

Правитель полночной державы;

Какъ первый онъ громомъ войны огласилъ

Древлянъ вѣковыя дубравы;

Какъ дружно сбирались въ далекій походъ

Народы по слову Олега;

Какъ шли чрезъ пороги подъ грохотомъ водъ

По высамъ Днѣпровскаго брега;

Какъ по морю бурному вѣтеръ носилъ

Проворные Русскіе чѣлны;

Летѣла, шумѣла станица вѣтриль

И прыгали чѣлны чрезъ волны;

Какъ послѣ, водима любимымъ вождемъ,

Сражалась, гуляла дружина

По градамъ и селамъ, съ мечемъ и съ огнемъ,

До града царя Константина;

Какъ тамъ побѣдитель къ воротамъ прибиль

Свой щитъ знаменитый во брани,

И какъ онъ дружину свою одѣлиль

Богатствами Греческой дани!

Умолкъ онъ—и радостнымъ крикомъ похвалъ

Народъ отзывался несмѣтный ;
И братски Баяна самъ князь обнималъ ,
Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливалъ искрометный ,
И съ ласковымъ словомъ ему подавалъ ;
И вновь наполняемый медомъ ,
Изъ рукъ молодаго владыки Славянъ ,
Съ конца до конца , межъ народомъ ,
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ .

ЛИВОНІЯ.

Не встанешь ты изъ вѣковаго праха ,
Ты не блеснешь подъ знаменемъ креста ,
Тяжелый мечъ наследниковъ Рорбаха ,
Ливоніи прекрасной красота !
Прошла пора твоихъ завоеваній ,
Когда въ огняхъ тревоги боевой ,
Вожди побѣдъ , смирители Казани ,
Смирялися , блѣднѣя , предъ тобой !

Но тишина постыднаго забвенья
 Не все, не все у славы отняла :
 И черныя дни опустошенья,
 И доблести возвышенной дѣла
 Они живутъ для музы пѣснопѣнья ,
 Для гордости Поэта чела !
 Рукою лѣтъ разбитыя громады ,
 Гдѣ бранная воспитывалась честь ,
 Гдѣ торжество не вѣдало пощады
 И грозную разгорячало месть —
 Несмѣлый внукъ Ливонца удалаго
 Глядитъ на вашъ краснорѣчивый прахъ . . .
 И нѣтъ въ груди волненія живаго ,
 И нѣтъ огня въ безсмысленныхъ очахъ !

Таковъ ли взоръ любимца вдохновенія ,
 Въ душѣ его такая-ль тишина ,
 Когда ему, подъ рубищемъ забвенья ,
 Является святая старина !
 Исполненный божественной отрады ,
 Онъ зритъ въ мечтахъ минувшіе вѣка ;
 Душа кипитъ; горятъ, яснѣютъ взгляды . . .
 И падаетъ къ струвамъ его рука .

одной и золотой книжки в золотом

Когда же приложил к книжке золотой

стяжок, подошёл к книжке и золотому

ЕВПАТИЙ.

Когда же приложил к книжке золотой

стяжок, подошёл к книжке и золотому

Ты знаешь ли, витязь, ужасную весть ?

Въ Рязанскія стѣны вломились Татары !

Тамъ сильные долго сшибались удары,

Тамъ долгъ сражалась насилиемъ честь,

Но все побѣдили Батыевы рати :

Нашъ градъ пепелище и князь нашъ убитъ !

Евпатію блѣднаго гонецъ говоритьъ,

И страшно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.

« О витязь ! я видѣлъ сей день роковой :

Багровое пламя весь градъ обхватило ,

Какъ башня спряталась, какъ бура завыло ;

На стогнахъ смертельный свирѣпствовалъ бой ,

И крики послѣднихъ молитвъ и проклятій .

Въ дыму заглушали звенящій булатъ .

Все пало... и небо стерпѣло сей адъ !

Ужасно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.

Гдѣ—гдѣ по широкой долинѣ огонь

Сверкаетъ во мракѣ ночнаго тумана :

То грозная рать побѣдителя Хана .

Покоится ; тихи воитель и конь ;
 Лишь изрѣдка, черной тревожимый грезой ,
 Татаринъ въ просонкахъ съ собой говорить ,
 То вздрогнувъ, безмолвный, подыметъ, свой щит
 То схватить свое боевое желѣзо.

Вдругъ... что тамъ за топотъ въ ночной тишинѣ
 «На битву, на битву ! » взываютъ Татары.
 Откуда же свершитель отчаянной кары ?
 Не все ли погибло въ крови и въ огнѣ ?
 Отчизна, отчизна ! подъ латами чести
 Есть сильное чувство, живое, одно...
 Полмертвую руку подъемлетъ оно
 Съ послѣднимъ ударомъ рѣшительной мести.

Не синее море кипитъ и шумитъ ,
 Почуя незапный набѣгъ урагана :
 Шумятъ и волнуются ратники Хана ;
 Оружіе блещетъ, труба дребезжитъ ,
 Толпы за толпами, какъ тучи густыя ,
 Друдину отважныхъ стѣсняютъ кругомъ ;
 Сто копій сражаются съ Русскимъ копьемъ ...
 И пало геройство подъ силой Батыя.

Рѣдѣеть ночнаго тумана покровъ ,
 Утихла долина убийства и славы .
 Кто сей на долинѣ убийства и славы

Лежитъ окруженный тѣлами враговъ ?
 Уста ужъ не кличутъ безтрепетныхъ братій ,
 Ужъ кровь запеклася въ отверстіяхъ латъ,
 А длань еще держитъ кровавый булатъ :
 Сей падшій воитель свободы—Евпатій !

ПѢСНЯ КОРОЛЯ РЕГНЕРА.

Мы бились мечами на чужыхъ поляхъ ,
 Когда, горделивый и смѣлый какъ дѣды ,
 Съ дружиной героеvъ искалъ я побѣды
 И чести жить славой въ грядущихъ вѣкахъ.
 Мы бились жестоко : враги передъ нами ,
 Какъ нива предъ бурей, ложились въ прахъ ;
 Мы грады и села губили огнями
 И Скальды нась пѣли на чужыхъ поляхъ.

Мы бились мечами въ тотъ день роковой ,
 Когда, побѣдивши морскія пучины ,
 Мы вышли на берегъ Гензинской долины
 И встрѣчены грозной, нежданной войной.

Мы бились жестоко: какъ мы, удалье,
 Враги нась тѣснили толпа за толпой;
 Ихъ кровью намокли поля боевые,
 И мы побѣдили въ тотъ день роковой.

Мы бились мечами, полночи сыны,
 Когда я, отважный потомокъ Одина,
 Принесъ ему въ жертву врага—исполина,
 При громѣ оружій, при свѣтѣ луны.
 Мы бились жестоко: сѣкирой стальною
 Разилъ меня дикій питомецъ войны;
 Но я разрубилъ ему шлемъ съ головою,
 И мы побѣдили, полночи сыны!

Мы бились мечами. На память сынамъ
 Оставилъ я броню и щитъ мой широкій,
 И бранное знамя, и шлемъ мой высокій,
 И мечъ мой, ужасный далекимъ странамъ.
 Мы бились жестоко—и гордыя нами
 Потомки, отвагой подобные намъ,
 Развѣсятъ кольчуги съ щитами, съ мечами,
 Въ чертогахъ отцовскихъ на память сынамъ.

КУДЕСНИКЪ.

На мѣстѣ священномъ, гдѣ съ дѣдовскихъ дней,

Счастливый дарами природы,

Народъ Ярославовъ, на вольѣ своей,

Себѣ избираетъ и ставитъ князей,

Полякамъ назначаетъ походы

И жалуетъ миромъ сосѣдей—враговъ—

Толпится: Кудесникъ явился изъ Чуди...

Къ нему—то съ далекихъ и ближнихъ концовъ

Стеклись любопытные люди.

И старецъ Кудесникъ, съ соблазномъ въ устахъ,

Въ толпу изъ толпы переходить;

Народу о черныхъ крылатыхъ духахъ,

О многихъ и страшныхъ своихъ чудесахъ

Твердить и руками разводить;

Святителей, церковь и святость мощей,

Христа и Пречистую Дѣву поносить;

Онъ сдѣлаетъ чудо—и добрыхъ людей

На чудо пожаловать просить.

Онъ сладко, хитро празднословить и лжеть,

Смущасть умы и морочить:

Ужъ онъ-то потѣшитъ великий народъ,
 Ужъ онъ-то Кудесникъ чрезъ Волховъ пойдетъ
     Водой—и ноги не замочитъ.
 Вотъ вышелъ Епископъ Феодоръ съ крестомъ ;
 Къ народу, народъ отъ него отступилъ;
 Лишь князь со своимъ правовѣрнымъ полкомъ
     Къ святому кресту приложился.

И вдругъ къ соблазнителю, твердой стопой
     Подходитъ онъ, грозенъ и пылокъ :
 « Кудесникъ ! скажи мнѣ, что будетъ съ тобой ? »
 Замялся Кудесникъ и самъ онъ не свой ,
     И жмется, и чешетъ затылокъ.
 — Я сдѣлаю чудо. « Безумный стариkъ ,
 Солгалъ ты ! » И княжеской дланью своею
 Онъ поднялъ топоръ свой тяжелый, и въ мигъ
     Чело развоилъ чародѣю.

ДВЪ КАРТИНЫ.

Прекрасно озеро Чудское ,
Когда надъ нимъ свѣтило днѧ^{тицой}
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня ,
Встаетъ въ торжественномъ покоѣ :
Его красой озарена ,
Цвѣтами радуги играя ,
Лежитъ равнина водяная
Необозрима и пышна ;
Прохлада утренняя вѣеть ,
Едва колышутся лѣса ,
Какъ блестки золота, свѣтлѣеть .
Ихъ переливная роса ;
У пробудившагося брега
Стоятъ, готовые для бѣга ,
И тихо плещутъ паруса ;
На лодку мрежи собирая ,
Рыбакъ взываетъ и поетъ ,
И пѣсня Русская, живая ,
Разносится по глади водъ .

Прекрасно озеро Чудское ,

Когда, блестательнымъ столбомъ
 Свѣтило искрится ночное
 Въ его кристалѣ голубомъ :
 Какъ тѣнь, отброшенная тучей ,
 Вдоль искривленныхъ береговъ ,
 Чернѣютъ образы лѣсовъ,—
 И кое-гдѣ огонь пловучій
 Горитъ на челнахъ рыбаковъ ;
 Безмолвна синяя пучина ,
 Въ дубровахъ мракъ и тишина ,
 Небесь далекая равнина
 Сіянья мирнаго полна ;
 Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ
 Подъемля сѣти изъ воды ,
 Рыбакъ живитъ веселымъ словомъ
 Своихъ товарищѣй труды ;
 Или—путемъ лугообразнымъ—
 Съ небесныхъ падая высотъ ,
 Звѣзда надъ озеромъ блеснѣтъ ,
 Огнемъ разсыпается алмазнымъ
 И въ отдаленъи пропадѣтъ .

К... М... К... М...

K. . . M. . .

Какъ очаровываетъ взоры
Востока чистая краса ,
Сіяя розами Авроры !
Быть можетъ, эти небеса
Не цѣлый день проторжествуютъ ;
Быть можетъ, мракъ застигнетъ ихъ ,
И ураганы добушуютъ
До сводовъ вѣчно голубыхъ !
Но любить тихое мечтанье
Въ цвѣты надежду убирать ,
И неба въ утреннемъ сіянѣ
Прекрасный день предузнавать.

Твои младенческие годы.

Полетомъ ангела летятъ:

Твои мечты — мечты свободы,

Твоя свобода—міръ отрадъ...

Въ твоихъ понятіяхъ нѣтъ рока;

Несильной жертвы не губя,

Еще завистливаго ока

Не обратилъ онъ на тебя ;
 Но будетъ часъ, онъ неизбѣженъ ,
 Твоимъ очамъ откроетъ онъ
 Сей міръ, гдѣ разумъ безнадеженъ ,
 Гдѣ счастье—сонъ, бѣда—не сонъ.

Пусть вѣры кроткое сіянье
 Тебѣ освѣтить жизни путь ,
 Ея даровъ очарованье
 Покоитъ страждущую грудь ;
 Она съ надеждою отрадной
 Велитъ безъ ропота сносить
 Удары силы непощадной ,
 Терпѣть, смиряться и любить.

КОНЬ.

Жадно, весело онъ дышетъ
 Свѣжимъ воздухомъ полей :
 Сизый паръ кипитъ и пышетъ
 Изъ пылающихъ ноздрей ;

Полонъ силь, удалъ на волѣ,
Громкимъ голосомъ заржалъ,
Встрепенулся конь—и въ поле
Буроногій поскакалъ!
Скачетъ, блещущій глазами,
Дико голову склонилъ;
Вдоль по вѣтру онъ волнами
Черну гриву распустилъ.

Самъ какъ вѣтеръ: круть ли встанетъ
На пути? отважный прянеть
И на ней ужъ! Ляжетъ ровъ,
И потокъ клубится?—мигомъ,
Онъ широкимъ перенрыгомъ
Черезъ нихъ,—и былъ таковъ!

Веселися, конь ретивый!
Щеголяй избыткомъ силь!
Не надолго волны гривы
Вдоль по вѣтру ты пустилъ!
Не надолго жизнь и воля
Разомъ бурному даны!
И холодный воздухъ поля,
И отважны крутизны,
И стремнини роковыя...
Скоро, скоро подъ замокъ!

Твъшь копыта удалия, аюзой
 Свой могучій бѣгъ и скокъ! аюзой
 Снова въ дѣло, конь ретивой! аюзой
 Въ збрѹь легкой и красивой,
 И блистающій сѣдломъ, аюзой
 И бренчащій поводами, аюзой
 Стройно вѣрными шагами аюзой
 Ты пойдешь подъ сѣдокомъ.

ПѢСНЯ.

Изъ страны, страны далекой,
 Съ Волги—матушки широкой,
 Ради сладкаго труда,
 Ради вольности высокой
 Собралися мы сюда.
 Помнимъ холмы, помнимъ долы,
 Наши церкви, наши селы,
 И въ краю, краю чужомъ,
 Мы пируемъ пиръ веселый
 И за родину мы пьемъ.

Благодѣтельною силой
Съ нами Нѣмцевъ подружило
Откровенное вино ;
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляемъ заодно.
Но съ надеждою чудесной
Мы стаканъ, и полновѣсной,
Нашей Руси, — будь она
Первымъ царствомъ въ поднебесной,
И счастлива и славна !

ПЛОВЕЦЪ.

Воютъ волны, скачутъ волны !
Подъ тяжелымъ плескомъ волнъ
Прямъ стоитъ нашъ парусъ полный,
Быстро мчится легкій ченъ
И расталкиваетъ волны,
И скользить по склонамъ волнъ !

Ихъ, порывами вздувая,
Буря гонитъ рядъ на рядъ;
Разгулялась волновая;
Буйны головы шумятъ,
Другъ на друга набѣгая,
Отшибаясь назадъ!

Но глядите: передъ нами,
Вдоль по темнымъ облакамъ,
Разноцвѣтными зарями
Отливаясь тамъ и тамъ,
Золотыми полосами
День и небо свѣтять намъ.

Пронесися мракъ ненастный!
Воссій лазурный сводъ!
Разверни свой день прекрасный
Надо всѣмъ просторомъ водъ:
Смолкнутъ бездны громогласны,
Ихъ волненіе падеть!

Блещутъ волны, плещутъ волны!
Подъ стекляннымъ брызгомъ волнъ
Прямъ стоитъ нашъ парусъ полный,
Быстро мчится легкій челнъ,
Раздвигая сини волны
И скользя по склонамъ волнъ.

ВОДОПАДЪ.

Море блеска, гулъ, удары ,
 И земля ` потрясена;
 То стеклянная стѣна
 О скалы раздроблена,
 То бѣгутъ чрезъ крутояры,
 Многоводной Ніагары
 Ширина и глубина!

Вонъ пловецъ! Его отъ берега
 Быстрою унесло;
 Въ синій сумракъ водобѣга
 Упираеть онъ весло....
 Тщетно! бурную стремнину
 Онъ не силенъ оттолкнуть;
 Далеко его въ пучину
 Бросить каменная круть !

Мирно гибели послушный,
 Убралъ онъ свое весло ;

Онъ потупилъ равнодушно
Безнадежное чело;
Онъ глядить спокойнымъ окомъ....
И къ пучинѣ волнъ и скаль
Роковымъ своимъ потокомъ
Водопадъ его помчалъ.

Море блеска, гулъ, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стѣна
О скалы раздроблена,
То бѣгутъ чрезъ крутояры
Многоводной Ніагары
Ширина и глубина !

Г О Р А.

Взойди вонъ на эту безлѣсную гору ,
Что выше окрестныхъ, подоблачныхъ горъ:
Душъ тамъ отрадно и вольно, а взору
Оттуда великий, чудесный просторъ.
Увидиши недвижное море громадныхъ
Гранитныхъ, ледяныхъ и снѣжныхъ вершинъ,

Отважные бѣги стремнинъ водопадныхъ,
 Разсѣлины горъ, логовища лавинъ,
 Угрюмия пропасти, полныя мглою,
 И свѣтлые холмы, поляны, лѣса,
 И грады, и села, внизу подъ тобою; —
 А выше тебя — лишь одни небеса!

БУРЯ.

Громадныя тучи нависли широко
 Надъ моремъ и скрыли блестательный день ,
 И въ синюю бездну спустились глубоко,
 И въ ней улеглася тяжелая тѣнь,
 Но бездна морская уже негодуетъ,
 Ей хочется свѣта и ропщетъ она,
 И скоро, могучая, встанетъ грозна,
 Пространно и громко она забушуетъ.

Великую силу уже подымая,
 Полки она строить изъ водныхъ громадъ ,
 И валь великанъ, головою качая,
 Становится въ рядъ и ряды говорятъ ;

И вотъ свои смуглыя лица нахмуря
 И бѣлые гребни колебля, они
 Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни.
 И громъ загудѣлъ. Начинается буря.

МОРСКАЯ ТОНЯ.

Море ясно, море блещеть;
 Но уже то здѣсь, то тамъ
 Тѣнь налетная трепещеть,
 Пробѣгая по зыбямъ;
 Вдругъ поднимутся и хлынутъ
 Темны водныя струи,
 И высоко волны вскинутъ
 Гребни бѣлые свои,
 Буря будетъ, тучи грянутъ
 И пучина зареветь.—
 Рыбаки проворно тянуть
 Неводъ наберегъ изъ водъ!
 Грузно! что ты, сине море
 Дало имъ за тяжкій трудъ?

Много ты въ своемъ просторѣ,
 Водишь рыбъ и всякихъ чудъ,
 Много камней самоцвѣтныхъ,
 Жемчуговъ и янтарей,
 Драгоцѣнностей несметныхъ
 Соблазняющихъ людей,
 Въ роковой твоей пучинѣ
 Бережетъ скучное дно.
 Чтожъ ты далъ море сине,
 Рыбакамъ хотъ на вино?
 Неводъ вытащенъ.—Немногомъ
 Обитателей морскихъ,
 Отъ сокровищъ бездны строгой
 Нѣть подарковъ дорогихъ!
 Вотъ лежитъ, блестя глазами
 Злой, прожорливый мокой,
 Съ костоломными зубами!
 Вотъ огромный блинъ морской
 Красноносый, красногубый,
 Съ отвратительнымъ хвостомъ!
 Да скатавшагося въ клубы
 На раздольѣ волновомъ,
 Воза съ два морского сору,
 И одинъ морской паукъ!
 А тащили словно гору,
 А трудилась сотня рукъ!

Море стихло, море ясно; изъят отъ него
 Въ хрусталь его живомъ и ядъ ашиодъ.
 Разыгрался день прекрасной эпохи стоян.
 Златомъ, пурпуромъ, огнемъ; изъ языка эпохи
 Видомъ моря любоваться. изъ языка эпохи
 Собралась толпа гостей. изъ языка эпохи
 Ей мѣшаютъ наслаждаться. изъ языка эпохи
 Рыбаки: бѣгутъ за всей сопычей эпохи
 И канючать, денегъ просить; изъ языка эпохи
 Бѣднякамъ изъ бездны водъгахъ. изъ языка эпохи
 Сѣти длинныя выносятъ. изъ языка эпохи
 Непитательный доходъ! изъ языка эпохи

КЪ РЕЙНУ.

Я видѣлъ, какъ бѣгутъ твои зелены волны:
 Онъ, при венчнемъ свѣтѣ дня,
 Играя и шумя, летучимъ блескомъ полны,
 Качали ласково меня,
 Я видѣлъ яркія, роскошныя картины:
 Твои изгибы, твой просторъ,
 Твои веселые каштаны и раины,
 И виноградъ по склонамъ горъ,
 И горы, и на нихъ высокія могилы
 Твоихъ былыхъ богатырей.

Могилы рыцарства, и доблести, и силы
 Давно, давно минувшихъ дней !
 Я Волжанинъ — тебъ привѣты Волги нашей
 Принесъ я. Слышалъ ты обѣней?
 Великъ, прекрасенъ ты! Но Волга больше, краше,
 Великолѣпнѣе, пышнѣй,
 И глубже, быстрая, и шире, голубая!
 Не такъ, не такъ она бурлитъ,
 Когда поднимется погодка низовая
 И бѣлый валъ заговоритъ!
 А какова она, шумящихъ волнъ громада ,
 Весной, какъ съ высі береговъ,
 Черезъ ея разливъ не перекинешь взгляда,
 Чрезъ море водъ и острововъ !
 По царству и рѣка! . . . Тебъ привѣтъ заздравный,
 Ея, властительницы водъ ,
 Обширныхъ Русскихъ водъ, простершой ходъ свой
 Всегда торжественный свой ходъ
 Между холмовъ, и горъ, и доловъ многоплодныхъ
 До темныхъ Каспія зыбей!
 Привѣты и ея притоковъ благородныхъ,
 Ея подручницъ и Князей:
 Тверцы, которая безбурными струями
 Лелѣть тысячи судовъ ,
 Идущихъ пестрыми, красивыми толпами,
 Подъ звучнымъ пѣнiemъ пловцовъ .

Тебѣ привѣтъ Оки поемистой, дубравной,
 Въ раздольѣ Муромскихъ песковъ
 Текущей царственno, блистательно и плавно;
 Въ виду почтенныхъ береговъ,—
 И храмы древніе съ лучистыми главами
 Глядятся въ ясны глубины,
 И тихій благовѣсть несется надъ водами,
 Завѣтный голосъ старины!—
 Суры, красавицы задумчиво бродящей,
 То въ густоту своихъ лѣсовъ
 Скрывающей себя; то на поляхъ блестящей
 Подъ опахаломъ парусовъ;
 Свіяги пажитной, игривой и безсонной
 Среди хозяйственныхъ заботъ,
 Любящей стукъ колесъ, и плескъ неугомонной
 И гуль работающихъ водъ;
 Тебѣ привѣтъ изъ странъ Біарміи далекой,
 Привѣтъ царицы хладныхъ рѣкъ,
 Той Камы сумрачной, широкой и глубокой,
 Чей сильный, бурный водобѣгъ
 Подъ кликами орловъ, свои валы сѣдые
 Катя въ кремнистыхъ берегахъ,
 Несеть желѣзо, лѣсъ и горы соляныя
 На плоскодонахъ и ладьяхъ;
 Привѣтъ Самары, чье теченіе живое
 Не слышно въ говорѣ гостей,
 Ссыпающихъ въ суда, богатство полевое,

Шеницу — золото полей;
 Привѣтъ проворнаго лихаго Черемшана,
 И двухъ Иргизовъ луговыхъ
 И тихо-струйнаго, привольнаго Сызрана,
 И всѣхъ и большихъ и меньшихъ
 Несмѣтныхъ данниковъ и данницъ величавой
 Державной съверной рѣки,
 Привѣты я принесъ тебѣ!... Теки со славой
 Князь многихъ рѣкъ, свѣтло теки!
 Блистай, красуйся, Рейнъ! да ни грозы военной,
 Ни пѣсенъ радостныхъ врага
 Не слышишь вѣчно ты; да миръ благословенный
 Твои поконть берега!
 Да сладостно, на пихъ мечтая и гуляя,
 Въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей,
 Цѣлаются любовь и юность удалая
 При звонѣ синихъ хрусталей!—

Д. В. ДАВЫДОВУ.

Жизни баловень щастливой!
 Два вѣнка ты заслужилъ;
 Знать Суворовъ справедливо
 Грудь твою перекрестилъ:
 Не ошибся онъ въ дитяти:
 Выросъ ты — и полетѣлъ,

Полонъ всякой благодати,
Подъ знамена русской рати,
Гордъ и радостенъ и смѣль!

Грудь твоя горитъ звѣздами
Ты геройски добыль ихъ
Въ жаркихъ схваткахъ со врагами,
Въ ратоборствахъ роковыхъ;
Воинъ смлада знаменитый,
Ты еще подъ Шведомъ быль —
И на Финскіе граниты
Твой скакунъ звучнокопытый
Блескъ и топотъ возносилъ.

Жизни бурно — величавой
Полюбиль ты шумъ и трудъ;
Ты ходилъ съ войной кровавой
На Дунай, на Бугъ и Прутъ;
Но тогда лишь собиралась
Прямо — русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалекъ — и къ намъ примчалась
Разрушительно — грозна.

Чу! труба продрѣбезжала!
Русь! тебѣ надменный зовъ!

Вспомяни жъ, какъ ты встрѣчала
 Всѣ нашествія враговъ!
 Созови изъ странъ далекихъ
 Ты своихъ богатырей,
 Со степей, съ равнинъ широкихъ,
 Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
 Отъ осми твоихъ морей!

Пламень въ небо упирая ,
 Лютъ пожаръ Москвы реветъ ;
 Златоглавая , святая
 Ты-ли гибнешь? Русь впередъ!
 Громче буря истребленья: —
 Крѣпче смѣлый ей отпоръ !
 Это жертвенникъ спасенья ,
 Это пламень очищенья ,
 Это Фениксовъ костёр !

Гдѣ же вы, незванны гости ,
 Сильны славой и числомъ ?
 Снѣгъ засыпалъ ваши кости!
 Вамъ почетный былъ пріемъ:
 Упилися еле живы ,
 Вы въ Московскихъ теремахъ ,
 Тяжелы домой пошли вы ,

Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ! —

Вы отвѣдать русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли !
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли! —
Много въ этотъ годъ кровавый,
Въ эту смертную борьбу ,
У враговъ ты отнѣлъ славы,
Ты боецъ черно-кудрявый,
Съ бѣлымъ локономъ на лбу !

Удальцевъ твоихъ налѣтомъ —
Ты, ихъ честь, примеръ и вождь —
По лѣсамъ и по болотамъ ,
Днемъ и ночью, въ вихрь и дождь,
Сквозь огонь и дымъ пожара,
Мчалъ, врагамъ, — съ твоей толпой
Вездѣсущъ, какъ Божья кара, —
Страхъ нежданного удара
И нещадный, дикій бой !

Лучезарна слава эта
И конца не будетъ ей;
Но такія-жъ мвоги лѣта
И поэзіи твоей:

Не умреть твой стихъ могучій,
Достопамятно — живой ,
Упоительный , кипучій
И воинственно-летучій
И разгульно — удалой.

Нынѣ ты на лонѣ мира :
И любовь и тишину
Намъ поеть златая лира ,
Гордо пѣвшая войну —
И какъ прежде громогласень
Былъ ея воинскій ладъ ,
Такъ и нынѣ свѣжъ и ясенъ ,
Такъ и нынѣ онъ прекрасенъ
Полный нѣги и прохладъ .

—

МОРСКОЕ КУПАНЬЕ.

Изъ бездны морской бѣлоглавая встала
Волна, и лучами прекраснаго дня
Блеститъ подвижная громада кристала ,
И тихо, качаясь, идетъ на меня .
Вотъ, словно въ раздумъи, она отступила ,
Вотъ — берегъ она подъ себя покатила ,

И выше сама поднялась и падеть.—
 И громомъ и пѣной пучинная сила,
 Холодная, бурно меня обхватила
 Кружить и бросаетъ и душить и бѣть,
 И стихла. Миѣ любо. Изъ грома, изъ пѣны,
 И холода—легокъ и свѣжъ выхожу,
 Живѣе мои выпрямляются члены,
 Вольнѣе дышу, веселѣе гляжу,
 На берегъ, на горы, на свѣтлое море,
 Миѣ чудится, словно прошло мое горе,
 И юность такаяжъ, какъ прежде была,
 Во мнѣ встрепенулась и жизнь моя снова
 Гулять, распѣвать, красоваться готова
 Свободно, беспечно, — рѣзва, удала.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ.

Всевышай граду Константина
 Землетрясенье посыпалъ—
 И Геллеспонтская пучина,
 И берегъ съ грудой горъ и скаль
 Дрожали — и Царей палаты
 И храмъ, и циркъ, и гиподромъ,

И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
И все поморіе кругомъ.

По всей пространной Византіи
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силь
Обильно пѣлися литіи
И дымъ молитвенныхъ кадиль
Клубился; — люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенатъ, Синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый Царь.

Вотще. Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ,
И гулъ и громъ землетрясенья
Неумолкалъ, — неумолкалъ! —
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,
И быстро отрока схватила
И выше облакъ унесла :

И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: святъ, святъ, святъ!
И пѣсню ту принесъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объять,
И церковь — тѣ слова святыхъ
Въ свою молитву принялъ,

И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Носись душей превыше праха
И ликамъ Ангельскимъ внемли —
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины;
Да въ сердце примемъ ихъ — и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

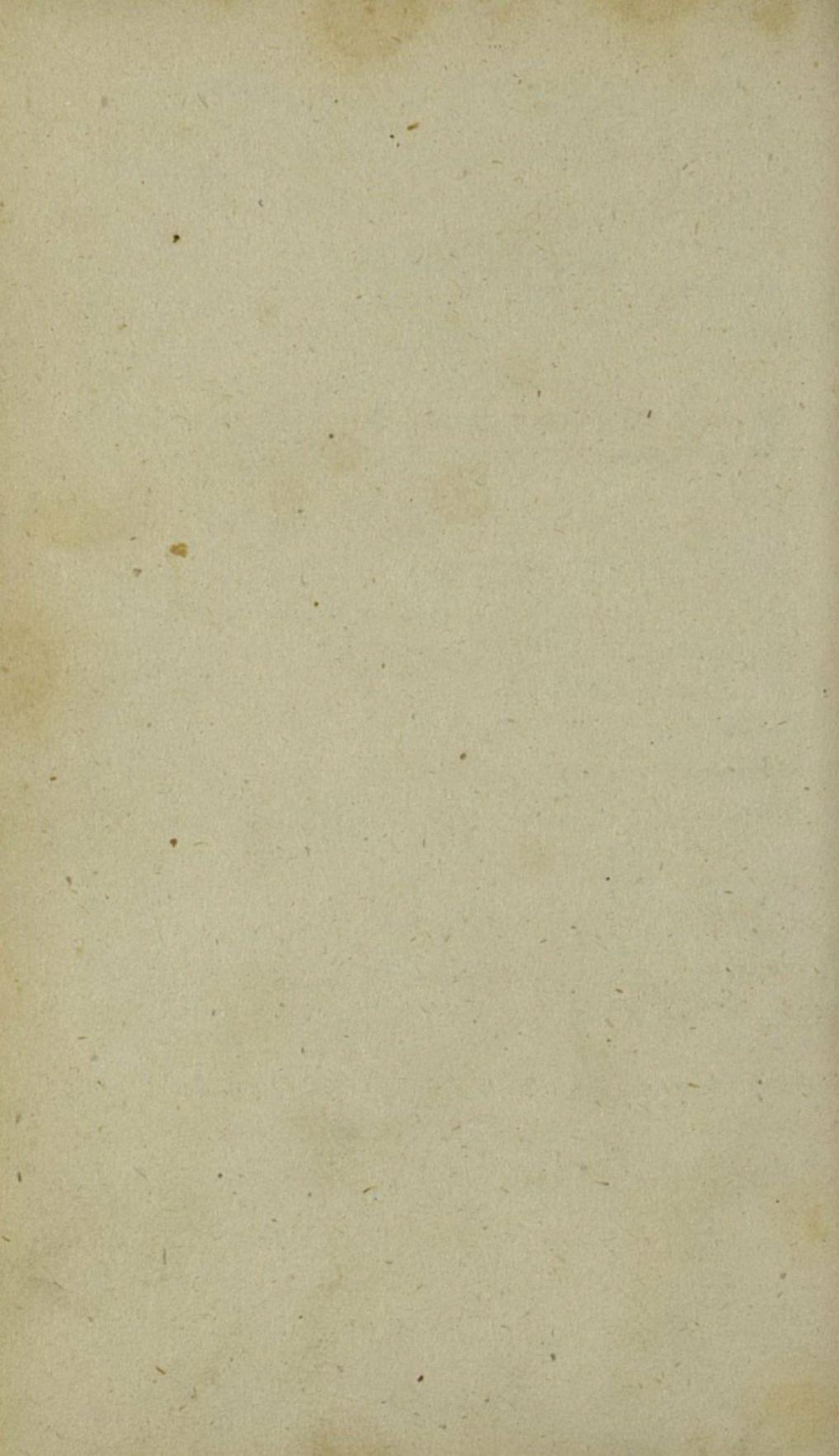
Мая 4. Москва
1844.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Страницы.</i>
Молитва	5
Подражаніе Псалму XIV.	5
Пловецъ	5
Моя родина.	6
Олегъ.	8
Ливонія.	13
Евпатій.	35
Пѣсня короля Регнера.	47
Кудесникъ	49
Двѣ картины.	24
• К.... М....	25
• Конь.	24
Пѣсня	26
Пловецъ	27
• Водопадъ.	29
• Гора	30
• Бури.	31
• Морская тоня.	32
• Къ Рейну.	34
• Д. В. Давыдову	37
• Морское купаніе.	44
• Землетрясенье.	42

ОЕМІСТОК ЛЪ,

Когда, въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х., тираны были выгнаны почти изъ всѣхъ городъ Греціи, и когда жизнь государственная и народная стала дѣятельнѣе, живѣе: тогда являются въ Греціи тѣ великія личности, на которыхъ мы невольно останавливаемся съ особеною любовью. Каждая изъ нихъ выражаетъ собою какую-нибудь великую эпоху Греческой исторіи во всей ся полнотѣ. Оттого Греческая исторія такъ свѣтла; оттого она такъ доступна и понятна для каждого.

Греки не дѣлили человѣка и гражданина: человѣкъ исчезалъ въ гражданинѣ. Чего хотѣло государство, того хотѣлъ гражданинъ, чѣмъ оно думало, думалъ и онъ; благоденствіе роднаго города было его благоденствіемъ, печаль его — его печалью. При такомъ взаимномъ слитіи человѣка съ гражданиномъ, гражданина съ государствомъ, когда являлся даровитый человѣкъ глубже другихъ понимавшій положеніе своей родины, дѣйствія его становились дѣйствіями цѣлаго государства. Какъ въ литературѣ Греческой каждая великая эпоха выражалась въ соответствующемъ ей художественномъ произведеніи, такъ и каждая великая эпоха въ истории Греціи вызывала на сцену одну изъ великихъ, истинно-художественныхъ личностей, на которой отпечатлѣвалась, во всей полнотѣ, современная ей жизнь. Къ такимъ личностямъ при надлежитъ Фемистокль, — первая вели-

кая личность, вызванная Афинскою демократиею.

Фемистокль родился въ 514 году, въ Афинахъ. Отецъ его Неоклъ не былъ аристократомъ; мать его была чужестранка. По одному преданию, мать его была изъ Фракіи по имени Абротононъ, по другому изъ Каріи, родомъ изъ Галикарнасса, по имени Эвтерпа. Еще ребенкомъ обѣщалъ онъ много, быть живаго характера, исполненъ глубокомыслия, и вообще обнаруживалъ во всемъ свое призваніе къ чему-то великому, къ славной дѣятельности на государственномъ поприщѣ. Говорятъ, что въ свободные часы онъ не игралъ съ своими товарищами: его находили часто въ школѣ подъ деревомъ, гдѣ онъ въ уединеніи, погруженный въ размышленіе, обдумывалъ и сочинялъ рѣчи, которыя произносилъ потомъ предъ товарищами, обвиняя одного, защищая другаго. Часто учитель ему тогда уже говори-

валъ : « изъ тебя выдетъ что-то необыкновенное , или отлично-доброе, или отлично-злое. » Онъ уже въ школѣ не любилъ заниматься предметами , необходимыми тогда для всякаго , кто хотѣлъ блестать въ высшемъ Аенискомъ обществѣ ; напротивъ , былъ не по лѣтамъ внимателенъ ко всему , что изощряетъ умъ и образуетъ для практической жизни. Такъ онъ никогда не учился играть на лирѣ , чтò было необходимою принадлежностю каждого образованнаго человѣка въ Аениахъ. Тѣмъ , которые издѣвались надъ нимъ , что онъ не умѣетъ играть на лирѣ , онъ отвѣчалъ : « я не умѣю брянчать на лирѣ , но дайте мнѣ управлять маленькимъ , ничтожнымъ городкомъ,—я сдѣлаю его славнымъ и великимъ. » Зато съ жадностю слушалъ онъ опытныхъ гражданъ и толки ихъ объ управлениіи государствомъ. Впрочемъ , долго въ юности былъ онъ неровнаго характера : пере-

мѣнчивъ, непостояненъ, впадалъ часто въ крайности и заблужденія. Но скоро и сильно обхватила его политическая жизнь, которая въ это время въ Аѳинахъ была самая живая и дѣятельная.

Послѣ Солона, положившаго начало Аѳинской демократіи, образовались у лучшихъ гражданъ извѣстныя опредѣленныя понятія о потребностяхъ Аѳинъ. Слава и благоденствіе государства, по ихъ мнѣнію, могли быть основаны только на полномъ развитіи демократіи, и связанными съ нею торговлѣ и морской силѣ. Пониманіе потребностей народа, твердые правила, которыми руководствовались лучшіе граждане въ общественной дѣятельности, называли Греки того времени мудростію. Тѣ былъ здравый практическій смыслъ, которымъ всегда отличались Греки и преимущественно, въ цвѣтущую свою эпоху, Аѳинь. Эта мудрость не была наукою, которой обучали въ

школахъ, нѣтъ, тѣ была мудрость живая. Ей учились на площади, въ народномъ собраніи; она переходила отъ отца къ сыну. Случалось часто, что около гражданина, извѣстнаго своими заслугами, собирался кругъ юношь; онъ поучалъ ихъ мудрости, и они становились его послѣдователями. Фемистоклъ взялъ себѣ въ руководители Мнезефилъ изъ Фреары, который пользовался тогда славою мудреца.

Бурная жизнь Аенинъ увлекла его, еще юношу; честолюбіе и жажда дѣятельности не давали ему покоя. Въ это время въ Аенинахъ только и было толку что о Мараѳонской битвѣ да о Мильтиадѣ. Фемистокль не находилъ себѣ мѣста ни днемъ, ни ночью; онъ не принималъ участія въ пирахъ; на него напала бесконница,—и всѣмъ, кто только спрашивалъ его о причинѣ такого беспокойства, отвѣчалъ, что победа Мильтиада не даетъ ему спать.

Фемистокль видѣлъ въ этой побѣдѣ не конецъ великой борьбы, какъ другіе, но только начало великихъ дѣлъ. Демократія была въ это время во всей своей силѣ. Фемистокль сталъ во главѣ партіи народной противъ партіи богатыхъ и знатныхъ, къ которой принадлежалъ Аристидъ, Милтіадъ и многіе другіе даровитые люди. Послѣдняя партія, не умѣя понять новаго народнаго движенія, старалась его обуздывать. Она боялась каждого новаго предпріятія, чуждалась всякаго нововведенія въ общественной жизни. Не таковъ былъ Фемистокль, живой, дѣятельный и решительный; онъ умѣлъ занимать народъ то тѣмъ, то другимъ, и сталъ въ скоромъ времени его любимцемъ. Первымъ его предложеніемъ въ народномъ собраниѣ было: обратить доходы съ Лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ на постройку галеръ для войны съ Эгиною. Эгина была сильнѣйшимъ въ то время

государствомъ на морѣ, и самою опасною соперницею Аѳинъ. Не смотря на то, что доходы эти раздѣлялись тогда между всѣми гражданами, такъ что каждый получалъ съ нихъ ежегодно 10 драхмъ (около двухъ рублей двадцати копѣекъ серебромъ), предложеніе Фемистокла было единодушно принято, и въ томъ же году сооружено сто галеръ. Съ этого времени Фемистокль не переставалъ указывать Аѳинянамъ на морѣ, какъ на единственное средство къ возвышенію города. Онъ понималъ, что Аѳинцы на сушѣ никогда не будутъ имѣть перевѣса въ Греціи; что только, какъ морская сила, могутъ получить первенство. Въ томъ успѣль онъ убѣдить гражданъ, не смотря на сопротивленіе противной партіи и преимущественно старца Мильтиада, укорявшаго его въ томъ, что онъ хочетъ унизить Аѳинянъ, отнявъ у нихъ мечь и щитъ, и приковавъ ихъ къ весламъ.

Борьба партии народной и аристократической долго продолжалась; наконецъ, Өемистокль одержалъ верхъ. Онъ возбудилъ подозрѣніе въ Аеннянахъ къ Аристиду, будто бы послѣдній уничтожалъ значеніе судебныхъ мѣстъ, разрѣшая самъ лично споры гражданъ, и стремился къ тиранніи. Аристидъ былъ изгнанъ. Это была личность чистая и благородная; вся вина его состояла въ непониманіи новаго народнаго движенія, въ неумѣстной умѣренности. Аеннянамъ рѣшительныя мѣры были необходимы; Аристидъ ихъ боялся, онъ былъ еще привязанъ къ благородной, почтенной, но уже не имѣвшей смысла старинѣ. Народу нужна была жизнь новая, дѣятельная. Это понялъ Өемистокль и приобрѣлъ неограниченную довѣренность народа. Въ Персидской войнѣ выказались вполнѣ великія дарованія Өемистокла и его глубокое пониманіе потребностей Аенна.

Ксерксъ двинулся на Гречію съ огромнымъ войскомъ. Въ Аєинахъ происходило совѣщаніе о избраніи полководца. Никто изъ гражданъ не рѣшался принять на себя эту должность въ такое трудное время. Одинъ Эпикидъ, пользовавшійся въ то время расположениемъ народа, но человѣкъ трусливый и продажный, вызвался быть полководцемъ. Всѣ готовы были подать голоса въ его пользу.Ѳемистокль успѣлъ отклонить Эпикіда отъ начальства, подкупивъ его, и тогда выборъ народа палъ единодушно наѲемистокла. Всльдъ за его избраніемъ, явился въ Аєины посолъ отъ царя Персидскаго и требовалъ, именемъ царя, совершенного подданства Аєинянъ,—земли и воды, какъ онъ выразилъся. Посолъ былъ Грекъ.Ѳемистокль потребовалъ его казни за то, что онъ осмѣлился высказать на Греческомъ языкѣ, языкѣ народа свободнаго, эти рабскія требованія. Принявъ началь-

ство, онъ не переставалъ уговаривать Аѳинянъ оставить городъ, перебраться на корабли и встрѣтить непріятеля далеко отъ береговъ Греціи. Граждане не хотѣли его слушать; имъ, еще не совсѣмъ опытнымъ въ морскомъ дѣлѣ, страшно было ввѣриться морю; къ тому же Мараѳонская битва была еще у всѣхъ въ свѣжей памяти, и партія противная не переставала оспоривать Фемистокла. Дѣлать было нѣчего. Фемистоклъ отправился съ Аѳинскимъ войскомъ въ ущеліе Темпѣ, для прикрытия границъ Фессаліи, еще не перешедшей на сторону Персовъ. Но онъ долженъ былъ скоро отступить; Фессалійцы пропустили Персовъ, и до самой Беотіи земля была занята непріятелемъ. Тогда поняли Аѳиняне свою ошибку и послали Фемистокла съ флотомъ къ мысу Артемизію. Здѣсь возникъ споръ между Спартанцами, хотѣвшими начальствовать флотомъ, и Аѳинянами, требовав-

шими этого начальства себѣ, ибо они имѣли болѣе кораблей, нежели всѣ союзники вмѣстѣ. Өемистокль явился примирителемъ; онъ понялъ, что не времяссориться при такихъ обстоятельствахъ, и подчинился Спартанцу Эврибіаду, уговоривъ къ тому и Аѳинянъ. Впослѣдствіи Греки единодушно признали эту заслугу Өемистокла, видѣли въ немъ спасителя Греціи и говорили, что онъ при Артемизіѣ одержалъ не одну, а двѣ побѣды: храбростю побѣдилъ непріятеля, благородствомъ-союзниковъ.

Сраженіе при Артемизіѣ не имѣло рѣшительныхъ послѣдствій; оно по крайней мѣрѣ ободрило Грековъ и пріучило къ мысли, что не многочисленность войска беретъ верхъ, но храбрость и мужество. Такъ думалъ и великий Греческій поэтъ Пиндаръ, который сказалъ, что здѣсь Аѳинское юношество положило основу свободы Греціи. Вскорѣ послѣ сраженія при Артемизіѣ,

пришло извѣстіе о смерти Леонида, защищавшаго Фермопилы; Ксерксъ пробился сквозь нихъ, вторгся въ Фокиду и приближался къ Аттику. Ни одинъ городъ не тронулся на защиту Аттики и Аѳинъ, не смотря на мольбы ихъ. Всѣ полагали, что нужно защищать скрѣе Пелопонезъ, какъ ядро Греціи, и собирали войско въ Исаѳіи, на Коринѳскомъ перешейкѣ, который укрѣпили на всемъ протяженіи отъ одного моря до другаго. Тогда отчаяніе овладѣло Аѳинянами; они почитали себя погибшими. Сражаться съ полчищами Ксеркса они не осмѣливались, удалиться и оставить городъ на произволъ непріятелю—не хотѣли, не смотря на всѣ увѣщанія Өемистокла, полагая, что не будетъ имъ спасенія, когда оставятъ врагамъ храмы боговъ и гробы отцовъ своихъ. Въ такихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ, Өемистокль прибѣгнулъ къ хитрости. Змѣя, которую кормили въ

храмъ Минервы жертвами, исчезла, не тронувши пищи; Фемистоклъ перетолковалъ, что сама Минерва, покровительница Афинъ, оставила городъ, и что потому за нею должны слѣдовать Афиняне. Не за долго предъ тѣмъ Делфійскій оракулъ сказалъ Афинянамъ, что имъ надо ожидать спасенія отъ деревянныхъ стѣнъ. Никто изъ нихъ не понялъ этого отвѣта. Фемистоклъ воспользовался темными словами оракула и растолковалъ Афинянамъ, что подъ деревянными стѣнами оракулъ разумѣетьничто иное, какъ корабли, которые спасутъ ихъ; что оракулъ называетъ островъ Саламисъ божественнымъ въ томъ смыслѣ, что возлѣ него стоитъ союзный Греческій Флотъ, отъ котораго имъ надлежитъ ожидать спасенія. Онъ дѣйствовалъ такъ хитро, такъ умно, что убѣдилъ Афинянъ оставить городъ, переправить женъ, дѣтей и старцевъ въ безопасныя мѣста, а всѣмъ взрослымъ идти на корабляхъ.

въ Саламисъ. Аѳиняне отправили женъ и дѣтей въ Трезены, гдѣ онѣ были радушно приняты. Ихъ содержалъ этотъ городъ на свой счетъ, и даже платилъ учителямъ за воспитаніе дѣтей. Поразительное зрѣлище представляли въ это время Аѳиньи. Гордые сознаніемъ своего великодушнаго подвига и самоотверженія, отправлялись мужи и юноши въ Саламисъ; жены, дѣти плакали, прощаясь съ отцами, сыновьями, братьями; оплакивали старцевъ, остающихся въ городѣ. Домашнія животныя понимали, казалось, несчастіе, постигшее городъ и ихъ господъ. Собаки, повѣся уши, бѣгали, визжа, по городу. Нѣкоторыя изъ нихъ не отставали отъ своихъ господъ, плывшихъ въ Саламисъ. Такъ разсказываютъ, что собака Ксантиппа, отца Периклова, бросилась въ море и плыла за кораблемъ до самаго Саламиса. Вышедши на берегъ, она пала мертвая къ ногамъ Ксантиппа. Еще во

время Плутарха, жившаго во 2 вѣкѣ по Р. Х., упомянувшаго объ этомъ, показывали мѣсто, гдѣ Ксантиппъ поставилъ памятникъ своей собакѣ.

Въ то время, когда союзный Греческій флотъ стоялъ при Саламисѣ, Өемистоклъ предложилъ народу возвратить всѣхъ изгнанниковъ и въ томъ числѣ Аристида, который съ этого времени принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ Аѳинскихъ. Такъ Өемистоклъ старался соединить и употребить въ дѣло всѣ силы для спасенія Греціи.

Эврибіадъ, полководецъ Спартанскій и цѣлой Греціи, опасался вступить въ бой при Саламисѣ и хотѣлъ отплыть къ Исому, гдѣ было собрано сухопутное войско цѣлага Пелопонеза. Өемистоклъ сильно тому противился, представляя всѣ выгоды ихъ положенія. Эврибіадъ до того разсердился, что поднялъ

уже палку на Фемистокла, но не смутить его. Фемистокль, забывая себя и думая только о своем отечествѣ, произнесъ тогда знаменитыя слова: «бей, только выслушай.» Эврибіадъ былъ такъ пораженъ этимъ необыкновеннымъ присутствиемъ духа, что далъ Фемистоклу высказаться. Фемистокль уже почти склонилъ Еврибіада на свою сторону, когда кто-то съ презрѣніемъ сказалъ: «Фемистокль, не годится тебѣ бездомному уговаривать другихъ оставить города и родину,» и этими словами возбудилъ новыя опасенія Эврибіада. Тогда Фемистокль отвѣчалъ. «Ничтожный! Твоя правда, мы оставили наши жилища, наши стѣны; но мы не хотѣли, изъ любви къ своему дому, стать рабами; 200 галеръ, вотъ самый сильный и надежный городъ нашъ, который теперь здѣсь на защиту цѣлой Греціи, и спасетъ васъ, если только захотите. Но, если хотите насть оставить, ступай-

те ; Гречія скоро услышить объ Аеніянахъ , что они опять имъютъ городъ свободный , и землю не хуже той , которую потеряли .» Эти слова подействовали на Эврибіада ; онъ испугался , полагая , что Аеніяне хотятъ оставить его , и согласился на всѣ предложенія Фемистокла . Но въ это самое время , какъ нарочно , приближался грозный непріятельскій флотъ и самъ Ксерксъ съ сухопутнымъ войскомъ . Увидавъ это , Греки забыли все , что говорилъ Фемистокль , и рѣшились , во что бы ни стало , отплыть къ Исому . Они хотѣли удалиться ночью , и кормчимъ было приказано быть готовыми къ отплытию . Чѣмъ было дѣлать Фемистоклу ? Горько ему было видѣть , какъ Греки оставляютъ свое выгодное положеніе : но время было коротко ; надо было употребить рѣшительныя мѣры . Фемистокль прибегнулъ къ хитрости . У него былъ служитель Сикинъ , пленный Персъ , воспитатель дѣтей его и

всю душою ему преданный. Онъ послалъ его тайно къ Ксерксу съ письмомъ слѣдующаго содержанія: »Өемистоклъ, полководецъ Аѳинскій, переходитъ на сторону царя и увѣдомляетъ его, что Греки хотятъ бѣжать къ Исому, дабы соединиться тамъ съ сухопутными силами. Онъ совѣтуетъ царю не упустить удобнаго случая, но немедленно на нихъ напасть и истребить ихъ флотъ.» Царь принялъ послана милостиво и повелѣлъ немедленно запереть входъ въ проливъ двумя стами галеръ. Того только и хотѣлъ Өемистоклъ. Изъ Грековъ замѣтилъ это прежде всѣхъ Аристидъ, только что возвратившійся изъ изгнанія. Онъ пробился на кораблѣ своемъ сквозь непріятельскій флотъ, пришелъ къ Өемистоклу въ палатку и объявилъ ему, что они заперты, что необходимо дать сраженіе. Өемистоклъ, зная благородство Аристида, скрылъ ему, что онъ сдѣлалъ и просилъ

убѣдительно уговорить Грековъ (Греки имѣли къ Аристиду больше довѣрія) сразиться, не теряя времени. Аристидъ исполнилъ его просьбу. Союзные полководцы не хотѣли еще вѣрить, но одинъ изъ кораблей Іонійскихъ (Іонійцы были на сторонѣ Персовъ) перешелъ на сторону Грековъ, и подтвердилъ слова Аристида. Тогда рѣшено было дать сраженіе. Съ разсвѣтомъ возсѣлъ Ксерксъ на золотомъ престолѣ, поставленномъ на возвышеніи, съ которого можно было обозрѣть весь флотъ. Его окружало множество писцовъ, которые должны были записывать все, что ни произойдетъ въ сраженіи.

Греки побѣдили. Послѣ сраженія при Саламисѣ, Ксерксъ, озлобленный неудачею, хотѣлъ соединить плотиною Саламисъ съ твердою землею и напасть на союзныхъ Грековъ всею сухопутною силою. Фемистоклъ, между тѣмъ, совѣтывалъ отплыть съ флотомъ къ Геллѣ

спонту, чтобы разрушить мостъ, построенный Персами, пресъчъ имъ путь, и, такимъ образомъ, какъ онъ тогда выразился «увидать Азію въ Европѣ.» Аристидъ не соглашался; онъ боялся оставить въ Греціи врага еще сильнаго и вообще боялся довести Ксеркса до отчаянія. «Нѣтъ, Фемистокль,—отвѣчалъ онъ,—нужно не ломать мостъ, а построить другой, чтобы какъ можно скорѣе выжить врага изъ Греціи.» «Если такъ,—сказалъ Фемистокль,—то надо подумать о средствахъ, какъ бы поскорѣе удалить Ксеркса изъ Греціи.» Съ этою цѣлію онъ послалъ снова къ царю одного изъ плѣнныхъ Персовъ, Арнака, съ письмомъ, гдѣ онъ опять прикидывался его доброжелателемъ. «Греки хотятъ плыть къ Геллеспонту,—писалъ онъ,—чтобы разрушить построенный тобою мостъ; совѣтуя тебѣ скорѣе оставить Грецію; изъ дружбы къ тебѣ, я удержу союзниковъ отъ преслѣдованія.»

Извѣстіе это испугало Ксеркса. Оставивъ Мардонія съ частью войска въ Греціи, онъ поспѣшно удалился.

Послѣ сраженія Саламинскаго и удаленія Ксеркса, Греки праздновали свои побѣды. Всѣ единодушно присудили Өемистоклу первую награду. Лакедемоняне взяли его съ собою въ Спарту. Здѣсь они подарили ему, въ награду за мудрость, оливковый вѣнокъ и лучшую во всей Спартѣ колесницу; 300 молодыхъ Спартанцевъ провожало его на возвратномъ пути въ Аѳины до самой границы. Скоро потомъ праздновала Греція Олимпійскія игры, и когда явился Өемистоклъ, всѣ глаза обратились на него; съ восторгомъ и рукоплесканіями указывали на него, какъ на спасителя Греціи. Өемистоклъ самъ признавался друзьямъ своимъ, въ избыткѣ сердечной радости, что теперь всѣ труды его, подъятые на благо Греціи, награждены достойно. Славолюбіе было основною чертою его

характера. Такъ онъ, будучи Аөинскимъ адмираломъ, бывало, нарочно откладывалъ до послѣдняго дня приготовленіе къ отплытию, дабы выказать всю свою дѣятельность и свое искусство собираясь мгновенно. Такъ, обозрѣвая трупы непріятелей, обильныхъ золотыми украшеніями, не дотрогивался до нихъ, предоставляя своему спутнику собирать добычу ; « возьми себѣ — говорилъ онъ ему — ты не Өемистоклъ. » Такъ одному Серифянцу (жителю одного ничтожнаго Греческаго островка, нынѣ Серфо или Серфанто), когда тотъ сказалъ ему : « ты обязанъ славою не себѣ, а Аөинамъ. » — Өемистоклъ отвѣчалъ : « твоя правда, но еслибъ я былъ и Серифянцемъ, я бы все-таки прославился, а ты не прославился бы и тогда, когда бы былъ Аөиняни-номъ. » — Замѣчательно также его изрѣченіе, что онъ въ мужья дочери своей предпочтеть богатому честнаго ; что онъ ищетъ человѣка, нуждающагося въ день-

гахъ, а не денегъ, нуждающихся въ человѣкѣ.

Теперь онъ стоялъ во главѣ Аѳинъ, былъ любимцемъ народа; все дѣлалось по его желанію. Задушевная мысль его, основаніе морскаго владычества, не оставляла его; онъ полагалъ, что настало теперь время привести ее въ исполненіе.

Въ 479 году, Персы были окончательно разбиты при Платеѣ и Микаль. Спартанцы съ союзниками удалились въ Пелопонезъ, Аѳиняне на родину, гдѣ, по совѣту Өемистокла, приступили къ восстановленію своихъ стѣнъ. Спартанцы всячески старались ихъ отклонить отъ этого, подстрекаемые союзниками, которые съ боязною смотрѣли на возрастающее могущество Аѳинъ и убѣдили Спартанцевъ отправить пословъ въ Аѳинны съ представлениями, какъ неумѣстно имъ теперь укрѣплять городъ,

когда Персы могутъ еще возвратиться и завладѣть Аѳинами, укрѣпленными ко вреду цѣлой Греціи. Аѳиняне, по совѣту Фемистокла, отпустили пословъ, обѣщая прислать въ скоромъ времени своихъ для переговоровъ. Съ этою цѣлію Фемистокль рѣшился самъѣхать въ Спарту, но просилъ Аѳинянъ не отправлять остального посольства, пока стѣны не будутъ выстроены по крайней мѣрѣ до половины. Между тѣмъ, всѣ граждане принялись дѣятельно за работу: жены, дѣти, старцы; публичныя зданія, частные дома, гробницы, — все было разрушаемо на матеріалъ для постройки стѣнъ. Прибывъ въ Спарту, Фемистокль, подъ предлогомъ, что ожидаетъ товарищѣй, не являлся въ народное собраніе. Ему вѣрили. Но вдругъ пронесся слухъ въ Спартѣ, что Аѳиньи укрѣпляются. Спартанцы испугались; Фемистокль просилъ ихъ не вѣрить пустымъ слухамъ, а лучше послать вѣрныхъ людей справиться на

мѣстѣ. Его послушались. Между тѣмъ онъ далъ тайкомъ знать въ Аѳинѣ обо всемъ происходившемъ и просилъ задержать пословъ Спартанскихъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Такой совѣтъ далъ Фемистоклъ изъ опасенія, что Спартанцы, узнавъ истину, задержать его у себя. Теперь онъ не боялся ничего; Аѳиняне имѣли заложниковъ въ лицѣ Спартанскихъ пословъ, и онъ явился смѣло въ народное собраніе съ извѣстіемъ, что Аѳинѣ укрѣплены. Дѣлать было нѣчего Спартанцамъ. Они, впрочемъ, не показали непріязни, ибо не могли не уважать и не бояться Аѳинянъ и самаго Фемистокла, хотя и смотрѣли на нихъ недовѣрчиво и съ тайною враждою.

Когда укрѣпленія Аѳинъ были кончены, Фемистоклъ приступилъ къ исполненію другаго плана, давно также имѣ задуманнаго,—къ укрѣпленію новой гавани Пирея. Онъ совѣтывалъ Аѳиня-

намъ укрѣпить Пирей , окруживъ его стѣною, и соединить съ городомъ. Пирей былъ для Аѳинъ , по его мнѣнію , важнѣе Акрополиса , потому что нападеніе съ моря было для нихъ несравненно опаснѣе нападеній съ суши. Въ послѣднемъ случаѣ они легко могли всегда укрыться въ Пиреѣ , оставивъ городъ врагамъ , или удалиться на корабли. Но соединивъ, такимъ образомъ, Пирей съ городомъ, онъ не только обезопасилъ тѣмъ городъ со стороны моря , но и способствовалъ дальнѣйшему развитію демократіи , возвысивъ народъ на счетъ аристократовъ. Въ Пиреѣ жили матросы , рыбаки , — народъ живой , дѣятельный ; укрѣпивъ Пирей , Өемистоклъ отдавалъ въ ихъ руки самыи городъ , и дѣйствительно жители Пирея начинаютъ играть съ этого времени важную роль въ дѣлахъ государственныхъ. На холмѣ Пинксѣ , гдѣ собирались народныя собранія , три-

буна оратора съ умысломъ была обращена имъ къ морю, дабы ораторъ всегда имѣлъ предъ глазами море, основу Аѳинскаго могущества. Впослѣдствіи, когда Спартанцы взяли Аѳину, въ 404 году, и когда Лизандеръ, Спартанскій полководецъ, назначилъ 30 Аѳинскихъ гражданъ неограниченными правителями Аѳинъ, они велѣли опять поворотить трибуну къ землѣ отъ моря, боясь морской силы, какъ корня демократіи. Всѣ мысли, всѣ дѣйствія Өемистокла имѣли въ виду содѣлать Аѳину первою морскою державою Греціи.

Когда Греческій союзный флотъ зимовалъ въ Пагазійскомъ заливѣ около Өессаліи, Өемистокль явился въ народное собраніе и сказалъ, что хочетъ сдѣлать предложеніе, но боится выскажать его передъ цѣлымъ народомъ. Аѳиняне приказали ему сообщить его Аристиду и исполнить, если послѣдній одобрить. Тогда Өемистокль объявилъ

Аристиду свое намѣреніе—сжечь союзный Греческій флотъ, дабы тѣмъ доставить полное первенство Аѳинамъ. «Предложеніе Өемистокла,—сказалъ Аристидъ народу,—столько же полезно, сколько и безчестно, » и народъ послушался Аристида, отказавъ на этотъ разъ Өемистоклу.

Не долго стоялъ еще Өемистокль во главѣ Аѳинъ. Онъ былъ изгнанъ. За что? Какъ рѣшились, какъ могли изгнать человѣка, котораго всѣ мысли были обращены ко благу Аѳинъ? Отвѣтъ на это могутъ дать слова самаго Өемистокла: » Аѳиняне меня не любятъ, говорилъ онъ; я похожъ на платановое дерево, подъ которымъ они ищутъ защиты во время бури, тѣни во время жара; не нужно оно имъ болѣе, они готовы его срубить. » Въ самомъ дѣлѣ, Аѳиняне недовѣрчиво смотрѣли на людей, выступавшихъ изъ общаго уровня. Нужно было много ума, искусства,

хитрости и счастія , чтобы долго удер-
жаться во главѣ народа и заставить
недовѣрчивый народъ полюбить себя.
При малѣйшей неудачѣ онъ начиналъ
тревожиться. Онъ боялся людей не-
обыкновенныхъ и готовъ былъ всегда
видѣть въ нихъ новаго тирана. Оттого
онъ не щадилъ никого и изгонялъ
всѣхъ , кто сколько-нибудь казался
ему опаснымъ. Да и щадить ему было
не зачѣмъ: при дѣятельной жизни Аѳинъ,
при свободномъ развитіи всѣхъ силь-
народа , не было недостатка въ лю-
дяхъ, способныхъ продолжать разъ-нача-
тое. Өемистокль былъ изгнанъ; явился
Перикль, который наслѣдовалъ всѣ его
планы.

Къ изгнанію Өемистокла способство-
вали много Спартанцы, которые не мог-
ли ему простить сооруженія стѣнъ Аѳин-
скихъ. Они всѣми силами поддержи-
вали противную партію и преимуще-
ственно Кимона , сына Мильтіада , са-

маго опаснаго соперника Фемистокла. Кимонъ принадлежалъ, вмѣстѣ съ Аристидомъ, къ умѣренной партіи; былъ аристократъ и умѣлъ льстить народу, ослѣпляя его своимъ богатствомъ, давая пиры, одѣвая бѣдныхъ гражданъ. Но, не смотря на то, Кимонъ никогда не могъ пріобрѣсти сильнаго вліянія на Аѳинянъ и никогда не стоялъ во главѣ ихъ. Народъ знаетъ, кого и что ему надо.

Фемистоклъ былъ изгнанъ. «Вамъ наскучило братъ хорошее и полезное изъ однѣхъ и тѣхъ же рукъ,» были его послѣднія слова Аѳинянамъ. Онъ удалился въ Аргосъ. Въ это время Павзаній, царь Лакедемонскій, былъ обвиненъ въ измѣнѣ. Это подало поводъ врагамъ Фемистокла обвинить и его въ доброжелательствѣ Персамъ. Павзаній въ самомъ дѣлѣ сообщалъ Фемистоклу свои замыслы, когда послѣдній жилъ уже въ изгнаніи, и по види-

мому предлагалъ принять участіе въ нихъ; ноѲемистоклъ отказался, не открывая, однако же, никому намѣрѣній Павзанія. При судѣ надъ послѣднимъ найдены были его письма къѲемистоклу, что и послужило поводомъ къ новому обвиненіюѲемистокла.Ѳемистоклъ защищался письменно. «Если,— писалъ онъ Аѳинянамъ,— правда тѣ, что говорятъ обо мнѣ мои враги, будто бы я все хочу повелѣвать, а не повиноваться; то какъ же, послѣ этого, могу я продать себя и Грецію варварамъ и врагамъ?» — Обвинители его убѣдили однако же Аѳинянъ послать за нимъ, схватить его и представить на судѣ Греціи.Ѳемистоклъ, узнавъ о томъ заранѣе, удалился на островъ Корциру, имъ нѣкогда облагодѣтельствованную. (*) Но и тутъ была неуда-

(*) Избранный посредникомъ, онъ рѣшилъ споръ между Коринѳомъ и Корцирою въ пользу Корциры.

ча. Корцирійцы, боясь Аєинъ и Спарты, просили его убѣдительно оставить островъ и перевезли его на твердую землю. Сперва онъ бѣжалъ въ Эпиръ, но, преслѣдуемый и здѣсь врагами, рѣшился, наконецъ, на послѣднее средство, и прибѣгнулъ къ великодушію Адмета, царя Молоссовъ, своего жестокаго врага, которому онъ, отъ имени Аєинъ, въ дни своей силы, отказалъ въ его просьбѣ такъ рѣзко, что Адметъ поклялся отмстить ему. Но Адметъ принялъ Өемистокла дружелюбно и обѣщалъ ему свое покровительство.

Говорятъ, что когда Өемистоклъ пришелъ къ Адмету, его не было дома. Өемистоклъ обратился съ просьбою къ женѣ его, Пеіп, которая научила его взять Адметовасына на руки, стать у очага семейнаго и въ такомъ положеніи просить помощи и покровительства у Адмета, ибо у Молоссовъ былъ обычай никому

ни въ чемъ не отказывать, кто являлся съ ребенкомъ на рукахъ. (*) Другіе говорять, что самъ Адметъ научилъ его такъ сдѣлать, дабы имѣть достаточную причину въ извиненіе, что не выдаетъ его врагамъ. Въ самомъ дѣлѣ, послы изъ Спарты и Аѳинъ явились къ Адмету, требуя выдачи Фемистокла: но Адметъ отказалъ, и отправилъ Фемистокла въ Пидну, Македонскій городъ, откуда безопасно можно было пробраться въ Персидскія владѣнія. Фемистоклъ, подъ чужимъ именемъ, нанялъ судно и съ большими опасностями прибылъ въ Ефесъ. Противный вѣтеръ было пригналъ его къ Аѳинскому флоту, осаждавшему островъ Наксосъ. Чтобы побудить къ скорѣйшему отплытию, Фемистоклъ объявилъ свое

(*) Сюда прибыли изъ Аѳинъ тайкомъ жена и дѣти Фемистокла, по старанію Эпикрата Ахарнейскаго, за что Эпикратъ, по требованію Кимона, былъ потомъ казненъ.

имя и сказалъ: «если вы меня выда-
дите, я скажу, что вы съ самаго начала
знали, кого везете, и дали себя под-
купить деньгами и льстивыми словами.»
Высаженный близъ Киме, Эолійскаго
города въ Мизіи, онъ услыхалъ, что
голова его оцѣнена царемъ Персидскимъ
и что его хотятъ схватить, дабы полу-
чить плату, а потому онъ убѣжалъ
въ маленькой Эолійской городъ Эге, гдѣ
его никто не зналъ, кромъ друга его
Никогена, человѣка весьма богатаго и
знакомаго съ Персидскими вельможами.
Пробывъ у него нѣсколько дній, онъ
въ крытой повозкѣ отправился въ Пер-
сію; спрашивавшимъ, кто ѿдетъ, гово-
рили, что ѿдетъ молодая Гречанка изъ
Іоніи ко двору Персидскаго царя, ибо
въ Персіи женщины всегда ѿздили въ
закрытыхъ возницахъ, невидимыя для
мужчинъ.

По прибытіи въ Персію, съ со-
дѣйствіемъ военачальника Артабана, онъ

быль представленъ Артаксерксу. На вопросъ, кто онъ такой? — онъ отвѣчалъ: «Фемистокль, изгнанный Аѳинянами, преслѣдуемый Греками, пришелъ въ твои земли. Я нанесъ много зла отцу твоему Ксерксу; но тогда былъ долгъ мой такъ дѣйствовать, защищая свое отчество; зато я сдѣлалъ ему и много добра, когда намъ уже нѣчего было бояться, а ему, напротивъ, угрожала опасность: я не преслѣдовалъ его какъ побѣдитель. Я пришелъ просить покровительства и прощенія. Греки, какъ видиши, изгнали меня за любовь мою къ Персамъ. Сдѣлай мое несчастіе зеркаломъ твоего великодушія, а не цѣллю твоего гнѣва. Ты во мнѣ видиши просителя, ищущаго твоей защиты. Неужели повелиши умертвить человѣка, ставшаго врагомъ Греціи.» Артаксерксъ былъ изумленъ и вмѣстѣ восхищенъ такимъ отвѣтомъ. Онъ принесъ благодарственныя жертвы богамъ за то, что они ослѣпили его вра-

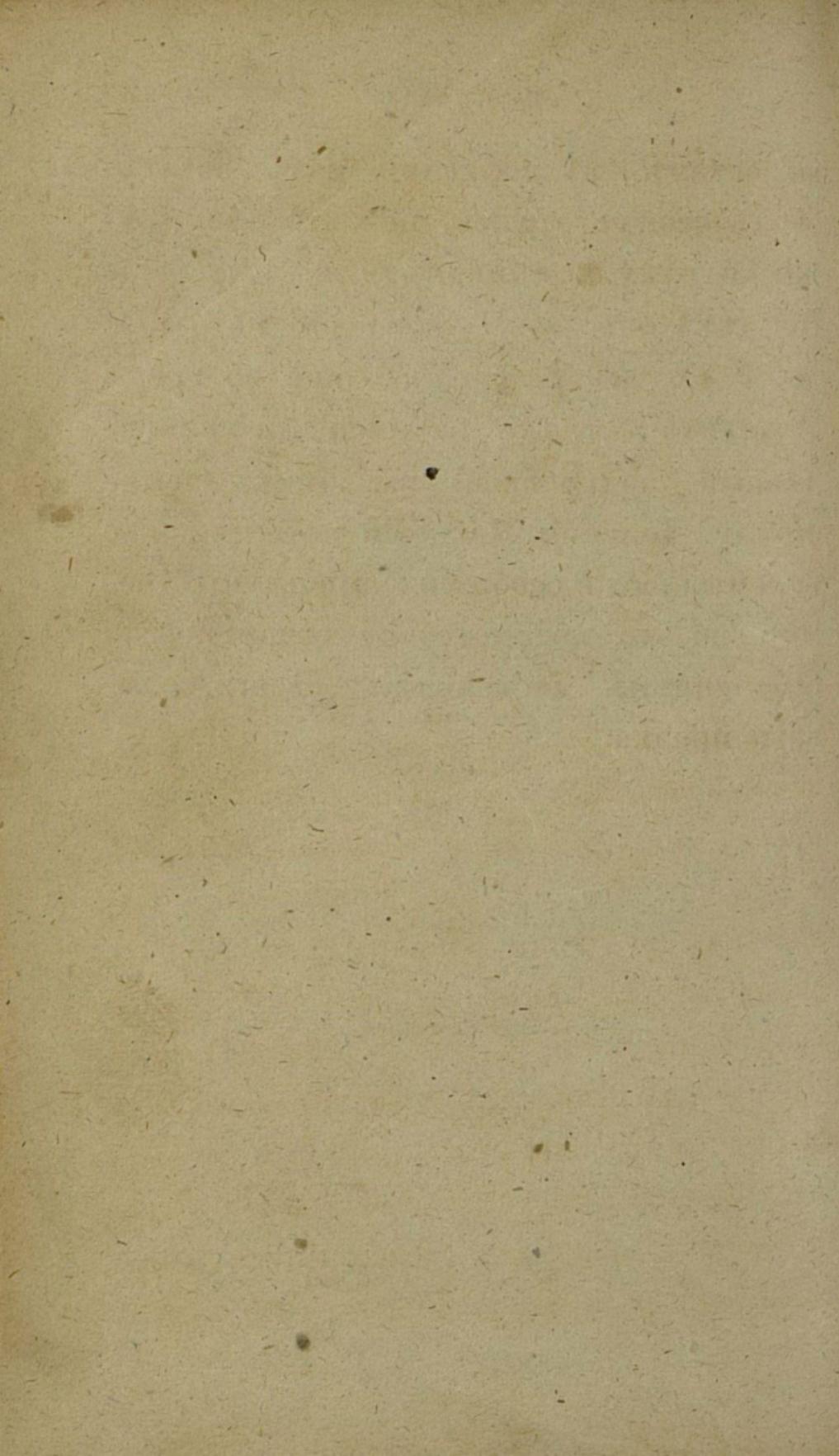
говъ, изгоняющихъ своихъ лучшихъ гражданий; тотчасъ изготовили пиръ, и царь въ радости три раза воскликнулъ: «Фемистокль въ моихъ рукахъ.»—На другой день, передъ всѣмъ дворомъ, Фемистокль просялъ у царя годъ срока на изученіе Персидскаго языка, чтобы потомъ объяснить ему лично причины, которыя привели его въ Персію. Исполненный удивленія къ нему Артарксерксъ согласился на просьбу. Фемистокль употребилъ этотъ годъ на изученіе Персидскаго языка; явился, по истеченіи срока, къ Артарксерксу, и имѣлъ съ нимъ частые переговоры наединѣ. Онъ былъ осыпанъ благодѣяніями и почестями. Города: Магнезія (въ Лидіи), Лампсакъ (въ Каріи) и Мій (въ Мизіи) даны были ему на его расходы; другіе прибавляютъ къ этому еще два Мизійскіе города: Перкоте и Палескепсисъ. Такимъ почестями онъ, вѣроятно, обязанъ былъ тому, что успѣлъ внушить царю надежду покорить Грецию.

цю; сверхъ того Фемистокль успѣль прінести и самой Персіи прямую пользу: многія перемѣны при дворѣ Персидскаго царя были, кажется, слѣдствіемъ совѣтовъ, данныхъ царю Фемистокломъ. Онъ жилъ нѣсколько лѣтъ покойно въ Магнезіи, никѣмъ не тревожимый. Царь, занятый во внутренности Азіи, не обращалъ вниманія на Грецію и не тревожилъ Фемистокла. Но когда Египетъ отложился и призвалъ на помощь Аѳинянъ, и Кимонъ съ 200 галеръ окружилъ Кипръ и угрожалъ Киликіи, Артаксерксъ испугался и собралъ войско. Тогда онъ потребовалъ отъ Фемистокла исполненія обѣщаній. Гонца за гонцомъ слалъ къ нему царь и требовалъ совѣтовъ. Но Фемистокль не могъ мстить отечеству; это было сверхъ силъ его; онъ былъ Грекъ и въ изгнаніи любилъ Аѳинь. Отказать Артаксерксу не было возможности. Онъ зналъ, что его ожидало въ случаѣ отказа. Принесши жерт-

вы богамъ, въ послѣдній разъ онъ со-
звалъ своихъ друзей, пожалъ имъ дру-
жески руку и принялъ ядъ. Ему было
65 лѣтъ отъ рода. Это было въ 449 г.
до Р. Х. Въ Магнезіи, еще во время
Плутарха, стоялъ на площади велико-
лѣпный надгробный памятникъ Ѣеми-
стоклу. Долго въ Магнезіи потомство его
пользовалось особыми преимущества-
ми; но это потомство не ознаменовало
себя ничѣмъ достойнымъ своего вели-
каго предка.

Б2 . . 6.

ІОАННА ДАРКЪ.

СТАТЬЯ I.

Іоанна д'Аркъ родилась въ Домреми, небольшой деревенькѣ на рѣкѣ Мозелѣ, между Вокулѣромъ и Невшателемъ, въ 1410 или 1411 году — неизвѣстно. Родители ея были честные поселяне ; отецъ ея назывался Яковомъ д'Аркъ, а мать Изабеллой; у нихъ было еще три сына и двѣ дочери. Семейство это было бѣдно, но трудолюбиво, честно и согласно. Одни полагаютъ, что Іоанна въ молодости занималась домашними работами, пряла и шила бѣлье; другие, что

она пасла стада ; третью, что она была служанкою въ маленькой гостинице. Первое мнѣніе самое вѣроятное ;—достовѣрно еще и то , что она всегда отличалась своимъ поведеніемъ, была прелестная, услужливая, кроткая и благочестивая девушка. Она не знала грамоты, ибо грамотъ тогда не учили поселянъ, но знала наизусть символъ вѣры и нѣсколько молитвъ. Современные историки, описыывающіе ея наружность, говорятъ, что ея лицо выражало ангельскую кротость , что она была стройна , имѣла величавую осанку , хотя была не велика ростомъ ; въ воинской же одежде всякий могъ принять ее за отважнѣйшаго и благороднѣйшаго рыцаря своего времени : съ такою ловкостью и прелестью носила она свой шлемъ, украшенный бѣлыми перьями, свою желѣзную броню и благородное знамя, всегда торжествовавшее въ ея рукахъ.

Мало имѣютъ свѣденій о ея дѣтствѣ;

никому не приходило въ голову заниматься бѣдною поселянкой, простой, скромной,—живущей, какъ и всѣ ея подруги, лѣтомъ въ поляхъ, зимою въ отцовской хижинѣ. Кто могъ бы подумать, что эта бѣдная дѣвочка сдѣлается со временемъ спасительницею Франціи?

Но надобно знать сперва въ какомъ состояніи находилась тогда эта Франція и что было причиною долгихъ войнъ съ Авгліею, приведшихъ государство на край гибели.

По смерти короля Французскаго Карла IV, не оставившаго послѣ себя дѣтей, возникъ вопросъ о престолонаслѣдіи: долженъ ли занять престолъ Франціи — Эдуардъ III, король Англійскій, сынъ Изабеллы, родной сестры Карла IV,— или Филиппъ VI, происходившій отъ сына Филиппа III, короля Французскаго, дѣда Карла IV. Хотя Эдуардъ III находился въ ближайшемъ родствѣ съ Карломъ IV, нежели Филиппъ, но

притязаніе первого на наслѣдіе престола было основано на происхожденіи отъ женскаго колѣна. Во Франціи же дѣйствовалъ такъ называемый *законъ Салическій*, дававшій преимущество въ престолонаслѣдіи мужескому поколѣнію передъ женскимъ. Вотъ что было поводомъ къ долгимъ войнамъ между Англіею и Франціею, которыя, съ небольшими перерывами, продолжались до самой Орлеанской дѣвы. —

Въ это время царствовалъ Карлъ VII; но какое печальное наслѣдство онъ получилъ отъ отца своего, безумнаго и несчастнаго Карла VI? Сперва малолѣтство, а потомъ безуміе Карла VI (умершаго въ 1422 году) подали поводъ къ новымъ безпорядкамъ и внутреннимъ раздорамъ между сильными владѣльцами государства, и даже членами королевскаго дома. Въ его царствованіе, Англичане, герцоги Бурбонскій, Бретанскій и сама Изабелла Ба-

варская, недостойная королева Франціи, бросились, по сказанію лѣтописцевъ, на несчастную землю, какъ на свою добычу, терзали ее, и расхищали во всѣ стороны. Слѣдя ихъ примѣру, дворяне и владѣльцы земель также мучили народъ, словно хищные птицы беззащитную овцу. Одинъ стариинный историкъ говоритъ: «состояніе Франціи было тогда ужасно; вездѣ господствовали смятеніе, нищета, опустошеніе, и ужасъ. «Сами грабители-дворяне нерѣдко ужасались, при видѣ измученного народа. «Англичане, Бургундцы, даже сами Французы, одни за другими овладѣвали каждой хижиной, каждой фермою. Только и думали о налогахъ и контрибуціяхъ; а военные люди единодушно грабили поселянъ и беззащитныхъ торговцевъ.»

Послѣдствіемъ были страшныя восстанія сельскихъ жителей, известныя

подъ названиемъ *Jacquerie*, внезапно вспыхнувшіе на всѣхъ концахъ Франціи. Всякое угнетеніе имѣть свою мѣру, за которую не переходитъ. Французскіе дворяне и аристократы этого времени переполнили эту мѣру и получили достойное наказаніе. Сначала поселяне требовали только освобожденія отъ лишнихъ тягостей, налагаемыхъ на нихъ господами, но удовлетворенія не было, и скоро страшныя жестокости начали сопровождать эти возстанія. Крестьяне ничего не щадили; грабили, жгли и убивали всѣхъ и каждого все что имъ ни попадалось подъ руку. Когда ихъ спрашивали: зачѣмъ они такъ дѣлаютъ? они отвѣчали: «мы сами не знаемъ; мы дѣлаемъ тѣ, что и другіе дѣлаютъ; и думаемъ, что дѣлаемъ дѣло, ибо надо наконецъ сжить со свѣта всѣхъ дворянъ.» Противъ нихъ соединялись дворяне и, гдѣ только могли, платили имъ тѣмъ же.

Къ такимъ несчастіямъ внутри земли

присоединилась новая война съ Англіею и вторженіе Генриха V, короля Англійскаго. Его побѣда при Азенкурѣ (въ 1415) не заставила Французовъ забыть домашнія раздоры и соединиться противъ общаго врага. Карлъ VII, новый король Франціи, не имѣлъ ни силы характера, ни той дѣятельности, которыя были необходимы для возстановленія общественнаго порядка, и думалъ болѣе о своихъ личныхъ выгодахъ, чѣмъ о благѣ Франціи. Его сановники и оставшіеся вѣрными ему сильные вассалы находились въ безпрестанныхъ раздорахъ между собою; государственная казна была истощена; земля обѣдняла; о благоустройствѣ войскъ не было и помину. Филиппъ, герцогъ Бургундскій, присталъ къ Англичанамъ. Большинство Франціи уже считало дѣло Карла VII погибшимъ, и полагало ея будущее спасеніе въ соединеніи съ Англіею подъ однимъ скипетромъ Генриха VI, ко-

торый возстановить миръ и порядокъ. Всякая любовь къ родинѣ, отечеству была забыта, и, казалось, не было человѣческой силы, которая бы могла спасти Францію. Во владѣніи Карла VII осталась одна небольшая часть королевства, и его въ насмѣшку называли королемъ Буржскимъ отъ столицы его Буржъ.

Молодой король Англійскій, Генрихъ VI, принялъ название короля Франціи, а его дядя, герцогъ Бетфортскій, назвался регентомъ, и рядомъ безпрерывныхъ побѣдъ скоро овладѣлъ большею частию Франціи. Нормандія, Фландрія, Пикардія, Шампань, Лоррена, Парижъ и всѣ окружающіе его города пали во власть Англичанъ, которые, въ надеждѣ на свои успѣхи, осадили наконецъ и Орлеанъ. Со взятиемъ этого города для Карла VII исчезала всякая надежда на спасеніе. Лангедокъ и Дофине, остававшіеся дотолъ вѣрными ему, были покорены герцогомъ Бургунд-

скимъ и Савойскимъ, и жалкая столица Буржъ едва могла выдержать осаду нѣсколькихъ дней. — Тогда-то явилась Іоанна д'Аркъ.

Она знала не только по наслышкѣ о бѣдствіяхъ и смутахъ, раздиравшихъ ся отечество, но эти бѣдствія коснулись и ся мирнаго жилища. Домреми держался стороны Карла VII, а сосѣднее село Максе-Бургундіи и Англіи. Между жителями того и другаго села доходило часто до ссоры и даже до кровопролитія. «Только одинъ изъ жителей, Домреми, — говорила впослѣдствіи сама кроткая Іоанна, — былъ на сторонѣ Англичанъ, но я, признаюсь, тогда уже желала, чтобы его голова скорѣе пала, если только это угодно Богу. — При такихъ впечатлѣніяхъ возросла Іоанна, и не мудрено послѣ этого, что всюду чудныя видѣнія волновали ея пылкое воображеніе. Въ первый разъ послышалася ей, на 13 году ея возраста, голосъ, какъ-бы

выходящій изъ земли. «Я сперва (разсказывала она послѣ) сильно испугалась. Голосъ послышался мнѣ въ полдень, когда я сидѣла, въ праздникъ, въ саду моего отца; онъ выходилъ изъ церкви, въ правой руцѣ отъ меня. Почти всегда съ этимъ голосомъ видѣлся мнѣ какои-то чудный свѣтъ. Голосъ повелѣвалъ мнѣ хорошо вести себя, во спасеніе моей души, и ходить прилежно въ церковь.» Іоанна тогда уже дала обѣтъ остатся навсегда дѣвою; она также утверждала, будто видить видѣнія и слышитъ часто голоса, которые говорятъ ей про короля ея Карла и грозятъ Англичанамъ; и не разъ она тогда уже сказывала отцу, что пойдетъ воевать за своего короля. Ничто не могло ее отвратить отъ этой мысли; отецъ хотѣлъ выдать ея замужъ за одного молодаго человѣка, родомъ изъ Туль, но Іоанна поклялась, что ей никогда не быть замужемъ. Самъ отецъ думалъ иногда, что она колдунья, и разъ

сказалъ сыновьямъ своимъ «еслибъ я могъ увѣриться, что въ самомъ дѣлѣ Іоанна тѣ, чего я опасаюсь, то если не вы, я бы самъ утопилъ ее.»

Она продолжала имѣть странныя видѣнія и словно откровенія свыше, какъ рассказываютъ современники.—Въ храмахъ, куда часто ходила она молиться, въ таинственномъ мрачномъ лѣсу близъ источника, на берегу котораго она часто погружалась въ думу, Пречистая Дѣва и Ангелы часто являлись ей, и слышалася голосъ, что только дѣва можетъ спасти Францію, и что эта дѣва она. — Послѣ несчастной битвы Вернейской, эти видѣнія сдѣлались чаще. Когда осадили Орлеанъ, въ 1428 г., Іоанна непремѣнно захотѣла видѣть Бодрикура, военачальника въ Вокулёрѣ, чтобы просить его о представлѣніи ея королю. Отецъ ея всѣми силами оспоривалъ ея намѣреніе, но все было тщетно; она не

могла долѣе противиться велѣніямъ свыше.—Дядя ея, Лаксаръ, согласился на ея просьбы и отвелъ ее тайно въ Вокулёръ; Бодрикуръ, старый воинъ, грубый и суроый, принялъ ее сначала очень дурно, сказалъ что она сумасшедшая и что ее надобно отослать къ отцу. Это мало-обѣщавшее начало однажды испытило Юанну д'Аркъ бодрости; она не возвратилась въ Домреми, а нашла себѣ убѣжище у одного колесника въ Вокулёрѣ. Недолго она прожила тутъ какъ весь городъ уже зналъ про нее. Благочестіе ея было безпримѣрное: она цѣлые дни проводила у подножія алтарей, говоря, что ее призываютъ къ нимъ видѣнія. Она часто ходила къ Бодрикуру; наконецъ, онъ былъ тронутъ ея твердостью и смиренною вѣрою въ себя и свое призваніе.

Межу тѣмъ, осада Орлеана продолжалась и несчастный городъ былъ до-

веденъ до крайности. Съ паденіемъ Орлеана, гибель Карла была неизбѣжна, ибо Орлеанъ былъ его послѣднею опорою. Страшныя извѣстія изъ Орлеана еще усилили рѣшимость Іоанны; слова ея сдѣлались яснѣе и опредѣленнѣе. Ей было велѣніе свыше не терять болѣе времени и принудить Англичанъ къ снятію осады съ Орлеана; она въ послѣдній разъ пришла къ Бодрикуру и сказала ему:

«Знайте, что самъ Богъ велитъ миѣ идти къ дофину и даетъ начальство надъ ратью. Я приведу его въ Реймсъ и наложу на него корону Франціи.»

Въ словахъ ея было столько твердости и вѣры, что онъ не смѣлъ долѣе противиться. Жители Вокулёра доставили ей все нужное, купили ей лошадь, дали ей полную воинскую одежду, и цѣлый городъ провожалъ ее. Старшій братъ ея Яковъ д'Аркъ и Сиръ-де-По-

ленжъ были ея спутниками. Съ ними было еще нѣсколько человѣкъ. Это было въ Февралѣ 1429 года.

Дворъ Карла VII находился тогда въ Шанонѣ, въ провинціи Туренѣ. Немудрено вообразить каковъ былъ дворъ короля, котораго государство было въ такомъ жалкомъ состояніи. Нѣсколько вѣрныхъ подданныхъ, старинныхъ честныхъ дворянъ, слѣдовали еще за нимъ; но его слуги, его тѣлохранители, давно уже не получавшіе никакой платы, безпрестанно покидали его. Король доведень былъ до печальной необходимости обѣдать одинъ, чтобы подданные не видали всей его нищеты. Современники рассказываютъ, что Ксентрайль и Лагиръ, два лучшіе его военачальника, разъ нашли его за столомъ одного, и весь обѣдъ его состоялъ изъ куска баранины и цыпленка. Другой историкъ говоритъ, что Карлъ былъ въ величайшей крайности, когда прибыла къ нему

Іоанна д'Аркъ ; было всего четыре червонца въ королевской казнѣ и такъ мало было кредита у короля, что сапожникъ не хотѣлъ сдѣлать ему пары сапогъ , безъ платы наличными деньгами.

Ему совѣтовали заложить королевскія владѣнія для домашнихъ издержекъ , но онъ отказался отъ такой постыдной сдѣлки. Впрочемъ, еще сомнительно , нашелся ли бы довольно отважный ростовщикъ, чтобы дать взаймы денегъ королю Франціи, даже подъ залогъ владѣній его.

Іоанна д'Аркъ пріѣхала съ своею свитою въ Шанонъ 6 Марта 1429. Тотчасъ приказала она объявить королю, что она явилась къ нему по повелѣнію Божію и что она коронуетъ его въ Реймсѣ. Дворъ и самъ король забавлялись сначала такими странными увѣреніями Іоанны. И возможно ли было думать, чтобы такая слабая рука могла

спасти государство отъ явной и близкой гибели? Однако же скоро узнали изъ письма Бодрикура и изъ рассказовъ рыцарей, сопровождавшихъ Іоанну д'Аркъ, о всемъ, что было чудеснаго въ судьбѣ молодой девушки. Король захотѣлъ сдѣлать ей испытаніе; онъ принялъ ее среди своего двора, но одѣлся въ самое простое платье, а на свое мѣсто посадилъ одного богато-одѣтаго придворнаго. Іоанна д'Аркъ не остановилась передъ тѣмъ, который представлялъ короля, и тѣтчасъ подошла къ Карлу, поклонилась ему съ большою ловкостью и преклонила передъ нимъ колѣна.

« Я не король, — сказалъ Карлъ — вотъ онъ » и показалъ на своего представителя.

« Клянусь Богомъ » отвѣчала она « это ты и никто другой. » Потомъ она добавила: « Добрый дофинъ, я дѣва Іоанна; Святой Михаилъ Архангелъ, Святая

Екатерина и Святая Маргарита послали меня освободить Орлеанъ и привести тебя въ Реймсъ, гдѣ ты будешь коронованъ и снова получишь престолъ Франціи. »

Король потребовалъ, чтобы она доказала справедливость своихъ словъ; она отвела его тогда въ сторону и долго говорила съ нимъ, но никому не было известно, что она ему сказала. Послѣ этого тайного разговора, король въ большей радости объявилъ своему двору, что онъ имѣть полную довѣренность къ молодой дѣвушкѣ и приказалъ всѣмъ своимъ приближеннымъ обращаться съ нею какъ можно почтительнѣе.

Однако же совѣтники короля боялись принять услуги Іоанны д'Аркъ слишкомъ легкомысленно: одни боялись, въ случаѣ неудачи, показаться смѣшными, другие полагали, что откровенія свыше, о коихъ говорила Іоанна, могли быть

внущеніями діавола, и что въ этомъ дѣлѣ
примѣшено колдовство; самъ же Карлъ
былъ государь слабый и легковѣрный,
и потому рѣшено было отправить ее въ
Поатье, и тамъ созвать собраніе бого-
слововъ, людей ученыхъ и опытныхъ.
Имъ велѣно было сдѣлать Іоаннѣ испыта-
ніе «въ вѣрѣ, жизни, нравахъ и посланіи» и рѣшить, можетъ ли Карлъ до-
вѣрить ея пророчествамъ и принять
отъ нея помощь.

Іоанна предстала передъ этимъ
собраніемъ съ увѣренностию, не по-
кидавшею ее ни на одно мгновеніе,
и отвѣчала съ такимъ умомъ, что
внушила всѣмъ самое высокое мнѣніе
о себѣ. Не разъ однако же она теряла
терпѣніе. «Какимъ нарѣчіемъ говорять
голоса, которые вы слышите?» спро-
силъ ее дурнымъ Лимузинскимъ нарѣ-
чіемъ одинъ монахъ Легонъ. «Лучшимъ,
нежелѣ ваше.» отвѣчала она. Когда ей
приводили тексты въ доказательство,

что не должно вѣрить ея откровеніямъ, она говорила: «Я не знаю даже азбуки, но я читаю въ книгѣ Божіей, въ которой больше сказано, чѣмъ во всѣхъ вашихъ книгахъ!» Однако же всѣ доктора правъ и богословы единодушно объявили, что она вдохновлена свыше, и что святое предназначеніе ея несомнѣнно.

Въ Поатье собралось множество народа изо всѣхъ сословій, чтобы видѣть и слышать Іоанну. Дотолѣ сомнѣвавшіеся въ ея призваніи проливали теперь слезы раскаянья и свидѣтельствовались Небомъ, что она дѣйствительно его посланица. Тогда-то начали вспоминать и относить къ ней старыя преданія, что дѣва спасеть Францію; тѣ, что было просто и естественно, окружили чудеснымъ, и этимъ укрѣпляли въ самой Іоаннѣ вѣру въ чудесность ея призванія. Всюду распространилась счастлива вѣсть, и начали собраться войска подъ

начальство Юанны, чтобы идти на помощь Орлеану.

Тогда для Юанны д'Аркъ началось новое поприще. Доселѣ мы ее видѣли молодой поселянкой, простой, благочестивой, скромной и робкой. Теперь мы въ ней увидимъ неустршимаго, твердаго среди сраженій, опытнаго и быстраго въ соображеніяхъ военачальника, и вмѣстѣ неукротимо-храбраго юнаго рыцаря. Мы увидимъ ее всегда одинаковою, въ продолженіе короткаго, но славнаго ея поприща, всегда первую въ натискѣ, послѣднею въ отступленіи и всегда торжествующею. Карль согласился на предложенія Юанны д'Аркъ, и далъ ей санъ военачальника. Юанъ сиръ Долонскій, храбрый и благоразумный воинъ, назначенъ былъ ея оруженосцемъ; ей даны были два пажа, два герольда и священникъ. Король подарилъ ей великолѣпное вооруженіе, но когда онъ вручалъ ей мечъ,

она сказала, что, по повелѣнію Божію, должна имѣть мечь съ изображеніемъ пяти крестовъ, и что такой мечь находится въ часовнѣ Св. Екатерины въ Фьербоа; мечь этотъ дѣйствительно былъ найденъ въ часовнѣ. Она объявила тоже, что ей повелѣно носить бѣлое знамя, усѣянное лиліями; посрединѣ должно было находиться изображеніе Спасителя, возсѣдающаго въ облакахъ съ двумя молящимися ангелами у Его ногъ; одинъ изъ нихъ долженъ былъ держать вѣтвь лиліи, а на другой сторонѣ должны были быть начертаны два слова: *Иисусъ. Марія.* — Знамя было сдѣлано по ея указанію.

Въ концѣ Апрѣля 1429 года, Іоанна въ полномъ вооруженіи въ первый разъ осматривала войско Карла; ее сопровождали принцы и полководцы. Нельзя вообразить себѣ восторга, который произвело ея появленіе. Она вѣхала на пре-

красномъ съромъ конѣ, которымъ управляла съ большою ловкостію ; благородная и воинственная осанка , гордый и вмѣстъ кроткій взглядъ , ея красота , богатство одѣянія , ея чудное знамя , уваженіе , оказываемое ей всѣми благороднѣйшими рыцарями , — все это производило сильное впечатлѣніе на народъ . При ея первомъ появлениіи всѣ пали на колѣна и долго сопровождали ее радостныя восклицанія . — Тѣ , которые были въ сношеніяхъ болѣе короткихъ съ Іоанною , дивились ея умнымъ разговорамъ , ея остроумію и находчивости . Она такъ твердо вѣрила сама въ свое призваніе , что легко передавала свою вѣру и другимъ . Приверженцы короля ободрились , надежда оживила всѣхъ . За нѣсколько еще дней считали Францію погибшею , теперь уже полагали всѣ спасенною . —

Множество молодыхъ рыцарей отовсюду собиралось подъ знамена Іоанны д'Аркъ , и не прошло мѣсяца , какъ совершилась

такая счастливая перемѣна. На мѣсто прежней рати, упавшей духомъ, несогласной и трепещущей, Карлъ VII имѣлъ теперь войско восторженное, готовое къ битвамъ, исполненное мужества и вѣры.

Въ обѣихъ арміяхъ только и говорили, что обѣ Іоаннѣ д'Аркъ; все, что можно было придумать чудеснаго, было ей приписываемо. Французы считали ее дѣвою, вдохновленною свыше, и ея явление считали дѣломъ Провидѣнья. Англичане думали, что она еретичка и колдунья. Напрасно старались военачальники разубѣрять свое войско, но страхъ овладѣвалъ солдатами при одномъ ея имени.

Наконецъ, все было готово къ выступлению въ походъ, и войско свѣжее, одушевленное надеждою, собралось въ Блоа. Іоанна д'Аркъ отправилась туда въ концѣ Апрѣля, въ сопровождѣніи

епископа Реймского, канцлера Франціи, и другихъ сановниковъ.—Главные предводители войска прибыли до нея, и каждый день стекались новыя толпы рыцарей. Когда Іоанна д'Аркъ приняла дѣйствительное начальство надъ войскомъ, она учредила новую, болѣе строгую дисциплину, и исключила изъ него всѣхъ негодяевъ; но примѣромъ своимъ дѣйствовала еще болѣе, чѣмъ словомъ. Каждый день ходила она въ церковь и все время проводила или въ молитвѣ, или въ занятіяхъ военныхъ и попеченіяхъ объ войскѣ. Она спала, не раздѣваясь, и ъла только хлѣбъ, обмоченный въ винѣ.

Іоанна пробыла только три дня въ Блоа, и въ это время написала къ Англичанамъ, приказывая имъ возвратить всѣ города, отнятые у Франціи, и грозя имъ, что она послана самимъ Небомъ освободить Францію.—Наконецъ, всѣ приготовленія были кончены, и Іоанна д'Аркъ

иошла на Орлеанъ впереди семи-тысячнаго войска. Начальникъ Англійскихъ войскъ, герцогъ Суффолькъ, опасаясь всего болѣе прикрытия Французами подвозовъ съ сѣстными припасами въ Орлеанъ, направилъ большую часть своихъ войскъ въ другую сторону. Іоанна, при всемъ неравенствѣ силъ, хотѣла идти на встречу ему; но начальники, сопровождавшіе ее, не соглашались, и не могши переубѣдить, рѣшились обмануть. Такъ какъ она не знала мѣстности, то легко было увѣрить ее, что идуть тѣмъ путемъ, которымъ она желала. Черезъ два дня Орлеанъ былъ уже въ виду. Тогда Іоанна, замѣтивъ обманъ, горько жаловалась на него, говоря, что скоро узнаютъ цѣну ея совѣтамъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣка такъ обмѣлѣла, что лодки, идущія изъ Орлеана, не могли доходить до берега для нагрузки. Предводители войска были въ большомъ затрудненіи. Графъ Дюнуа, который начальствовалъ

въ осажденномъ городѣ, узнавши объ этомъ, перѣхалъ черезъ Лоару въ маленькой лодкѣ ночью на совѣтъ. На совѣтѣ было рѣшено, чтобы войско отступило на двѣ мили до замка Шеси, гдѣ находилась хорошая пристань. Но вѣтеръ дулъ противный, и невозможно было завести барокъ до этого мѣста. Затрудненіе не уменьшалось, но вдругъ, по счастью, пошелъ проливной дождь и вѣтеръ перемѣнилъ направлѣніе. На другой день столько прибыло воды въ рѣкѣ, что переправа сдѣлалась очень легкою.

Графъ Дюнуа умолялъ Юанну д'Аркъ исполнить желанія Орлеанцевъ и заключиться съ ними въ осажденномъ городѣ. Она согласилась, и, простиивши съ войскомъ, возвращавшимся въ Блоа, вошла въ лодку графа Дюнуа, держа знамя въ рукѣ. Съ нею были Ла-Гаръ, ея оруженосецъ и другіе спутники; двѣсти воиновъ сопровождали се въ

другихъ баркахъ. Когда припасы были нагружены, Дюонуа послалъ сказать Орлеанцамъ, чтобы они напали на непріятеля возлѣ мѣста, мимо которого долженъ былъ проѣзжать обозъ. Этотъ отводъ удался, и обозъ благополучно прибылъ въ Орлеанъ. Первый успѣхъ удвоилъ надежды Французовъ.

Рука Божія, казалось, переставала уже покровительствовать Франціи и Орлеану; но едва появилась Іоанна д'Аркъ, все приняло другой видъ. Орлеанъ такъ былъ окруженъ Англійскими войсками, что не смѣли надѣяться на обѣщанную помощь. Радость была неописанная, когда увидали обозъ въ своихъ стѣнахъ. Іоанна д'Аркъ была принята какъ Ангелъ избавитель; она казалась народу существомъ сверхъестественнымъ, которому все повинуется. Въездъ дѣвы въ Орлеанъ былъ самый торжественный; народъ въ восторгѣ бросался къ ней, цѣловалъ ея оружіе, ся колѣна, руки,

збрую ея коня ; каждый хотѣлъ хотя дотронуться до ея одежды. Радостные крики раздавались вокругъ Йоанны. Не измѣняя своимъ привычкамъ , она прѣѣхала прямо въ соборъ , гдѣ былъ отпѣтъ благодарственный молебенъ. Потомъ она расположилась въ домѣ одного изъ первыхъ гражданъ города, котораго жена была известна своими добродѣтелями.

Графъ де-Сализбури, умный и храбрый начальникъ, осадилъ Орлеанъ, 6 Октября 1428, и продолжалъ осаду очень дѣятельно. Онъ окружилъ городъ, окопался въ укрѣпленіяхъ и съ разныхъ сторонъ построилъ большія башни, изъ которыхъ одну назвалъ Парижемъ, другую Руаномъ, третью Виндзоромъ ; и сверхъ того большое укрѣпленіе, которому далъ имя Лондонъ. Какъ будто нарочно онъ хотѣлъ собрать вокругъ Орлеана всѣ большіе города Франціи и Англіи, чтобы сдѣлать ихъ свидѣтелями паденія

государства. 1 Генваря 1429 г., Англичане начали первый приступъ и съ этого дня начались для Орлеанцевъ всѣ ужасы продолжительной осады: голодъ, болѣзни, и пр. Наконецъ, начальники, доведенные до крайности, извѣстили Карла VII, что имъ защищаться долѣе невозможно. Они предлагали сдать городъ на условіяхъ. Но условія были отвергнуты, и храбрые воины рѣшились тогда лучше погибнуть въ развалинахъ города, нежели сдаться Англичанамъ. Голодъ мучилъ всѣхъ. Осада продолжалась уже около семи мѣсяцевъ, когда Іоанна д'Аркъ прибыла въ крѣпость и доставила съѣстныя припасы.

Всегда предпріимчивая и рѣшительная, она хотѣла на другой же день своего пріѣзда атаковать Англичанъ. Но предводители, сопровождавшіе ее, болѣе опытные, хотѣли дѣйствовать осторожнѣе. Сиръ де-Гамашъ, старый воинъ, упрямый и смѣлый, рѣшительно объ-

явиль, что, если послушаются дѣвчонки, болѣе нежели рыцаря, каковъ онъ, то онъ немедленно сложить съ себя начальство, и, чтобы не измѣнять чести, будетъ сражаться простымъ солдатомъ. Іоанна отвѣчала, что совѣты рыцарей такихъ, какъ онъ, давно уже губятъ отечество, и что хоть разъ надобно испытать совѣта дѣвчонки; — что впрочемъ король поручилъ ей защищать свои владѣнія и она можетъ дѣйствовать по своему произволу.

Раздоры между членами военного совѣта очень печалили Дюнуа. Онъ все сдѣлалъ, чтобы утишить первую грозу, и наконецъ успокоилъ Іоанну, обѣщавъ ей немедленно отправиться въ Блоа, воротить часть войска, привести новые запасы и тогда уже, не медля болѣе, атаковать Англичанъ.

Іоанна д'Аркъ согласилась на отсрочку; но она непремѣнно хотѣла дать

хоть вѣсть о себѣ Англичанамъ, и отправила къ нимъ двухъ герольдовъ съ письмомъ въ родѣ того, которое писала къ нимъ изъ Блоа. Получивши это посланіе, Талботъ пришелъ въ большую ярость и осыпалъ ругательствами Іоанну. Онъ удержалъ одного изъ герольдовъ, чтобы сжечь его какъ еретика, а другаго отоспалъ съ страшными угрозами, что онъ ее также сожетъ на кострѣ, только попадись ему. «Воротись къ нему, сказала Дѣва, и скажи, чтобы онъ сейчасъ выходилъ къ городу на поединокъ; если можетъ захватить меня въ плѣнъ, то пусть сожжетъ, если же я его одолѣю, то онъ долженъ сейчасъ снять осаду и воротиться домой съ своими Англичанами.» Дюнуа прибавилъ, что Англійскіе плѣнныя будутъ отвѣтать за герольдовъ Дѣвы. Начальникъ непріятельскаго войска отоспалъ обоихъ герольдовъ, но не принялъ вызова Іоанны. Дюнуа, по обѣща-

нию своему отправился въ Блоа , чтобы ускорить возвращеніе войскъ. Едва прошло пять дней , какъ передовой уже извѣстилъ о прибытіи войска изъ Блоа. Іоанна д'Аркъ, предвидя, что оно встрѣтъ сопротивленіе на пути, вышла на помощь съ храбрѣйшими рыцарями и отборными солдатами. Не болѣе 500 человѣкъ составляли ее отрядъ, но это былъ цвѣтъ Французскаго войска. Ожидали жестокаго сраженія , но его не было. Англичане смотрѣли спокойно, какъ они проходили мимо ихъ башенъ и, казалось, оцѣпенѣли какою-то непреодолимою силою , говорить одинъ изъ ихъ историковъ. По этому уже можно судить, какое чудесное обояніе разливало вокругъ себя Іоанна д'Аркъ ; ибо, надобно замѣтить, что она еще не была ни въ одномъ сраженіи. Іоанна д'Аркъ возвратилась въ городъ утомленною и бросилась на постель отдыхать. Но, въ это время, передовые Французскіе стрѣл-

ки, поссорились съ Англійскими солдатами. Сраженіе завязалось и скоро сдѣлалось общимъ. Оба войска уже сражались съ остервенѣніемъ, хотя и безъ вѣдома своихъ начальниковъ. Но скоро воинскіе крики разбудили Іоанну д'Аркъ. «Боже мой,—вскричала она,—зачѣмъ не разбудили меня ранѣе?»

Въ минуту она вооружилась, вскочила на коня, и въ одно мгновеніе была у башни;— многіе рыцари послѣдовали за нею. Французы уже начинали отступать къ стѣнамъ Орлеана; но едва явилась Іоанна д'Аркъ, бѣглецы обратились вспять, ободренные ея голосомъ и примѣромъ. Сраженіе продолжалось съ ожесточеніемъ; Англичане защищались храбро, но ничто не могло противиться Французамъ, предводительствуемымъ Іоанною: она была вездѣсуща и всѣхъ одушевляла своимъ присутствиемъ. Англичане, подъ начальствомъ Тальбота, шли на помощь своимъ товарищамъ, осажденнымъ въ башнѣ

Но это движение было предусмотрено; новая дружина Французская отрезала ихъ, и они должны были оставаться спокойными зрителями пораженія своихъ. Послѣ трехъ часовъ битвы, бѣлое знамя Дѣвы развѣвалось на разрушенныхъ стѣнахъ башни. Іоанна д'Аркъ, съ побѣднымъ крикомъ, первая вошла на укрѣпленія. Французы побили множество Англичанъ, многихъ взяли въ пленъ, вмѣстѣ съ артиллерию, военными запасами, и сожгли крѣпость.

На другой день Іоанна не хотѣла продолжать сраженія, потому что тѣ былъ большой праздникъ; она провела день въ молитвѣ и, желая освятить его предложеніями мира, послала съ стрѣлою новое письмо къ Англичанамъ, прибавивъ, что это уже послѣднее. Она осталась на башнѣ ожидать отвѣта. Но Англичане отвѣчали ей одними ругательствами.

Цѣлый день начальники арміи за-

нимались приготовлениями къ завтрашней битвѣ. Утромъ 6 Мая, Французское войско, подъ предводительствомъ Іоанны д'Аркъ, вышло изъ Орлеана. День этотъ долженъ былъ быть рѣшительнымъ. Іоанна была въ себѣ отъ радости; она обѣзжала ряды воиновъ и съ восторгомъ кричала: «будьте храбры, друзья мои, Богъ за насть, и мы нынче же выгонимъ Англичанъ изъ ихъ крѣпостей.»

Войско благополучно переправилось черезъ Лоару. Англичане тотчасъ покинули и зажгли свою ближайшую башню. Іоанна ихъ преслѣдовала и водрузила на ней знамя. Началось жестокое сраженіе, но, не смотря на мужественную защиту, Англичане принуждены были отступить. Съ этой стороны Орлеана еще оставалась одна башня въ рукахъ Англичанъ, но въ ней находилось множество военныхъ запасовъ, и ее защищалъ одинъ изъ храбрѣйшихъ начальниковъ непріятеля.

Намъ уже извѣстно, что Юанна д'Аркъ не любила ничего откладывать, что всегдашнее правило ея было идти впередъ, не останавливаясь. Но другіе начальники боялись ея излишней отваги и рѣшились не выпускать Дѣву изъ города. Тогда Юанна, окруженнная несмѣтною толпою, подъѣхала къ запертымъ воротамъ; путь въ ворота былъ проложенъ силою и около 10 часовъ утра все уже готово было къ приступу; начальники принуждены были также явиться, ибо войско послѣдовало за Юанной безъ нихъ. Эта битва была также ужасна, какъ и прежнія. Часа три Англичане не допускали Французовъ къ приступу. Но непобѣдимая Юанна д'Аркъ была всюду: она бросилась среди сражающихся; схватила лѣстницу; приставила ее къ стѣнѣ и быстро взбѣжала съ чудесною неустрѣшимостію, хотя стрѣлы летѣли въ нее со всѣхъ сторонъ. Она достигала уже верха стѣны, но вдругъ стрѣла

вонзилась ей въ плечо и она упала въ ровъ. Англичане бросились на нее и непремѣнно захватили бы въ плѣнъ, если бы сиръ де Гамашъ не поспѣлъ къ ней на помощь. Онъ поднялъ ее и далъ свою лошадь. Іоанна была тяжело ранена; съ нея сняли вооруженіе и перевязали рану. Дюнуа велѣлъ отступать и увозить пушки; но завидя это, Іоанна встала, опасность оживила ее; — она запрещаетъ оставлять поле сраженія, умоляетъ, приказываетъ, грозитъ... и ее послушались. Она беретъ опять свое оружіе, свое знамя, садится на лошадь и ведетъ къ приступу. Ужасъ поразилъ Англичанъ, при видѣ храброй дѣвы, когда всѣ были уже увѣрены въ смерти. Они смѣшились, отступаютъ; Іоанна тѣснить ихъ, опрокидываетъ, и въ одну минуту Французы уже были на валу.

Эта битва такъ испугала Англичанъ, что въ ту же ночь они сняли осаду,

оставивъ въ башняхъ всѣ свои съѣстные и военные запасы. Орлеанъ быль освобожденъ. Первое обѣщаніе Іоанны исполнилось 8 Мая, послѣ семимѣсячной осады.

Не смотря на почести, окружавшія во все это время Іоанну, и благоговѣніе, съ которымъ обращались съ нею народъ и рыцари, Іоанна оставалась простою и скромною дѣвою. Но когда военачальники противились ея смѣлымъ замысламъ, тогда внезапно обнаруживала она всю твердость своего характера, увлекала всѣхъ за собою силою своего убѣжденія и какъ бы внушеніемъ свыше. Предстояла ли гдѣ опасность, Іоанна уже была на конѣ, и шла впереди всѣхъ, со святымъ знаменемъ въ рукахъ. Съ побѣжденными и пленными она была всегда милосерда. Во всемъ, въ словахъ и поступкахъ, она всегда была примѣромъ приличія и скромности. Внѣ битвы она проводила свое время

среди благочестивыхъ женъ и была между ними первою, какъ была первою среди мужей и воиновъ, вездѣ гдѣ нужны были совѣтъ и мечъ, слово и дѣло.

Ея вдохновенной храбрости обязаны были Французы побѣдою во многихъ другихъ сраженіяхъ, и ея твердости взятиемъ Троа. И наконецъ смѣлый походъ въ Реймсъ, среди гораздо сильнѣйшаго врага, достойно довершилъ ея подвигъ.

По снятіи осады Орлеана, Іоанна тотчасъ отправилась къ дофину Карлу, чтобы вести его короноваться въ Реймсъ. Карлъ оставилъ уже Шанонъ и расположился въ Ломѣ, чтобы быть ближе къ мѣсту военныхъ дѣйствій.

Король принялъ Іоанну съ живѣйшею благодарностію; она была предметомъ всеобщаго восторга. Но Іоанна, не смотря на то, что едва только оставила поле сраженій, и еще страдала отъ своей раны, уже го-

това была на новыя опасности и звала Карла въ Реймсъ, но Карлъ не рѣшался. Вся дорога до Реймса была во власти непріятеля, и онъ съ ужасомъ думалъ о предстоящихъ опасностяхъ, о городахъ, которые надо очистить отъ непріятеля, прежде нежели ему можно будетъ спокойно возложить на себя корону Франціи въ древнемъ соборѣ Св. Реми.

Іоанна неотступно уговаривала его идти, но онъ все медлилъ и собираль войско; онъ ждалъ, чтобы новыя побѣды проложили ему дорогу. Іоанна съ нетерпѣніемъ смотрѣла на эти отсрочки и когда спрашивали у нее, зачѣмъ она такъ спѣшитъ? «Мнѣ дано только годъ сроку,—отвѣчала она печально, — я должна торопиться.»

Наконецъ, король рѣшился на походъ въ Реймсъ; все дворянство и рыцарство участвовало въ немъ; войска было отъ пяти до шести тысячъ; начальство надъ

нимъ было поручено герцогу Алансонскому, и 8 Іюня выступили въ походъ.

Вечеромъ того же дня пришли къ мѣстечку Жоржъ. Въ отсутствіе Іоанны начальники, остававшіеся въ Орлеанѣ, хотѣли взять Жоржъ, гдѣ укрывалась часть Англійскаго войска, но предпріятие не удалось. Іоанна рѣшилась взять городъ, и черезъ три дня овладѣла имъ.

Ей приписываются въ этой осадѣ много блистательныхъ подвиговъ; какъ и всегда она первая шла на приступъ и послѣдняя отступала;—и распорядилась артилеріею такъ, какъ бы самый опытный полководецъ не придумалъ лучше. Эта победа имѣла важныя послѣдствія. Болѣе тысячи Англичанъ было убито; герцогъ Сюффолкъ, братъ его, и многие другія знатныя особы взяты въ пленъ.

Вотъ случай, ярко изображающій военные нравы того времени.

Графъ Сюффолкъ былъ доведенъ до послѣдней крайности и уже рѣшался сдаться. Между преслѣдующими его, онъ замѣтилъ одного воина, особенно храбраго, и, приблизившись къ нему, спросилъ: «Дворянинъ ли ты?» «Да,» отвѣчалъ молодой воинъ.—«Рыцарь ли ты?» продолжалъ Сюффолкъ.—«Нѣтъ.»—«Такъ я тебя сдѣлаю рыцаремъ,» сказалъ Англійскій военачальникъ, дотронулся до него своимъ мечемъ, потомъ отдалъ ему этотъ мечъ и сдался ему. Графъ Сюффолкъ лучше бы согласился умереть, нежели сдаться человѣку, не только менѣе благородному, чѣмъ онъ, но и не дворянину и не рыцарю. Таковы были тогда понятія о чести и благородствѣ, если и не всегда согласныя съ понятіями о человѣческомъ достоинствѣ.

Французское войско возрастало съ каждымъ днемъ. Изъ Жоржа оно пошло на Божанси, гдѣ начальствовалъ знаменитый Англійскій рыцарь Тальботъ. Го-

родъ былъ дурно укрѣпленъ, солдаты упали духомъ, и храбрый Тальботъ долженъ былъ оставить крѣпость и присоединился къ Англійской арміи, шедшей изъ Парижа, чтобы дать Французамъ рѣшительное сраженіе. Оба войска сошлись близъ деревеньки де-Потай. Французы не рѣшались начать нападеніе. Но Іоанна съ молодыми отборными рыцарями внезапно ударила въ Англичанъ, не давъ имъ времени стать въ боевой порядокъ. Англичане не выдержали внезапнаго натиска; ихъ ряды смыкались. Конница обратила тылъ и давила пѣхоту. Тальботъ напрасно старался возстановить порядокъ и возобновить битву.—Англичане были совершенно разбиты, самъ Тальботъ долженъ былъ сдаться. На другой день городъ Жуенвиль принадлежалъ побѣдителю.

Освобожденіе Орлеана, взятие многихъ городовъ, побѣда близъ Потая,—всѣ эти подвиги, совершенные въ теченіе мѣсяца,

совершенно измѣнили положеніи Франціи. Прежняя робость оставила Карла и онъ уже смѣло продолжалъ свой путь въ Реймсъ.

Назначили мѣсто для соединенія всѣхъ войскъ; собралось до 12 тысячъ, и 28 Іюня выступили снова въ походъ.

Успѣхи Французовъ наводили такой ужасъ, что небольшіе гарнизоны, находившіеся на пути, не защищаясь, сдавали крѣпости; многіе значительные города покорились безъ всякаго сопротивленія; и 15 Іюля войско, почти не сражаясь, достигло Реймса. Непріятельскій военачальникъ немедля удалился со всѣмъ своимъ войскомъ. Покорные жители вышли на встрѣчу Карлу, и онъ торжественно вошелъ въ городъ, гдѣ на другой же день, 17 Іюля 1429 года, былъ коронованъ.

Въ продолженіи всей церемоніи коронаціи Іоанна д'Аркъ находилась возлѣ

короля, держа въ одной рукѣ свое знамя, а въ другой—свой побѣдоносный мечъ. Всѣ взоры устремлены были на нее; «да здравствуетъ Дѣва!» также часто раздавалось, какъ «да здравствуетъ Король!» Послѣ церемоніи Іоанна упала къ ногамъ короля, обняла его колѣна и, проливая горячія слезы, сказала:

«Наконецъ, благородный король, воля Божія исполнилась; Ему угодно было, чтобы ты пришелъ въ Реймсъ полу-чить святое помазаніе и доказать что ты истинный и законный государь Франціи.»

Два брата Іоанны давно уже сопровождали ее; въ Реймсъ прибыль также ея отецъ и дядя.

Изъ Реймса король двинулся въ войскомъ въ Креспи и Дампмартенъ. По дорогѣ народъ провожалъ Іоанну со слезами радости и духовными гимнами.

Графъ Дюнуа разъ спросилъ ее: «Знаешь ли ты, Юанна, когда и где ты умрешь.» Юанна отвѣчала: «Не знаю, но предаю себя въ руки Божіи. Я исполнила, что Богъ мнѣ повелѣлъ: я освободила Орлеанъ и привела благороднаго короля въ Реймсъ. Теперь я желала бы, чтобы Богъ возвратилъ меня къ моимъ родителямъ и мирнымъ стадамъ. Здѣсь народъ добрый и набожный. Если мнѣ суждено скоро умереть, я бы хотѣла умереть здѣсь.» Можетъ быть, бѣдная девушка предчувствовала свои будущія несчастія, или, при видѣ старого отца, всѣ воспоминанія дѣтства, любовь къ роднымъ полямъ, ихъ свѣтлой тишинѣ и мирному семейному быту снова воскресли въ ея душѣ.

Карлъ хорошо зналъ все вліяніе, которое имѣла Юанна на войско, и онъ не хотѣлъ ее отпустить. Онъ осыпалъ

её всевозможными почестями, но она повторяла, что призвание её уже кончено и что ей надо возвратиться къ своимъ полямъ.

Съ этой поры она совершенно измѣнилась. Прежде она хотѣла всѣмъ управлять, сама повелѣвала въ военномъ совѣтѣ и всегда настаивала на своемъ рѣшеніи; теперь она во всемъ уступала королю и начальникамъ войска. Около двухъ мѣсяцевъ прошло безъ всякой значительной битвы. Однако многіе города сдались королю. Наконецъ, войско осадило Парижъ 7 Октября; Іоанна не хотѣла участвовать въ осадѣ, но король ее упросилъ; она не могла противиться его волѣ, и снова явилась впереди войска. Она ударила на первую заставу, зажгла ее и взошла съ своимъ отрядомъ на городской валъ. Непріятель не выступалъ; Іоанна рѣшилась идти впередъ, велѣла засыпать рвы и наблюдала за

работою. Между тѣмъ тысячи непріятельскихъ стрѣлъ начали осыпать ее. Ея знаменосецъ упалъ смертельно раненый; ей самой стрѣла пронзила ногу. Не смотря на это, Іоанна не оставляла приступа. Настала ночь и уже отданъ былъ арміи приказъ отступить къ Сенъ-Дени, но Іоанна все еще оставалась на приступѣ, и только именемъ короля наконецъ могли ее отозвать. Въ этотъ день уныніе запало въ душу Дѣвы; она одна исполнила свой долгъ; другіе военачальники дурно дѣйствовали; многие не хотѣли сражаться; несогласіе господствовало въ совѣтѣ; и наконецъ рѣшились отступить къ Лоарѣ.

Съ этимъ отступленіемъ Іоанна упала совсѣмъ духомъ. Она умоляла короля позволить ей возвратиться въ свою хижину, уговаривала также короля примириться съ герцогомъ Бургундскимъ. Просьбы ея были настоятельнѣе, нежели когда

либо, но все было напрасно. Надъ гробомъ Св. Дениса, она повѣсила свое бѣлое вооруженіе и мечъ, который при осадѣ Парижа отняла у Англичанъ, потому что наканунѣ сломила свой прежній мечъ съ пятью крестами, привезенными изъ Фьербоа.

Въ награду за ея подвиги, король далъ ей и братьямъ ея дворянскую грамоту, и слѣдующій гербъ: въ голубомъ полѣ серебряный мечъ, поддерживающій остріемъ корону и окруженный съ двухъ сторонъ ліліями. Въ этой грамотѣ король, вмѣсто фамильнаго имени д'Аркъ, далъ ей имя Ли (Лілія). Ей составили блестящій дворъ изъ благородныхъ дѣвицъ, оруженосцевъ, пажей, и проч. Но эти почести мало радовали ее и не увеличили ея славы. Дворянское имя ея *Ли* давно забыто, и только имя, прославленное ея подвигами, сохраняется въ благодарной памяти народа и потомства.

Іоанна рѣшилась, наконецъ, жить и умереть, служа своему королю и не думая болѣе о возвращеніи къ своимъ стадамъ.

Король хотѣлъ овладѣть берегами Лоары; для этого собрали армію въ Буржъ и начальниками назначили Іоанну и сира д'Албreta. Здѣсь она покрыла себя новыми блестящими подвигами: взяла Сенъ-Пьеръ ле-Мотье, небольшой городъ на берегу Лоары. Потомъ, узнавши что герцогъ Бургундскій атаковалъ Компіенъ, она поспѣшилаца помошь осажденнымъ и тотчасъ по прибытии въ городъ, 23 Мая 1430 года, съ небольшимъ отрядомъ храбрыхъ ударила на непріятелей въ его укрѣпленіяхъ.

Первый натискъ былъ такъ силенъ, что Бургундцы, не ожидавши нападенія, разбиты были совершенно; но къ нимъ подоспѣла помощь, и битва возгорѣлась снова. Іоанна дѣлала чудеса

храбрости ; два раза она опрокидывала непріятеля и два раза снова они давали отпоръ ей ; число ихъ все увеличивалось. Наконецъ, Іоанна должна была рѣшиться на отступленіе , она отступала послѣдняя. Осаждаемые поспѣшили запереть городскія ворота, прежде нежели Іоанна успѣла войти въ городъ ; тогда Бургундцы бросились на нее съ яростію : они узнали ее по одѣждѣ. Окруженная со всѣхъ сторонъ, она защищалась долго съ чудесною храбростію и, казалось , уже успѣла отбиться, когда одинъ Пикардійскій стрѣлокъ схватилъ ее за платье и опрокинулъ съ лошади. Она защищалась еще нѣсколько времени , но, выбившись изъ силъ и увидавъ герцога Вандомскаго, гордо встала и сдалась ему. Ее тотчасъ отвели къ Люксембургъ-Линни. Радость непріятеля доказываетъ, какъ страшна была для нихъ Іоанна д'Аркъ. Извѣстіе объ этомъ тотчасъ разнеслось повсюду,

и въ Парижъ, находившемся тогда въ рукахъ Англичанъ, въ церкви Парижской Богоматери пѣли благодарственные молебны;—городъ былъ иллюминованъ.

M. . . .

РУКОПИСЬ
МАВРИТАНСКАГО ДОКТОРА

ПОВѢСТЬ.

Нѣкоторый путешественникъ разсказываетъ, что въ Испанскихъ посадахъ, или постоянныхъ дворахъ, хозяинъ снабжаетъ путешественника на цѣлую ночь дымомъ и всякими мелкими беспокойными насѣкомыми; а другой утверждаетъ, что въ этихъ постоянныхъ домахъ не хозяинъ кормить своихъ постояльцевъ, но постояльцы обязаны кормить хозяина; напослѣдокъ, одинъ современный писатель, Французъ, недавно напечаталъ, что, кто желаетъ путешество-

вать по восточной сторонѣ полуострова, не худо сдѣлаетъ, если возьметъ съ собою постель, потому что въ посадахъ простины всегда бывають пришиты къ тюфякамъ, набитымъ неперемытою овечьей шерстью, испускающею изъ себя жиръ, и перемѣняются только одинъ разъ въ годъ, весною.

Всѣ эти наблюденія требуютъ впрочемъ подтвержденія въ настоящее время. Посады, говорятъ, много улучшились въ сравненіи съ тѣмъ, каковы они были за два вѣка передъ симъ. Тогда ихъ не посѣщалъ никто, кромѣ погонщиковъ лошаковъ, находившихъ тамъ всегда довольно соломы для себя и своей скотины. Въ лучшемъ изъ такихъ посадовъ, кромѣ конюшни и общей комнаты, можно было также найти чердакъ, разгороженный на иѣсколько чулановъ, называемыхъ горницами ; туда взлезали по лестницѣ стремянкѣ.

Въ одну изъ такихъ горницъ вошелъ

докторъ Хозе Фуезъ Алканзарскій; онъ только что получилъ докторскій дипломъ въ Саламанкѣ, и, какъ природный Астуріецъ, былъ гіадальго; но не имѣлъ никакой другой собственности, кроме той одежды, которая была на плечахъ его, двадцати реаловъ (*) въ карманѣ и высокаго мнѣнія о великихъ своихъ достоинствахъ. Хотя ему было только около тридцати лѣтъ, но онъ уже испробовалъ, безуспѣшно, многія средства для пріобрѣтенія богатства, которое, по мнѣнію его, было бы столь же пригодно ему, какъ и многимъ другимъ. Теперь докторъ Хозешелъ изъ Леона, въ надеждѣ, что графъ донъ Алонзо де Мендозо, обладающій огромнымъ помѣстіемъ между Торро и Заморы, употребитъ его по дѣламъ своимъ. Къ несчастію, съ первыхъ словъ хозяина, онъ узналъ о смерти графа Мендозо. Въ эту

(*) Около пяти рублей ассигнаціями.

самую минуту начинается наша повѣсть.

— Донъ Алонзо умеръ, повторялъ докторъ Хозе, съ горестнымъ удивлениемъ.

— И схороненъ уже! отвѣчалъ хозяинъ посада. И какія великолѣпныя похороны! Надобно сказать правду: все было, какъ прилично знатному господину.

— Кто же теперь въ замкѣ? Кому досталось это наслѣдство?

— У него былъ одинъ только наслѣдникъ, родной племянникъ, который поручилъ своему повѣренному, Переzu Каваллосу, продать это имѣніе съ публичнаго торга. Вѣроятно, завтра оно достанется новому владѣльцу.

Хозе подумалъ, что и новому владельцу также нужны смышленые люди для управления столь огромнымъ помѣстiemъ, и рѣшился предложить ему свои услуги. Подумавъ нѣсколько, онъ сказалъ хозяину, что будетъ ожидать у

него, въ посадѣ, того времени, когда новый владѣлецъ вступитъ въ свои права.

Хозяинъ одобрилъ это намѣреніе, говоря, что онъ нигдѣ не найдетъ лучшей квартиры и лучшаго стола, въ доказательство чего, сталъ показывать всѣ удобства такъ называемой горницы.

Воздухъ въ ней былъ очень чистъ, ибо въ рамѣ единственнаго окна, состоявшаго изъ четырехъ стеколъ, было разбито три. Можно было смотрѣть на небо, потому что рама была вставлена на самомъ верху крыши. Убранство горницы состояло изъ кровати, на которой была постлана солома, изъ хромой скамьи и шаткаго стола. — Углы подъ наклономъ кровли, говорилъ хозяинъ, могутъ, съ большимъ удобствомъ, замѣнить шкапы и ящики; они очень пригодны для всякой поклажи.

Но большая часть этихъ угловъ бы-

ли набиты грязными тряпницами, глиняной посудою, стеклянками, и, что очень удивило доктора Хозе, книгами и бумагами. Хозяинъ сказалъ ему, что все это оставлено здѣсь однимъ старымъ докторомъ, проведшимъ нѣсколько мѣсяцовъ въ этой горнице и занимавшимъся учениемъ, изысканіемъ разныхъ растеній, передвоеніемъ ихъ, и писавшимъ очень много. По всѣмъ примѣтамъ должно было заключить, что этотъ ученый былъ Мавръ, а какъ повелѣніе королевское изгоняло изъ Испаніи все это враждебное поколѣніе, то и докторъ поспѣшилъ убраться, оставя у меня все свое имѣніе; то есть: горшки, стеклянки, книги и бумаги.

Оставшись одинъ, Хозе Фуезъ Алкантарскій размышлялъ о всѣхъ испытанныхъ имъ непріятностяхъ и неудачахъ. — Я испробовалъ все, думалъ онъ; но всегда надежды мои были обмануты и я всегда былъ игралищемъ случая.

Счастливъ, кто можетъ управлять обстоятельствами и располагать жизнью по собственному произволу, не бывъ въ зависимости отъ людей и случая !

Такія размышенія наводили на него несносную тоску ; чтобы разсвѣтиться , онъ развернулъ одну изъ книгъ, оставленныхъ Мавританскимъ докторомъ. Это было краткое изложеніе системы міра, написанное по Латынѣ. Прочитавъ нѣсколько страницъ , Хозе взялъ другую книгу ; это былъ трактатъ о таинственныхъ наукахъ ; онъ взялъ третью — и она относилась къ тому же предмету.

Выборъ книгъ ясно доказывалъ, что старый Мавръ былъ или алхимистъ , или , можетъ статься , даже и черно- книжникъ ; ибо, въ то время, нерѣдко случалось, особенно въ Испаніи, встрѣтить людей, изучившихъ средство покорять своей власти невидимыя силы.

Любопытство Хозе Фуеза было возбуждено до высочайшей степени ; онъ

принялся пересматривать рукописи: во многихъ не было ничего, кроме общихъ указаний о средствахъ расплавливать и обрабатывать металлы; напослѣдокъ, между кучею бумагъ, онъ увидѣлъ свинцовый футляръ, въ которомъ былъ свертокъ пергамена. Прочтя первыя строки, онъ былъ пораженъ удивленіемъ: тутъ заключались наставленія для произведенія многихъ чудесъ, напримѣръ: дѣлаться невидимымъ; по произволу принимать на себя различные виды; пробѣгать, въ одно мгновеніе ока, величайшія пространства, наконецъ, Хозе дошелъ до слѣдующаго параграфа:

Средство содѣлать желанія свои непремѣнныи закономъ и исполнить ихъ въ одну минуту.

Молодой докторъ запрыгалъ отъ радости.

— Вотъ все, что мнѣ нужно! воскликнулъ онъ. Если только желанія мои

могутъ сдѣлаться непремѣннымъ закономъ, то это будетъ для меня верхъ земнаго блаженства! Но прежде посмотримъ, возможно ли его достичнуть, не погубя души.

Онъ прочиталъ рукопись и въ предписаніи не нашелъ ничего, противнаго вѣрѣ. Стоило только, ложась спать, прочитать нѣкоторыя молитвы и выпить жидкость, содержащуюся въ маленькой стекляночкѣ, которая найдется на днѣ свинцового футляра.

Хозе досталъ стекляночку, откупорилъ ее и увидѣлъ нѣсколько капель черной жидкости, очень благовонной. Сначала онъ колебался, не потому, чтобы сомнѣвался въ дѣйствительности напитка, но потому что боялся какою либо ошибкою сдѣлать его недѣйствительнымъ. Онъ еще разъ перечиталъ предписаніе и увидалъ нѣкоторое прибавленіе, котораго прежде не замѣтилъ; вотъ его содержаніе: « *безсиліе наше есть за-*

щита отъ собственнаго нашего безумія, поставленная благостію Провиднія. »

Хорошо! пробормоталъ Хозе, видно старый докторъ, подобно всѣмъ старикамъ, любилъ вплетать во все самыя пошлые нравственныя поученія. Но теперь мнѣ не до того. Я поспѣшу лучшее воспользоваться его предписаніемъ.

Сказавъ это, онъ прочиталъ предписаныя молитвы, легъ въ постель, выпилъ до послѣдней капли всю жидкость изъ стаклянки и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Хозе проснулся, когда уже дневный свѣтъ сталъ проникать въ его окно; онъ съ усилиемъ приподнялся и долго не могъ опомниться: наконецъ, мысли его прояснились. Взглянувъ на свертокъ пергамена и на пустую стаклянку, онъ вспомнилъ о вчерашнемъ; но не замѣтилъ никакой перемѣны ни въ себѣ,

ни вокругъ себя, онъ подумалъ, что предписаніе Мавританскаго доктора не удачно.

— Вотъ еще одна мечта, одна уничтоженная надежда! сказалъ онъ, вздохнувъ. Я проснулся въ томъ же чердакѣ, съ тою же единственnoю одѣжdoю, съ тѣмъ же тощимъ кошелькомъ! Одному только Богу извѣстно, какъ мнѣ хотѣлось, чтобы онъ наполнился, когда я засыпалъ....

Говоря такимъ образомъ, онъ глядѣлъ на свой кожаный кошелекъ, прицѣпленный къ одному изъ бревенъ, составлявшихъ кровлю, и увидѣлъ, что онъ началъ раздуваться; наконецъ, до того надулся, что нѣсколько раскрылся, и въ срединѣ его виднѣлись золотые ефимки.

Хозе, торопливо, вскочилъ съ постели, протеръ глаза, схватилъ свой кошелекъ и высыпалъ деньги на постель.... Все одно золото! И сколько золота! У него никогда не бывало столько мараведи-

совъ, сколько теперь, предъ глазами его, лежало золотыхъ ефимковъ. Предписаніе Мавра оказалось дѣйствительнымъ. Желанія его исполняются.

Ему захотѣлось повторить опытъ, и онъ пожелалъ, чтобы чердакъ его обратился въ богато-убранный покой; чтобы поношенная его одежда обратилась въ щегольское черное бархатное платье, подбитое малиновымъ атласомъ — и все дѣлалось, какъ онъ того желалъ. Онъ потребовалъ роскошнаго завтрака, а для прислуги четырехъ маленькихъ негровъ, въ красныхъ платьяхъ. — Явился столъ со вкуснымъ завтракомъ, и маленькие негры, въ красныхъ платьяхъ, принесли ему шоколадъ, бисквиты и вина. Онъ еще нѣсколько времени испытывалъ силу своихъ желаній, и убѣдясь, наконецъ, что они сдѣлались непремѣннымъ закономъ, онъ выбѣжалъ изъ посады, съ восторгомъ, какого невозможно описать.

Итакъ, благодаря этому свертку пергамена, онъ сдѣлался богаче всѣхъ богачей, сильнѣе всѣхъ сильныхъ земли! Ему было возможно все. Какой великий смыслъ заключается въ этихъ словахъ! Повторяя ихъ, Хозе чувствовалъ самъ къ себѣ глубочайшее уваженіе. Чѣмъ значили, въ сравненіи съ нимъ, всѣ короли, императоры и даже самъ папа? Всѣ они связаны приличіями, законами невозможности, — а его власти не было никакой преграды! Какое счастіе, что пергаменъ Мавританскаго доктора не попался въ руки какого-либо безразсуднаго, алчнаго невѣжды, котораго могли бы увлекать злые склонности! Но просвѣщенный гидалльго, мужъ учёный, получившій докторскій дипломъ отъ Саламанскаго университета, онъ, *донъ* Хозе Фуезъ Алкантарскій (нашъ герой уже прибавилъ къ своему имени почетное титло *донъ*), не можетъ обнаружить никакого вреднаго, неблаго-

разумнаго желанія. Человѣчество могло быть совершенно спокойно. Онъ не употребить во зло своей неограниченной власти. Онъ по справедливости награжденъ столь высокимъ даромъ, и конечно поведеніемъ своимъ оправдываетъ выборъ Провидѣнія.

На этотъ разъ, донъ Хозе вознамѣрился прекратить свои опыты и умерить честолюбіе. Другой, на его мѣстѣ, пожалуй, пожелалъ бы еще царской власти, захотѣлъ бы имѣть дворецъ, придворныхъ, войско. Но донъ Хозе не любилъ пышности. Онъ подумалъ, что съ него довольно будетъ и того, если онъ купитъ помѣстье покойнаго дона Алонзо Мендозо, будетъ получать нѣсколько миллионовъ дохода, пріобрѣтетъ графское достоинство и титулъ гранда Испанскаго. Онъ былъ человѣкъ скромный въ своихъ желаніяхъ, истинный мудрецъ.

Не откладывая долѣе, онъ пошелъ въ

деревню Арджеллесь, гдѣ должна была совершиться продажа замка.

Дорога, по которой онъ шелъ, вела также и въ городъ Торро; она была покрыта народомъ, сѣшащимъ на ярмарку; туда шли поселянки, погонщики лошаковъ и торговцы. Донъ Хозе посматривалъ то вправо, то влѣво, и производилъ мелочныя опыты своей власти. Смотря на проворную, веселую молодую дѣвушку, онъ жѣлалъ ей пріятной встречи; усталому старику,—мѣста на какой либо повозкѣ; бѣдному нищему—золотой монеты, которая блеснула ему въ глаза, лежа на дорожной пыли — и немедленно все дѣлалось по его желанію. Изъ ангела-помощника, донъ Хозе сдѣлался архангеломъ-карательемъ. Сперва онъ награждалъ, потомъ захотѣлъ и наказывать. Сильный порывъ вѣтра срывалъ съ головы военнааго Франта надѣтую на одно ухо шляпу, и уносилъ ее въ рѣку; мулы разбѣгались

отъ жестокосердаго хозяина, безпощадно надѣлявшаго ихъ ударами плети; колесо ломалось въ титоладосѣ, изъ котораго проѣзжающіе съ гордымъ презрѣніемъ смотрѣли на пѣшеходцевъ, покрывая ихъ пылью. Во всѣхъ этихъ случаяхъ донъ Хозе руководствовался первымъ впечатлѣніемъ, одѣляя наградами и наказаніями смотря по наружности, безъ дальнаго разбирательства; онъ дѣйствовалъ по вдохновенію.

Вдругъ предсталъ глазамъ его замокъ Мендозо. Величественный лѣсь ростъ по сторонамъ дороги; донъ Хозе вошелъ въ него, чтобы укрыться отъ лучей палящаго солнца. Онъ поворотилъ по извѣстной ему дорогѣ, которая вела также и въ деревню.

Тогда была самая прекрасная лѣтняя погода; цвѣты благоухали и птицы, порхая по вѣтвямъ деревъ, оглашали воздухъ пѣніемъ. Тамъ и сямъ виднѣлись шалаши, въ которыхъ дровосѣки

выдѣливали разную домашнюю утварь изъ срубленныхъ деревъ, но самую простую, грубую. Донъ Хозе подумалъ, что когда купитъ помѣстье, то, конечно, усовершенствуетъ эти издѣлія и лучше будетъ сберегать лѣса свои. Онъ даже вынулъ свою записную книжку и начертилъ карандашемъ планъ для дома лѣснаго сторожа. Этотъ домъ долженъ былъ соединять всѣ удобства внутренняго расположенія съ живописною наружностью. Пришедъ въ луга, онъ нашелъ, что они не имѣютъ достаточной влажности, и рѣшился провести въ нихъ каналами воду изъ рѣки. Что касается до виноградниковъ, то онъ былъ ими доволенъ. Глядя на нихъ, онъ припоминалъ многія мѣста изъ Горация или Виргиля; потомъ, ученый докторъ старался угадать, какое вино было прежде выдумано Бахусомъ: красное, или бѣлое? — Посмотрѣвъ на нивы, онъ рѣшился, что ихъ лучше будетъ обратить

въ пастбища , а для съянія хлѣба — раскопать свѣжей земли , поросшей мелкимъ кустарникомъ.

Занимаясь такимъ образомъ свои-ми хозяйственными распоряженіями , вдругъ услыхалъ онъ близъ себя го-лость , очень грубо спрашивающій : кто позволилъ ему расхаживать по владѣні-ямъ графа Мендоза ?

Оборотясь , донъ Хозе увидѣлъ моло-даго человѣка , котораго одежда пока-зывала знатность и богатство . Онъ ѿхалъ верхомъ на прекрасномъ Анда-лузскомъ конѣ , великолѣпно убраниомъ .

Вместо отвѣта , донъ Хозе пристально разматривалъ молодаго человѣка , кото-рый , съ величайшею досадою , повторилъ свой вопросъ . Саламанкскій докторъ улыбнулся и , съ видомъ снисхожде-нія , свойственнымъ могуществу , отвѣ-чалъ , также вопросомъ :

— Развѣ нужно позволеніе , чтобы о-

сматривать продажное имѣніе, въ кото-
ромъ нѣтъ хозяина?

— А кто сказалъ тебѣ, что здѣсь
нѣтъ хозяина?—вразбрѣлъ всадникъ.

— Тотъ же самый человѣкъ, отъ ко-
тораго я узналъ, что Перезу Каваллосу
поручено продавать это имѣніе съ пу-
бличнаго торга, и что продажа должна
совершиться нынче.

— А! такъ ты, конечно, покупщикъ?

— Да, я хочу купить это имѣніе!

— Но знаешь ли ты его цѣну?

— Нѣтъ еще, но скоро все узнаю.

— Оно оцѣнено въ четыреста тысячъ
золотыхъ ефимковъ.

— Это не дорого. Имѣніе прекрасное
и стоитъ больше!

Всадникъ захочоталъ.

— Вотъ еще какой тороватый покуп-
щикъ!—воскликнулъ онъ насмѣшиво,
а между тѣмъ такъ скромно изволить
разгуливать пѣшкомъ!

— Я люблю ходить пѣшкомъ! — отвѣчалъ донъ Хозе съ добродушіемъ царскімъ.

— Вы слишкомъ скромны, милостивый государь! — сказалъ молодой человѣкъ; — вамъ было бы гораздо приличнѣе щѣхать верхомъ, напримѣръ, хоть бы на моемъ конѣ!

— Вы такъ думаете! — спросилъ донъ Хозе, въ умѣ котораго блеснула новая мысль.

— Не только думаю, но я готовъ броситься на землю, чтобы уступить вамъ моего коня! — продолжалъ молодой человѣкъ, насыхаясь.

— Я охотно исполню ваше желаніе! — возразилъ докторъ: — я желаю, чтобы вы спѣшились! — Въ ту же минуту гнѣдой конь взвился на дыбы и сбросилъ своего сѣдока на траву.

Молодой человѣкъ вскочилъ и, поблѣдѣвъ отъ гнѣва, вскричалъ: вы, супдарь, испугали мою лошадь!

— Я только помогъ вамъ исполнить
ваше намѣреніе!—отвѣчалъ донъ Хозе,
собирая повода и готовясь сѣсть на
лошадь.

Молодой человѣкъ бросился на него
съ поднятымъ хлыстомъ: стой, дерз-
кій!—вскричалъ онъ,—или я раскрою
тебѣ рожу!

Донъ Хозе покраснѣлъ: вы забывае-
тесь, государь мой!—сказалъ онъ съ
гордостью.—Я гідалго и подобно вамъ
ношу шпагу!

— Посмотримъ, умѣешь ли ты вла-
дѣть ею!—возразилъ молодой человѣкъ,
вынимая изъ ноженъ свою шпагу и при-
ближась къ доктору.

Во всякомъ другомъ случаѣ донъ
Хозе, конечно, миролюбно кончилъ бы
это дѣло; но теперь, дерзость молодаго
человѣка разстроила его желчъ, и увѣ-
ренность въ собственной безопасности
придавала ему необыкновенное муже-
ство. Сверхъ того, ему казалось необ-

ходимо — нужнымъ проучить немного своего противника, и онъ пожелалъ ему рану неопасную, но такую, которая дала бы ему время хорошенъко образумиться и размыслить о всѣхъ неудобствахъ излишней запальчивости. Это человѣкъ любивое желаніе исполнилось немедленно: молодой незнакомецъ выронилъ шпагу, и спустивъ вопль бѣшенства. Донъ Хозе зналъ, что рана его была неопасна, следовательно ни сколько обѣ немъ не позаботился, и, желая чтобы этотъ урокъ хорошенъко подействовалъ, продолжалъ до конца разыгрывать начатую комедію; онъ съ важностью извинился передъ незнакомцемъ и увѣрилъ его, что съ своей стороны не питаетъ противъ него ни малѣйшаго неудовольствія, въ доказательство чего и пользуется его обязательнымъ предложеніемъ.

Сказавъ это, онъ сѣлъ на гнѣдаго коня, учтиво поклонился незнакомцу и ускакалъ.

Это произшествіе прибавило еще нѣсколько тщеславія и самонадѣянности къ тому высокому мнѣнію, которое донъ Хозе Фуезъ Алкантарскій и безъ того уже имѣлъ о своей особѣ. Ну, шутка ли одурачить и ранить знатнаго господина! — Докторъ былъ очень доволенъ своимъ умомъ, храбростью и ловкостью. Онъ такъ ознакомился съ мыслію о своемъ всемогуществѣ, что даже пересталъ и дивиться ему. Онъ не понималъ, какъ возможно было противиться ему; всякое сопротивленіе уже казалось ему возмущеніемъ противъ законныхъ правъ его. Прѣзжая чрезъ деревню, онъ едва не убилъ до смерти одного погонщика лошаковъ за то, что онъ не скоро посторонился съ дороги. Инстинктъ властолюбія быстро возрасталъ въ душѣ его.

Донъ Хозе прїѣхалъ къ тому повѣренному, которому была поручена продажа замка. Онъ явился не какъ покупщикъ, желавшій освѣдомиться о цѣнѣ помѣ-

стя и всѣхъ условiяхъ продажи, но какъ хозяинъ, вступающiй во владѣнiе своей собственности Къ несчастiю, Переzъ объявилъ ему, что замокъ Мендозо ужъ болѣе не продается.

Можно себѣ представить, какъ была непрiятна доктору такая новость. Онъ придумалъ столько перемѣнъ въ этомъ имѣнiи, столько улучшeniй — и все напрасно. Неужели ему, чьи желанiя должны быть непремѣнными закономъ, оставаться при одиѣхъ мечтахъ? — Нѣть! Это невозможно! Одна мысль о такомъ сопротивленiи его власти бѣсила его, и онъ спросилъ у повѣреннаго съ величайшeю досадою: почему раздумали продавать замокъ?

— Донъ Генрикесъ, племянникъ покойнаго графа, — отвѣчалъ повѣренный, — получилъ еще два наслѣдства; состоянiе его такъ поправилось, что онъ на мѣренъ и этотъ замокъ оставить за собою

— Но если бы ему предложили очень высокую цѣну?... спросилъ донъ Хозе.

— Онъ бы не принялъ ея.

— Увѣрены ли вы въ этомъ?

— Увѣренъ, потому что слышалъ это нынче по утру отъ самого дона Генрикеса.

— Развѣ онъ здѣсь?

— Онъ недавно отъ меня уѣхалъ въ замокъ, верхомъ.

Донъ-Хозе догадался, что встрѣтившійся съ нимъ незнакомецъ былъ никто иной, какъ самъ донъ Генрикесъ, и не могъ воздержаться, чтобы не обнаружить своей досады. Повѣренный сказалъ, что молодой графъ желаетъ сохранить замокъ еще болѣе для того, что намѣренъ здѣсь охотиться будущою осенью.

Донъ Хозе подумалъ: мнѣ бы надобно было ранить его покрѣпче, чтобы отнять всякое желаніе охотиться! Это

сказалъ онъ про себя, а вслухъ прибавилъ: такой ничтожной причины недостаточно, чтобы отвергать тѣ выгодныя предложения, какія могутъ ему сдѣлать.

— Конечно! — сказалъ повѣренный; — но сверхъ того, это помѣстье ему очень нравится! Да, сказать правду, оно соединяетъ всѣ возможныя выгоды! Начать съ того, что мѣстоположеніе прекрасное!...

— Знаю, знаю! — воскликнулъ донъ Хозе, съ досадою.

— Лѣса, поля, сады... продолжалъ повѣренный.

— Я видѣлъ все это! — прервалъ докторъ, въ сердцѣ котораго желаніе обладать помѣстьемъ усиливалось съ каждымъ словомъ разсказчика.

— Но, говорилъ Переъзъ, чего, конечно, вы не знаете, это внутренность замка! Вы вѣрно не видали его съ тѣхъ поръ, какъ покойный графъ его пере-

дѣлалъ? Тутъ есть прекраснѣйшая картина галлерея, въ которой собраны произведенія всѣхъ лучшихъ нашихъ живописцевъ.

— А я такъ люблю картины! — воскликнулъ донъ Хозе. — Я обожаю ихъ, хотя и предпочитаю имъ статуи.

— Статуи! Замокъ весь набитъ статуями, да еще прекраснѣйшими!

— Возможно ли?

— Не говорю уже о библіотекѣ!...

— Какъ! Есть также и библіотека? — вскричалъ докторъ.

— Да еще какая! Пятьдесятъ тысячъ томовъ!

Отчаяніе овладѣло душею дона Хозе

— И такое сокровище погибнетъ! — сказалъ онъ съ горестью. — Это вмѣстилище наукъ достанется невѣждѣ! Донъ Генрикесъ долженъ быть невѣждомъ; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія!

Повѣренный пожалъ плечами и, понизивъ голосъ, сказалъ: вы, сеньоръ, ко-

нечно, знаете, каковы бываютъ обыкновенно знатные, богатые молодые люди, страстно любящіе забавы.

— Такъ! Я напередъ зналъ это! — прервалъ донъ Хозе. — И, вѣрно, этотъ Генрикесъ повѣса?

— Нѣтъ, не совсѣмъ такъ! Въ немъ есть очень много доброго! Жаль только одного: онъ чрезвычайно вспыльчивъ и отъ этого подвергаетъ себя безпрестаннымъ дуэлямъ.

— Точно такъ! Забіяка, дуэлистъ! — сказалъ докторъ вслухъ, а про себя прибавилъ: мнѣ бы должно было лишить его употребленія той руки, которая держитъ шпагу, чтобы прекратить эти безпрестанныя дуэли; съ моей стороны это было бы справедливо.

— Время исправить его отъ запальчивости, — прервалъ Перезъ, — надѣюсь, также и отъ расточительности! Не смотря на такое огромное богатство, у мо-

лодаго графа никогда не бываетъ денегъ, и теперь онъ приказалъ взыскать недоимку со всѣхъ арендаторовъ, не доплатившихъ покойному его дядѣ.

— Что жъ, собрали ль вы недоимку?

— Собралъ, но съ великимъ затрудненiemъ! Люди такъ бѣдны отъ прошлогодняго неурожая.

— Ужъ это совсѣмъ безчеловѣчно!— вскричалъ донъ Хозе съ искреннимъ сожалѣніемъ.— Ну, возможно ли, не стыдно ли ему притѣснить бѣдныхъ людей, которые и безъ того уже терпятъ во всемъ недостатокъ! И кто же притѣсняетъ ихъ?... Человѣкъ, у котораго доходы царскіе, прекрасный замокъ, картинная галлерея, множество статуй и библіотека, состоящая изъ пятидесяти тысячъ томовъ! Это истинный извергъ! Для пользы человѣчества должно пожелать, чтобы свѣтъ былъ отъ него скорѣе избавленъ....

Едва успѣлъ онъ договорить послѣд-

нія слова, какъ на лѣстницѣ послышались шумъ и нѣсколько голосовъ. Скорѣ послѣ того вѣжаль въ горницу испуганный слуга.

— Что случилось такое? — спросилъ встревоженный Переъзъ.

— Бѣда, ужасная бѣда! — вскричалъ слуга. — Донъ Генрикесъ выходилъ на дуэль.

— Какъ? Опять!

— И его ранили.

— Что жъ, опасна рана?

— Нѣтъ, рана была очень легкая; по онъ погнался было за своимъ противникомъ, ускакавшимъ на его лошади, упалъ и такъ болѣво зашибъ раненую руку, что съ нимъ сдѣлался обморокъ, среди большой дороги.

— Ну, говори скорѣй! Что жъ далѣе? Конечно его подняли?

— Погонщикъ, Ѣхавшій на лошадяхъ, не замѣтилъ его, наѣхалъ на графа,

раздробилъ емуъ большую руку, и эта ужасная боль привела его въ чувство.

— Великій Боже, какой ужасъ!

— Его подняли и принесли сюда.

— Ну, слава Богу! такъ онъ будетъ спасенъ!

— Но это еще не все! Сейчасъ, когда онъ проходилъ по двору мимо подмостковъ, на которыхъ работаютъ каменьщики, съ верху сорвался камень и убилъ его до смерти.

Донъ Хозе вскрикнулъ; ужасный свѣтъ озарилъ его. Все это несчастіе было устроено имъ самимъ. Онъ пожелалъ дону Генрикесу, сначала, такую рану, которая помѣщала бы емуъ ѿздить на охоту; потомъ, желалъ, чтобы онъ лишился употребленія той руки, которая такъ часто обнажаетъ свою шпагу; наконецъ, для пользы человѣчества, пожелалъ ему смерти; — всѣ эти три бѣды послѣдовали одна за другою! Итакъ, измучивъ, изувѣчивъ молодаго графа,

онъ убилъ его! Эта мысль терзала его сердце; онъ никакъ не могъ устранить ея.—Двери отворились, и четыре человѣка внесли окровавленный трупъ молодаго графа.

Донъ Хозе не могъ вынести этого страшнаго зрѣлища; онъ почувствовалъ сильное потрясеніе во всемъ тѣлѣ; все исчезло въ глазахъ его...

И онъ увидалъ себя опять въ томъ же чердакѣ, на той же соломенной постель. Начинало разсвѣтать, и первые лучи дня освѣщали его окно.

Радостное чувство наполнило сердце доктора, освободившагося отъ такой ужасной мечты. Онъ понялъ, что принятый имъ напитокъ былъ усыпительный; что онъ, разгоряча его мысленные способности, представилъ ему во снѣ то, что такъ сильно занимало его воображеніе на яву.

Донъ Хозе долго сидѣлъ, погрузясь

въ размышленія ; потомъ, взявъ свертокъ пергамена, снова перечиталъ рукопись и остановился на припѣкѣ, которую нѣсколько разъ повторилъ съ особеннымъ вниманіемъ.

— Вотъ урокъ, которымъ я воспользуюсь!—сказалъ онъ.— Я, думалъ, что возможность исполнять всѣ мои желанія доставить мнѣ счастіе, не помышляя о томъ, что если волѣ человѣческой нѣтъ никакой преграды, то она отъ гордости перейдетъ къ безразсудству, отъ безразсудства къ тиранству, а отъ тиранства къ совершенному жестокосердію. Мавританскій докторъ совершенно правъ: *безсиліе наше есть защита отъ собственного нашего безумія, поставленная благостію Провиднія.*

Этотъ сонъ не остался безполезнымъ для дона Хозе, который опять сдѣлался просто Хозе, безъ прилагательнаго донъ. Впослѣдствіи онъ гораздо терпѣливѣ

переносилъ низкую, скромную свою долю; онъ жилъ и умеръ второстепеннымъ управителемъ того самаго помѣстя, котораго собирался быть господиномъ.

А. Зонтагъ.

СПАССКІЯ ВОРОТА

ВЪ МОСКВЪ.

Спасскія ворота (*) въ старину назывались *Фроловскими* и *Флоролаврскими*, отъ бывшей при нихъ церкви Св. Флора и Лавра, потомъ *Иерусалимскими*,

(*) Главное содержаніе этой статьи заимствовано изъ послѣднихъ тетрадей: Памятниковъ Московской Древности, И. М. Снегирева,—разумѣется, съ позволенія почтенного автора. Желаю особеннознакомить молодыхъ читателей съ нашимъ отечествомъ и всеми его священными для каждого Русскаго памятниками, мы начинаемъ съ святыни Московской, и принуждены будемъ для этого еще не разъ прибѣгать къ драгоцѣнному труду И. М. Снегирева. Отъ Москвы мы перейдемъ къ Кіеву, Владиміру и пр.

отъ церкви Входъ въ Іерусалимъ, и, наконецъ, *Спасскими*, отъ вратнаго образа. На мѣстѣ ихъ въ Кремниѣ, или Кремль менѣшаго объема, сооруженномъ Димитріемъ Донскимъ, была Фроловская стрѣльница съ желѣзными воротами, откуда суконникъ Адамъ, при осадѣ Москвы Токтамышемъ, застрѣлилъ его любимаго мурзу. Когда Іоаннъ III предпринялъ сооруженіе новыхъ, болѣе прочныхъ стѣнъ города: тогда вызванный имъ изъ Италіи Миланецъ Петръ Антоній Соларій, въ 1491 году «въ лѣто 30-е государствованія Іоанна», воздигъ Фроловскую башню съ воротами, о чемъ свидѣтельствуютъ намъ каменные доски съ Латинскою и Русскою надписями на лицевой и оборотной сторонахъ.

Верхъ башни этой былъ низменный, въ видѣ шатра. — По сказанію одного стариннаго лѣтописца, Іоаннъ III, принявъ въ Московскій гербъ вооруженнаго всадника, велѣлъ поставить его извая-

ніе на возвышенномъ мѣстѣ у Фролов-
скихъ воротъ, гдѣ В. К. Василій, въ
1527 году, соорудилъ церковь во имя
Св. Георгія Побѣдоносца. По указу Ца-
ря Михаила Феодоровича, Англичанинъ,
часовой мастеръ Христофоръ Головей, въ
1626 году, соорудилъ на этихъ воро-
тахъ пирамидальную башню, донынѣ
существующую, и устроилъ на ней ча-
сы, вмѣсто старыхъ боевыхъ со сче-
томъ часовъ отъ восхожденія солнца и
обратно. Баронъ Мейербергъ, бывшій
посланникомъ Австрійскимъ въ 1661
году, называетъ Спасскіе часы *Москов-
скими*, описывая ихъ слѣдующимъ об-
разомъ: «Часы сіи показываютъ время
«отъ восхожденія до заката солнца.
«Въ лѣтній солнечный поворотъ, когда
«дни бывають самые долгіе, а ночь въ
«7 часовъ, эта машина показываетъ и
«бьетъ 17 часовъ дневныхъ. Утверж-
«денное надъ часовою доской неподвиж-
«ное изображеніе солнца лучемъ сво-

«имъ показываетъ часы, означенные на
 «часовомъ кругѣ. Это самые большиe
 «часы въ Москвѣ.» Въ 1705 году, Петръ
 I велѣлъ передѣлать Спасскіе часы, по
 Нѣмецкому обыкновенію, на двѣнадцать
 часовъ; они были устроены, по об-
 разцу Амстердамскихъ, *съ танцы*. Въ
 пожарѣ, 1737 г., когда горѣла и Спас-
 ская башня, часовая машина была по-
 вреждена и возобновлена уже въ цар-
 ствованіе Елизаветы Петровны. Насто-
 ящіе часы башенные, желѣзные, съ
 огромнымъ мѣднымъ барабаномъ, съ
 боемъ часовъ, четвертей и куран-
 товъ, или игральною колокольною му-
 зыкою, для которой повѣшены тамъ 33
 колокола. Механизмъ часовъ помѣ-
 щенъ въ 4-мъ и 5-мъ ярусахъ башни.
 Спасскіе часы, какъ главные въ городѣ,
 служатъ доселъ для повѣрки времени и
 распределенія всѣхъ занятій въ столицѣ.
 При Фроловскихъ воротахъ издревле
 состояли особые часовники и воротники;

тамъ же находилась, до XVIII вѣка,
Стрѣлецкая караульня.

До 1681 года висѣлъ тамъ же, на полубаціи стѣнной, Кремлевскій набатный колоколъ, въ который звонили по какому-нибудь чрезвычайному случаю въ городѣ, какъ то: при пожарѣ или нападеніи непріятеля. Такой звонъ, обыкновенно частый и неправильный, назывался *всполохомъ, набатомъ*, какъ и доселъ въ нашихъ селахъ звонять въ набатъ во время пожара. Подобные колокола известны были также въ другихъ городахъ Россіи подъ именемъ *вѣчевыхъ* отъ *вѣчѣ*, мѣста, гдѣ народъ собирался во время опасности или въ чрезвычайныхъ случаяхъ для обсужденія общаго дѣла. Такимъ образомъ, колокола, имѣвшіе сначала одно религіозное значеніе, получили въ жизни народной и значеніе гражданское. Кромѣ набатныхъ колоколовъ, въ го-

родахъ находились осадные, коими извѣщали горожанъ о приступѣ непріятеля. Такъ Псковичи, въ 1581 году, звонили въ осадной колоколѣ при осадѣ Пскова Стефаномъ Баторіемъ. Набатные колокола, обыкновенно, висѣли на башняхъ или стѣнахъ городскихъ, какъ на пр. въ Псковѣ. Недавно еще въ Болховѣ и Мценскѣ сняты вѣчевые или набатные колокола, изъ коихъ послѣдній висѣлъ на вѣчевой башнѣ. Въ Тобольскѣ, между колоколами Спасской церкви на торгу, есть Углицкій набатный колоколъ, коего звукъ извѣстилъ тамошнихъ жителей о убіеніи царевича Димитрія; онъ слыветъ *ссыльнымъ*. Въ Москвѣ такіе колокола висѣли не только на Спасской, но и на Тайницкой и Троицкой башняхъ; звономъ своимъ они извѣщали вѣкъ концы Москвы о какой либо напасти и сзывали ихъ на помощь. Во время бунта Стрѣлецкаго, 1682 года по сказанію очевидца Сильвестра

Медвѣдева, « биша въ колокола набатные по всему Кремлю » По значенію своему, Кремлевскій набатъ былъ большой, ибо были также малые набаты ; главнымъ набатомъ иногда служилъ также большой колоколъ на Ивановской колокольнѣ.

Въ 1658 году, по указу царя Алексія Михайловича, Фроловскія ворота переименованы въ Спасскія, вѣроятно, отъ стоящаго надъ входомъ въ оныя образомъ Спаса Смоленскаго, въ честь котораго существовала, до конца XVIII вѣка, церковь Спаса Смоленскаго у Москворѣцкихъ воротъ, — памятникъ взятія Смоленска.

При возобновленіи Кремлевскихъ стѣнъ, въ царствованіе Іоанна, Петра и Софіи, Спасская башня была поправлена. Она окружена была, въ это время, съ четырехъ сторонъ четырьмя маленькими башенками. Въ воротахъ ея было два щита: одинъ обитый мѣдью, другой —

желѣзомъ; между ними опускались сверху желѣзныя рѣшетки, которыя, передъ 1812 годомъ, были уничтожены; съ обѣихъ сторонъ боковыя ворота велѣ на валы. — Въ пожарѣ 1737 года, Спасскія ворота потерпѣли отъ огня; но, по указу императрицы Елизаветы Петровны, они возобновлены были вмѣстѣ съ другими Кремлевскими зданіями. Въ началѣ царствованія Александра I, при дѣлань къ ихъ входу порталъ съ колоннами Коринѳійскаго ордена и двѣ каменные часовни.

Теперь посмотримъ на Спасскіе ворота въ ихъ настоящемъ видѣ.

Стиль башни обыкновенно называютъ смѣшенымъ. Первымъ ея архитекторомъ былъ Италіянецъ, а послѣднимъ Англичанинъ. Отъ того въ сооруженіи ея слилось, по видимому, готическое съ Византійскимъ и Мавританскимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Спасская башня пред-

ставляетъ свой особенный художественный типъ, котораго нѣтъ ни въ одномъ изъ этихъ родовъ архитектуры, взятыхъ отдельно, — и который принадлежитъ исключительно древнему Русскому зодчеству.

При этомъ скажемъ вообще объ стилѣ нашихъ древнихъ строеній въ отличие отъ другихъ родовъ архитектуры, съ которыми они часто смыываются.

Художественное произведеніе не можетъ слагаться механически изъ разныхъ родовъ или стилей, — а зодчій такой же художникъ, какъ и поэтъ или живописецъ. Всякій народъ, пока еще имѣеть опредѣленный характеръ и не измѣнилъ его чуждыми вліяніями, находитъ для своей художественной мысли свои образы и формы, въ которые влагаетъ свое живое чувство. Таковы были всѣ народы міра въ лучшую эпоху своей исторической жизни ; — начиная отъ Индіи и Египта, запечатлѣвшихъ

весь страстный характеръ народа и мрачную таинственность своихъ религій въ памятникахъ своего громаднаго зодчества,—и до свѣтлой Эллады, которая своимъ истиннымъ божествомъ признавала одну красоту и дала своему художеству ту стройную гармонію и красоту образовъ,—которыя доселѣ остаются для насъ недосягаемыми образцами. Такъ и древняя Россія имѣла свой художественный типъ въ зодчествѣ, ей одной принадлежащей и который она также мало заимствовала отъ Византіи, какъ и отъ искусства западнаго. Стиль нашихъ древнихъ одноглавыхъ и пятиглавыхъ церквей обыкновенно называютъ Византійскимъ, иногда смѣшиваютъ съ готическимъ и т. д., а между тѣмъ церковь, украшенную главою, также мудрено было встрѣтить въ прежней Византіи, какъ и доселѣ во всей остальной Европѣ, кромѣ Россіи. Извѣстно, что Московскіе соборы

были построены Итальянскими зодчими, но задолго до нихъ, мы уже знаемъ такие же соборы, съ тѣмъ же внутреннимъ расположениемъ и украшенные такими же главами, въ Новгородѣ и Влади-мірѣ. Слѣдовательно, Итальянскіе зодчіе приносили съ собою искусство мастеро-ваго и изящество вкуса, воспитанного древними образцами, но не свой худо-жественный типъ. Наиболѣе представ-ляетъ сходства съ зданіями Кремля стиль Венеціянскій; въ немъ также (*)

(*) Это постоянное соединеніе ломаной линіи съ круглою во всѣхъ нашихъ древнихъ памятникахъ, напоминающихъ готическія стро-енія, составляетъ ихъ рѣзкое отличіе отъ готики, въ которой ломаная арка и ломаная линія основа-всего рисунка; тогда какъ ни въ одномъ древнемъ Русскомъ зданіи нельзя встрѣтить ни одной ломаной линіи. Между тѣмъ, нельзя того же сказать о зодчествѣ Венеціянскомъ и стро-еніяхъ въ сѣверной Италіи, относящихся къ тому же стилю; такъ въ Миланскомъ соборѣ и

ломаныя арки и ломаныя линіи готики
переходятъ въ круглую арку и окру-
гленныя линіи Византійскаго стиля.
Особенно церковь Св. Марка въ Ве-
нечіи, еще сохранившей въ то время
живую связь съ православною Византіей,
— торжественною полнотою своихъ размѣ-
ровъ, внутреннимъ расположениемъ и
своими Византійскими мозаиками, не-
вольно переносить въ святыню нашихъ

дворцѣ дожей въ Венечіи, мы находимъ, рядомъ
съ круглою Византійскою аркою, и ломаную арку
готики.— По этому существенному признаку легко
всегда отличить новѣйшія пристройки, несвой-
ственныя стилю нашихъ древнихъ зданій, каковы
напр. вновь построенная башня на Никольскихъ
воротахъ, съ ломанными арками и пр. Этимъ отли-
чается также наше древнее зодчество (въ строен-
ніяхъ этого разряда, но не соборахъ) и отъ сти-
ля Византійскаго, который строго держался одной
круглой арки, и отъ стиля Мавританскаго, легко
смѣшиваемаго съ нашимъ, но въ которомъ основою
всего рисунка, разрѣзовъ и украшеній служила
форма подковы.

соборовъ. Но ея построеніе почти современно собору Св. Софіи въ Новгородѣ, а куполы, напоминающіе наши главы, были окончены гораздо позднѣе, а потому нельзѧ также выводить зодчество нашихъ соборовъ изъ Венеціи.

Новозвратимся къ Спасскимъ воротамъ.

Толстыя стѣны Спасскихъ воротъ двойные; между ними находятся корридоры съ каменными и деревянными лѣстницами. На стрѣльчатомъ сводѣ воротъ возвышаетсястройная башня, которая, постепенно съуживаясь къ верху арками, оканчивается осмиграннымъ пирамидалальнымъ шпилемъ, который осѣненъ двуглавымъ орломъ.—Всѣхъ ярусовъ башни девять. Сколько простъ нижній ярусъ, столько средній и верхніе пестрѣютъ разнаго рода украшеніями, арками, рѣзьбою и пр. Верхній ярусъ подъ шпилемъ состоитъ изъ осьмигранника, раздѣленного двойными колонами. При всемъ пестромъ разнообразіи, зданіе красиво, оригинально и

представляетъ стройную гармонію частей съ цѣлымъ.

Изъ Спасской башни, въ XV вѣкѣ вѣли въ большой посадѣ, нынѣшній Китай городъ, три моста; потомъ, устроенъ былъ черезъ ровъ каменный мостъ, известный подъ именемъ Спасскаго. Когда засыпанъ былъ ровъ, тогда сломанъ и мостъ; на мѣстѣ его сдѣлали мостовую. Въ XVII вѣкѣ, улица отъ Спасскихъ воротъ называлась казенною. Смежная съ ними на стѣнѣ красивая башенка на четырехъ столбахъ слыла царскою, сторожевою, набатною и всполошною, ибо на ней висѣлъ переполошный колоколъ, перелитый, можетъ быть, изъ Новгородскаго вѣчеваго. Преданіе гласитъ, будто царь Феодоръ Алексѣевичъ, сослалъ его въ Корельскій Николаевскій монастырь, гдѣ погребены дѣти Новгородской посадницы Марѳы и гдѣ онъ подлинно находится, какъ

свидѣтельствуютъ о томъ надписи на колоколѣ.

Спасскія ворота замѣчательны не только по своему зодчеству и по другимъ памятникамъ, съ коими они связаны, но еще болѣе по религіозному историческому и даже юридическому значенію, какое онъ получили въ народной и государственной жизни. Съ конца XIV по XIX вѣкъ, онъ не рѣдко бывали свидѣтелями достопамятныхъ событій и чудесъ, коими увѣковѣчилось ихъ существованіе въ исторіи Москвы; въ народномъ вѣрованіи онъ почитаются священнымъ входомъ богоспасаемаго града. Онъ означенованы разными священными обрядами и святительскими шествіями, также и торжественными входами государей Россійскихъ. Съ древнихъ временъ черезъ нихъ совершаются многіе крестные ходы. Въ крестный ходъ 22 Октября, при патріархахъ, іерархъ, освятивъ воду на Спас-

ской башнѣ, шелъ оттуда по городскимъ стѣнамъ и кропилъ ихъ св. водою. Въ вербное воскресеніе, путь черезъ ворота устилаемъ былъ краснымъ сукномъ, а на мосту ставились нарядныя вербы. Здѣсь патріархъ за большимъ вербнымъ деревомъ шествовалъ на осляти къ Лобному мѣсту, останавливался на приготовленномъ ему амвонѣ и, сказавъ передъ вратнымъ образомъ Спасителя краткую литію, троекратно кропилъ врата св. водою. Всероссійскіе митрополиты и патріархи, въ день своего поставленія, обошедъ на осляти вокругъ города, въ сихъ воротахъ читали вратную молитву. Здѣсь Россійскіе государи и святители съ дворомъ и освященнымъ соборомъ торжественно и благоговѣйно принимали чудотворныя иконы Владимірскія Богоматери изъ Владимира, Спаса Вседержителя изъ Новгорода, Св. Николая Гостунскаго и Великорѣцкаго и др.—св. мощи Черниговскихъ чудо-

творцевъ, князя Михаила и его вѣрнаго
боярина Феодора, замученныхъ въ Ордѣ,
и Св. Димитрія царевича изъ Углича.
Здѣсь же благоговѣйно встрѣчены были
царемъ, синклитомъ и народомъ, торже-
ственно перенесенныя изъ Соловецкаго
монастыря, мощи Св. Филиппа митропо-
лита, который сперва былъ выгнанъ, по
приказанію царя Ивана Васильевича, мет-
лами изъ Успенскаго собора, а потомъ
задушенъ въ Отрочѣ монастырѣ, (въ
Твер. губ.) — и Іова патріарха изъ Старицы.
При встрѣчѣ мощей сего послѣдняго, въ 1652 году, по сказанію самаго царя
Алексѣя Михайловича, «весь пожаръ т. е.
«Красная площадь(∗), занятъ былъ людь-
ми пѣшими, такъ что яблоку негдѣ бы-
«ло упасть.» Спасскія, вмѣстѣ съ другими
Кремлевскими воротами, были заперты
для народа и отворены только для про-

(∗) Такъ она называлась въ то время отъ частыхъ
бывшихъ на ней пожарахъ, по причинѣ тѣснаго дес-
ревяннаго строенія, коимъ она была застроена.

несенія гроба патріаршаго. При этомъ святитель Іосифъ со слезами сказаъ царю : « Вотъ смотри, государь, каково « хорошо за правду стоять, и по смерти « слава ! »

Издревле ведется обычай снимать шапки и шляпы въ Спасскихъ воротахъ. Народное преданіе гласить, будто въ Латинской надписи, выше нами указанной, заключается проклятие на тѣхъ, которые пройдутъ чрезъ сіи врата съ покрытою головой. Начала сему обычай искать должно въ священномъ значеніи сихъ воротъ, въ уваженіи нашемъ къ иконамъ и наконецъ въ сказаніи о чудесахъ, коими онъ были означенованы.

Съ другой стороны, особенное поченіе, издревле имъ оказываемое, объясняется, можетъ быть, и тѣмъ, что онъ служили главнымъ входомъ въ Кремль и къ дворцу великокняжескому отъ Лобнаго мѣста, — мѣста древнихъ народныхъ собраній, и съ ко-

тораго наши Цари бесѣдовали иного-
гда съ народомъ, какъ то дѣлалъ и
самъ Иванъ Васильевичъ Грозный. На
Красной же площади, по избраніи Ми-
хailа Феодоровича, несмѣтныя толпы
народа провозгласили въ одинъ голосъ
« любъ, любъ намъ ! » и потомъ послѣдо-
вали за юнымъ царемъ къ его палатамъ.
Такимъ образомъ Спасскіе вороты со-
ставляли, какъ бы главное предверіе къ
самому дворцу Великокняжескому и
потомъ Царскому.

Всѣ такія обстоятельства, взятыя вмѣ-
стѣ, послужили основаніемъ доселъ су-
ществующему обычаю, священному для
Русскаго народа, и для всѣхъ истинныхъ
Русскихъ.

Старинное сказаніе дополняетъ, что
за нарушеніе сего обычая, заставляли
класть по пятидесяти земныхъ покло-
новъ передъ вратнымъ образомъ.

Сверхъ того Спасскія ворота служатъ
напоминаніемъ многихъ важныхъ событій.

Здѣсь встрѣченъ былъ священнымъ соборомъ Іоаннъ III, по возвращеніи своеемъ изъ покореннаго великаго Новгорода; здѣсь имѣлъ торжественный входъ Іоаннъ IV, послѣ завоеванія Казани. При торжественномъ вѣзде Маринѣ Мнишекѣ, жены Лжедимитрія, во Фроловскихъ воротахъ раздавались Польская музыка и пѣсни, но едва минуло иѣсколько дней, какъ Василій Шуйскій съ Лобнаго мѣста черезъ Флоровскія ворота вступилъ въ Кремль съ крестомъ въ одной руцѣ и съ мечемъ въ другой; въ слѣдъ за тѣмъ протащенъ здѣсь бездыханный и обезображеній трупъ Самозванца на Лобную площадь. Врата сіи были свидѣтелями торжественнаго радостнаго входа юнаго Михаила Феодоровича, котораго народъ Московскій втрѣтилъ, какъ ангела избавителя, послѣ долговременныхъ смутъ и страданій. Симъ же путемъ съ XVIII вѣка шествовав-

ли въ Кремль Россійскіе Императоры и Императрицы для священнаго коронованія. Здѣсь Никонъ Патріархъ, отверженный Царемъ, оставилъ свою Паству.

Съ торжественными и знаменитыми воспоминаніями о сѣмъ зданіи соединяются и печальныя. Черезъ сіи врата ввезены были въ Кремлевскія стѣны гробницы многихъ Государей Русскихъ, начиная отъ Царя Василія Шуйскаго, скончавшагося въ плѣну у Поляковъ и до Императора Александра. Когда Карлъ XII угрожалъ нападеніемъ Москвѣ: сіи ворота, подобно другимъ, были завалены бревнами съ землею по приказанию Петра Великаго, хотѣвшаго обратить Кремль въ осадную крѣпость для защиты отъ Шведовъ. Въ 1812 году Французами онѣ были укрѣплены такимъ же образомъ; по выходѣ непріятелей, въ проѣздѣ поставлены были бочки съ порохомъ и съ зажженными фитилями; но

храбрые казаки успѣли погасить и тѣмъ сохранили этотъ священный памятникъ отъ разрушенія, на которое онъ былъ обрѣченъ Наполеономъ. Непріятели, приставивъ лѣстницу къ образу Спасителя, нѣсколько разъ покушались снять съ него мѣдную, вызолоченую ризу, которую они полагали за золотую; но никакъ не могли успѣть, то сами падали, то лѣстница обламывалась.

Спасскія ворота имѣли, сверхъ того, такое же значеніе въ городской жизни Московскаго міра, какъ судныя врата въ Іерусалимъ, кои вели къ Голгоѳъ. Передъ ними объявлялись судейскіе приговоры на Лобномъ мѣстѣ и совершались казни на Лобномъ рынке, или такъ называемой Красной площади. Преступникъ, приведенный на сіе мѣсто передъ казнью, выслушавъ смертный приговоръ себѣ, молился Спасову вратному образу, кланялся на всѣ четыре стороны и просилъ прощенія и молитвъ у пред-

стоявшихъ. Бѣ одной старинной пѣснѣ описывается казнь какого-то Боярина, который, вступивъ на высокій срубъ противъ Спасскихъ воротъ,

Помолимся Спасу чудному образу,
И на всѣ стороны низко поклонился

Указомъ 1685 г. Февраля 5 и 15 отмѣнена смертная казнь въ Кремлѣ, и вѣльно было производить ее передъ Спасскими воротами. Здѣсь совершались ужасныя казни Стрѣльцовъ, когда въ одинъ день падали сотни Стрѣлецкихъ головъ, часто въ присутствіи самого Петра, неумолимаго, какъ Божія кара.

У Спасскихъ воротъ продаваемы были тетради, листы и столицы, на коихъ въ старину писались у насъ всѣ дѣловыя бумаги. Здѣсь до начала XVIII вѣка выставлялись для охотниковъ лубочныя картишки и здѣсь на мосту сиживали нищіе, калеки и слѣпые, на-

ши рапсодисты, которые пѣли Лазаря, Алексія Божіяго человѣка, и другія такъ называемыя стихи.

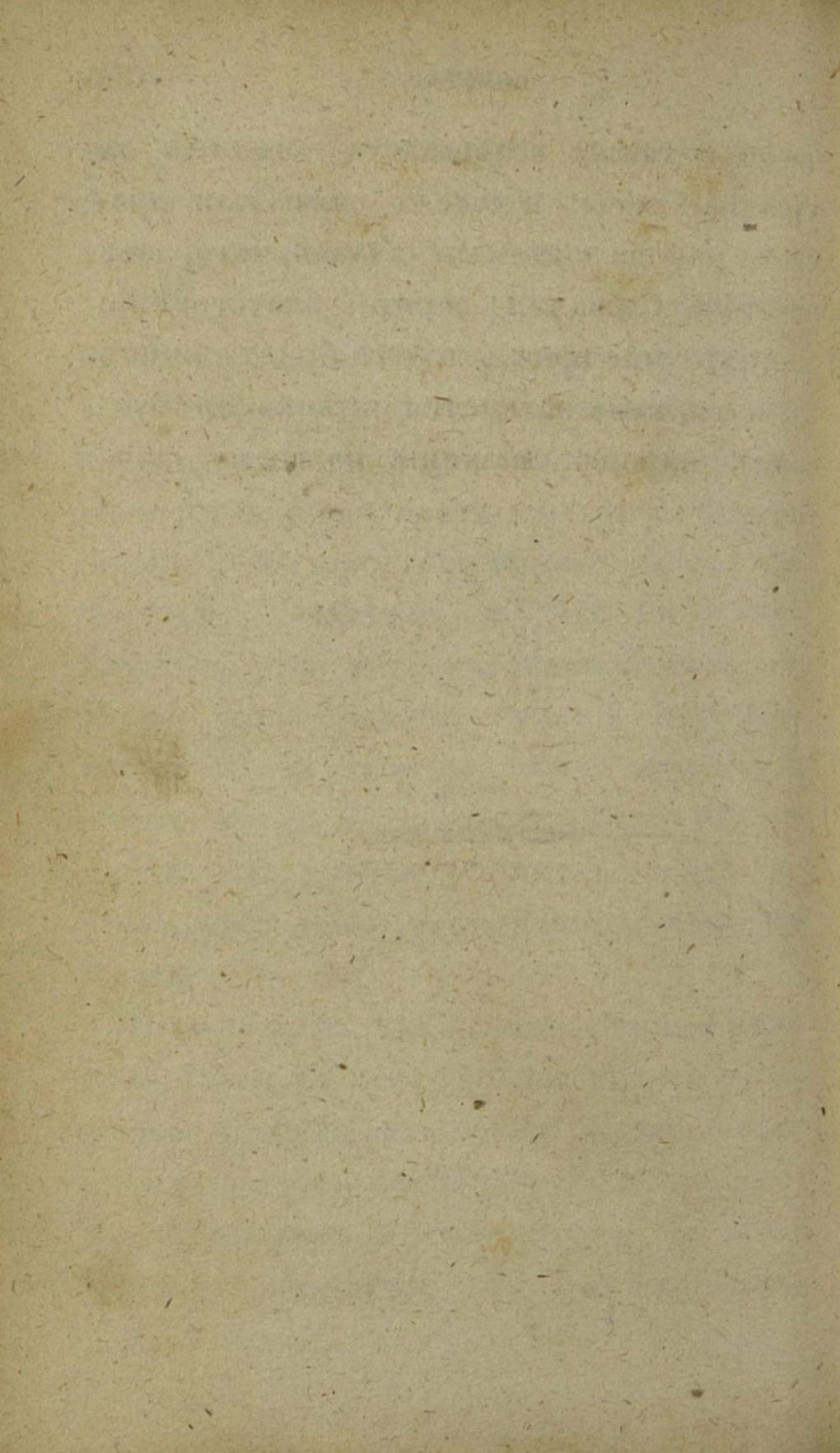
Теперь, въ Москвѣ уже не услышишь на улицѣ слѣпаго пѣвца; но въ деревняхъ, и особенно на сельскихъ ярмаркахъ, еще не рѣдко слѣпой старикъ, въ кругу собравшагося народа, поетъ ему про страшный судъ, про голубиною книгу, про все ему завѣтное и что издревле служило для него умственной пищѣ.— И въ этой безискусственной народной пѣсни часто кроется такая красота и поэзія, которой напрасно стали бы мы искать въ произведеніяхъ многихъ поэтовъ, уже давноувѣнчанныхъ людскою славой.

Съ тѣхъ поръ, какъ нищіе слѣпцы пѣли свои стихи на мосту у Спасскихъ воротъ, многое измѣнилось,—иѣту болѣе ни крестныхъ ходовъ съ образами и хоругвями по стенамъ Кремлевскимъ, не стало многихъ обычаевъ.. Но бой Спасскихъ

часовъ также возвѣщаетъ столицѣ ея урочныя часы; и доселѣ святъ для русскаго народа завѣтныи обычай, которыи почтило Спасскія ворота благоговѣніе нашихъ предковъ; и онъ будетъ жить въ немъ, пока останется крѣпко въ Русскомъ народѣ уваженіе ко всему святыму.

M. . . .

ЗОЛОТО.

Кто не знаетъ этого блестящаго металла. Оно блеститъ почти на каждой игрушкѣ, на дамскомъ дорогомъ нарядѣ, на мундирѣ каждого чиновника или эполетахъ офицера. Имъ блеститъ рамка въ которую вставлена картина художника, переплетъ дорогой книги, — произведеніе великаго человѣка. Вы его встрѣтите на фарфорѣ, на хрусталѣ, на обрѣзѣ бумаги, и нѣть той самой обыкновенной вещи, которую человѣкъ по своей прихоти не украшалъ иногда зо-

лотомъ. — Позолотой блестить внутренность нашихъ храмовъ, имъ украшены Св. иконы и наконецъ золотомъ блестятъ кресты и маковки бѣлокаменной Москвы, которые издали ёдва завидить пѣшеходъ-богомолецъ, — остановится и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, кладеть поклоны святынѣ Московскихъ Соборовъ. Въ старину же не только богоомольцы, но и всякий подъѣзжавшій къ Москвѣ, былъ ли то бояринъ или простой человѣкъ, считалъ своимъ первымъ долгомъ помолиться на завидѣнныя имъ кресты бѣлокаменной. — А потому по всѣмъ дорогамъ ведущимъ въ древнюю столицу, первое небольшое возышенье, съ котораго начинаетъ она быть видною доселъ называется поклонною горою. Такія поклонныя горы находятся на всѣхъ большихъ дорогахъ вѣдущихъ въ Москву, кромѣ одной Петербургской. —

Но обратимся къ нашему золоту. До-

сель мы говорили о немъ, какъ объ одномъ украшении и встречали его въ этомъ видѣ повсюду, начиная отъ крыши дворцовъ и церквей до всякой бездѣлушки. Гораздо рѣже находимъ мы его, какъ матеріалъ для издѣлій. Однакожъ изъ цѣльного золота часто дѣлаютъ всякаго рода уборы, сосуды и другія вещи; роскошь богача покрываетъ свой столъ золотою посудой, а древніе Персидскіе Цари, Римскіе Кесары и Монгольскіе Ханы не только имѣли золотые престолы, но и употребляли золото на всякую самую обыкновенную утварь и даже покрывали имъ внутреннія стѣны своихъ дворцовъ. Ни на что однакожъ не употребляется столько золота, сколько на вещь по себѣ вовсе бесполезную и даже не служащую ничему украшениемъ, а именно на выдѣлываніе золотої монеты, искони представляющей у людей высшую общую цѣнность, посредствомъ которой произ-

водится всякая мѣна, торгъ или продажа. Такъ на пр. богатая Англія почти не знаетъ другихъ денегъ, кромъ золотой монеты.

Не должно думать однажды, что если золото употребляется на столько различныхъ предметовъ и въ такомъ количествѣ, что его такъ много разсѣяно въ природѣ. На противъ его очень не много, и только тяжелый трудъ человѣка и его искусство умѣли ввести его въ такое общее употребленіе.

Употребленіе золота безспорно принадлежитъ глубочайшей древности, и вѣроятно, что это былъ одинъ изъ первыхъ металловъ, которымъ человѣкъ началъ пользоваться; ибо золото почти единственный металлъ, который встрѣчается въ природѣ въ настоящемъ видѣ, годномъ прямо къ употребленію.

Золото находится въ горнокаменныхъ породахъ различного образованія, но чаще всего въ песчаныхъ розсыпяхъ

по берегамъ рѣкъ, или въ видѣ золотыхъ блестокъ, смѣшанныхъ съ пескомъ на днѣ рѣкъ и протоковъ.

Въ первомъ случаѣ, оно называется золотой рудой,—во второмъ золотыми розсыпями или пескомъ.

Частицы золота, въ томъ или другомъ видѣ, въ примѣсѣ съ тѣми или другими минералами вѣроятно находятся почти во всѣхъ краяхъ свѣта, во внутренностяхъ земли;—но при маломъ количествѣ отдѣляемаго золота, обработка его часто не окупается количествомъ добываемаго металла, а потому и называются обыкновенно золотыми рудниками или розсыпями только тѣ изъ нихъ, которые съ нѣкоторымъ избыткомъ могутъ вознаградить трудъ человѣка.

Въ древнемъ мірѣ золото получалось преимущественно съ Востока, изъ средней Азіи и Аравіи, и доселѣ Персія, Индія и Китай представляютъ еще неизчерпаемое богатство золотой руды,

впрочемъ въ новѣйшее время мало обработанной.

Римляне получали также золото изъ Испаніи, Далмаціи и Панноніи, нынѣшней Венгрии, гдѣ и теперь еще есть золотые рудники.

Въ новомъ мірѣ, открытие Америки доставило въ руки Европейцевъ неисчерпаемыя богатства ея рудниковъ. Богатые рудники находятся въ Бразиліи, Хили. Но въ Мексикѣ и Перу и особенно рудники Потози въ Перу доселѣ почитаются самыми богатыми золотыми рудами въ свѣтѣ, хотя въ послѣднее время, при уменьшившейся разработкѣ, они уступаютъ въ количествѣ добываемаго золота золотымъ розсыпямъ Сибирскимъ.

Завоеваніе туземныхъ царствъ Испанцами доставило имъ огромное количество золота въ готовыхъ издѣльяхъ — произведеніяхъ искусства туземцевъ, ограбленныхъ Европейскими пришельцами. Но скоро грабить было уже не-

чего и они обратились къ богатствамъ, которая скрывала въ своихъ нѣдрахъ новооткрытая почва. Для этого, въ своей жадной и нетерпѣливой корысти, они обратили цѣлые туземныя поселенія на каторжную работу въ рудникахъ, которая въ скоромъ времени извела народонаселенія цѣлыхъ областей, такъ что въ наше время отъ многихъ народовъ, составлявшихъ нѣкогда богатыя царства и цвѣтшихъ благосостояніемъ, не осталось ни одного человѣка. Такова была участъ, которую просвѣщенный Европеецъ принесъ Американскому дикарю вмѣсто благословенія Христіанства, коему думалъ служить великий Колумбъ (*), открывая

(*) Не то дѣлаетъ Колумба великимъ, что онъ открылъ Америку. Америка была не разъ открыта и до него и почти въ одно время съ нимъ. Нельзя также положительно утверждать, чтобы одна наука убѣдила его въ существованіи другой части свѣта, онъ зналъ обѣ ней и отъ Исландцевъ, которымъ она была знакома за нѣсколько столѣтій

новые народы и земли. Испания мечтала на вѣки сдѣлать себя богатой и счастливой, владѣя такими несмѣтными богатствами золота; но золото, которое доставили ей ея неправедныя стяжанья и нѣмое страданье порабощенныхъ населеній скоро перешло въ руки другихъ, болѣе трудолюбивыхъ и промышленныхъ народовъ, которые вымѣняли даровое золото Испаніи на произведенія своего труда, ремесль и торговли. Не прошло полутора вѣка какъ Испания, не смотря на все свое золото, стала бѣднѣе прежняго и потеряла все свое прежнее

ранѣе, но его поставляетъ въ ряды великихъ мужей Исторіи та сила убѣжденья и непреклонная твердость воли, которая дается только немногимъ и потому только немногихъ выноситъ къ задуманной ими цѣли. Сверхъ того въ Колумбъ жило стремленіе не личной корысти или празднаго любознанія, а стремленіе къ высокой Христіанской цѣли, которое дѣлаетъ его явленіемъ еще болѣе рѣдкимъ въ Исторіи

политическое могущество. Въ настоящемъ же столѣтіи она утратила всѣ свои лучшія Американскія колоніи, и досель остается одною изъ бѣднѣйшихъ земель Европы.

Европа также имѣетъ свои золотые рудники; такъ Венгрія Тироль, Чехія и другія земли. Испанія и Португалія, при богатствѣ Американскихъ рудниковъ, во-все не воздѣлывали своихъ собственныхъ въ новое время. Но самыя богатыя мѣсторожденія золота въ Европѣ безспорно принадлежать Россіи, а взятая вмѣстѣ съ золотыми пріисками въ Россіи Азіатской, по количеству добываемаго въ обоихъ золота, можетъ быть первые въ мірѣ. До новѣйшаго времени известны были только золотые рудники и розсыпи въ Уралѣ и незначительный мѣсторожденія золота близь Алтая; но въ послѣднее дѣсятилѣтіе особенно увеличилась разработка золота въ Сибири и не только

увеличилась она въ Уралѣ, но еще болѣе на Сѣверъ отъ Алтая, особенно за Енисеемъ и на Сѣверо-Востокъ отъ Красноярска, между Енисеемъ и верховьями Тунгуски. Въ послѣдніе годы производство всего золота въ Сибири доходило, до 350 пудовъ.

Богатство Россіи золотомъ заключается преимущественно не въ рудахъ, какъ богатства Америки а въ золотыхъ пескахъ и розсыпяхъ. Добыванье золота изъ золотоносныхъ песковъ было безъ сомнѣнія известно и глубокой древности, и вѣроятно прежде разработки руды, представляющей гораздо болѣе трудностей. Такъ объ немъ еще свидѣтельствуетъ намъ и Греческое сказаніе о золотомъ рунѣ, которое Язонъ похитилъ изъ Колхиды. Вѣроятно, что все это сказаніе не означало ничего другаго, какъ то, что Грекиѣздили въ Колхиду добывать золотой песокъ со дна тамошнихъ рѣкъ,

опуская въ нихъ овечьи шкурки, въ которыхъ теченіе рѣки вмѣстѣ съ пескомъ наносило и золотыя блестки. Римляне получали золотой песокъ изъ Испаніи; имъ славилась въ древности Аравія; безспорно находятся также золотыя розсыпи во всей средней Азіи, и золотоносныя рѣки отъ Бухаріи до границъ Китая. Но особенно известны золотыми песками берега Африки, Гвинея и такъ называемый золотой берегъ, откуда Англичане ежегодно вывозятъ до 30 пудовъ золотаго песку. По новѣйшимъ известіямъ найдены также богатыя золотыя розсыпи въ Калифорніи, гдѣ еще недавно находилась Русская колонія Россъ.

Указавъ на мѣсто, гдѣ добываетъ золото, посмотримъ теперь какимъ образомъ добываютъ его и получаютъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его знаемъ.

Чистаго золота въ сомородкахъ почти не находится, но всегда въ соединеніи

съ нѣкоторымъ количествомъ серебра, мѣди и другихъ металловъ. Золото легко соединяется также искусственнымъ образомъ съ разными металлами, серебромъ, мѣдью и другими,—также съ сѣрою, фосфоромъ и многими другими веществами; но всего легче и удобнѣе съ ртутью, на чёмъ и основаны главные способы очищенія золота.

Иногда находятъ золото въ видѣ малыхъ плитокъ, зеренъ или отдѣльными блестками. Въ большихъ же массахъ самородное золото находится весьма рѣдко, такъ на пр. на Уралѣ, гдѣ его ежегодно добывается около 350 пудъ, до 1841 года, былъ найденъ только одинъ самородокъ въ 24 ф. 68 золотн.; но недавно найденъ въ Царево-Александровской россыпи самородокъ вѣсомъ въ 2 пуда, 26 ф. 92 золотн., можетъ быть, самый большой самородокъ, который доселѣ былъ известенъ.

Обработка золотой руды обыкновенно

весьма проста ; и состоитъ въ толченіи и промываніи ея , пока золото не осаждеть въ низъ и тогда полученный осадъ плавятъ на сильномъ огнѣ.—

Для полученія золота изъ золотоносныхъ песковъ обыкновенно промываются этотъ песокъ, при чемъ золото очищается все болѣе и наконецъ когда получать золото въ извѣстной чистотѣ, соединяютъ его со ртутью. Потомъ улетучиваются ртуть посредствомъ сильнаго жара ;— послѣ чего и получается чистое золото.

Извлеченіе золота изъ сѣрныхъ породъ , часто содержащихъ въ себѣ золото въ избыткѣ , нѣсколько сложнѣе. Для этого употребляются два способа :

Способъ плавленія : Калять руду для отдѣленія отъ нея сѣры, плавятъ отдѣлившееся золото , потомъ смѣшиваютъ его съ свинцомъ , и снова плавятъ. Наконецъ отдѣливъ примѣсь свинца въ образовавшемся сплавкѣ, получаютъ чистое золото.

Другой способъ, посредствомъ соединенія съ ртутью. Когда руда бѣдна, то калятъ ее до соединенія съ ртутью, когда же она очень богата, то соединяется съ ртутью безъ накаленія. — Ртуть испаряютъ на сильномъ жару и золото остается на днѣ сосуда.

Золото, добытое плавленіемъ, можетъ содержать въ себѣ желѣзо, олово и серебро; но полученное посредствомъ соединенія съ ртутью, содержитъ только серебро. Отдѣлять золото отъ желѣза и олова легко, сплавляя его съ селитрою. Для отдѣленія же золота отъ серебра употребляютъ особенный, довольно многосложный способъ съ помощью селитряной кислоты, и при этомъ необходимо, чтобы сплавокъ состоялъ изъ одной части золота и 3-хъ частей серебра.

Чистое самородное или выдѣланное золото твердо, имѣть цвѣтъ желтый, блестящій, не имѣть вкуса и запаха,

какъ на пр. жельзо , мѣдь , и другіе металлы. За исключеніемъ платины , при одинаковомъ объемѣ , оно тяжеле всѣхъ другихъ вѣсомыхъ тѣлъ. Такъ оно въ 19 разъ съ $\frac{1}{2}$ тяжеле перегнанной воды , что и составляетъ его удѣльный вѣсъ ; ибо вѣсъ перегнанной воды , взятой въ извѣстномъ объемѣ , принимается за общее мѣрило всѣхъ тяжестей , и постоянную единицу , — въ отношеніи которой , сравнительный вѣсъ каждого тѣла и называется его удѣльнымъ вѣсомъ . —

Золото не измѣняется отъ дѣйствія воздуха ; во время плавленія оно принимаетъ зеленый цвѣтъ , но превращается въ пары и улетучивается только при спльномъ электрическомъ снарядѣ , и если подвержено ему въ тонкихъ пластинкахъ . Расплавляется оно при 32° градусахъ Веджвудова пирометра (*) ин-

(*) Онъ состоитъ изъ двухъ металлическихъ суживающихся пластинокъ , на которыхъ показаны градусы ; между ними кладется кусокъ сухой осо-

струмента, которымъ измѣряются степени сильнѣйшаго жара при плавленіи металловъ, когда термометръ не можетъ болѣе служить для опредѣленія температуры.

Золото самый ковкій и тягучій металль, какой доселъ извѣстенъ; изъ него можно вытянуть проволоку такой тонины, что при длинѣ въ 72 сажени, она будетъ вѣсить не болѣе грана. Вмѣстѣ съ тѣмъ золото такъ плотно, что золотая проволока толщиною въ $\frac{3}{10}$ одной линіи, и въ аршинъ длины можетъ сдержать на себѣ 16 ф. вѣсу. Позолота на серебрѣ будучи въ $\frac{1}{10000}$ долю линіи толщиною, не показываетъ даже при разсмотрѣніи въ микроскопъ обнаженный частицъ серебра; а одной унціей золота

бенно приготовленной глины, которая замѣняетъ ртуть или спиртъ въ термометрѣ. При сильномъ жарѣ, глина отъ дѣйствія его суживается и при извѣстномъ наклонѣ подвигается все болѣе къ узкому концу пирометра, смотря по степени жара.

можно позолотить тонкую серебряную проволоку въ 1300 верстъ.

Растворивъ золото въ царской водкѣ и прибавляя въ полученный растворъ другихъ химическихъ веществъ получаютъ то кассиевъ пурпуръ, употребляемый въ живописѣ на фарфорѣ и для окрашиванія стекла въ яхонтовый цветъ; то золото въ порошкѣ употребляемое для позолоты форфора,—то такъ называемое *громучее золото*, которое вспыхиваетъ и производитъ взрывы, какъ порохъ. и пр.

Искусство золотить очень разнообразно; но вообще можетъ быть раздѣлено на позолоту металлическихъ и не металлическихъ вещей.

Для позолоченія не металлическихъ вещей, употребляютъ листовое золото, накладывая его различными способами, смотря по вещи. Листовое золото приготавляется сначала въ видѣ проволокъ,

потомъ раздавливаютъ его двумя стальными валами и разрѣзываютъ на небольшія плитки. Эти плитки сперва по нѣсколько вмѣстѣ кладутся между двумя пергаментными листами и расколачиваются; а потомъ ихъ разбиваются, между двумя тонкими кожицами, на твердомъ гладкомъ камнѣ деревянными молотками до потребной тонины.

Металлическія вещи изъ бронзы мѣди или серебра, золотятъ сдѣдующимъ образомъ: очистивъ сперва поверхность известнымъ химическимъ способомъ обливаисть водою и сушатъ, послѣ этого накладываютъ сортученное золото (смѣсь золота съ ртутью) щеточками сдѣланными изъ тонкой мѣдной проволоки и наконецъ золотимую вещь кладутъ въ огонь. Ртуть превращается въ пары, оставляя тонкій слой золота, который потомъ полируютъ.

Серебро золотятъ также слѣдующимъ

образомъ: намачиваютъ вѣтошки растворомъ золота въ царской водкѣ, и высушивъ ихъ сожигаютъ. Получивъ такимъ образомъ родъ пепла, смѣшаннаго съ чрезвычайно тонкимъ золотымъ порошкомъ, натираютъ имъ полированное или матовое серебропробкою, предварительно нѣсколько обожженою и смоченою въ уксусѣ. Но всѣ эти способы золоченія съ выгодою замѣняетъ новооткрытый способъ золоченія посредствомъ гальванизма, при чмъ золото осаживается ровнѣе, плотнѣе соединяется съ предметомъ и слоями еще тончайшими. Для этого вещь погружаютъ въ золотой растворъ, потомъ подвергаютъ дѣйствію гальванической батареи и золото само осѣдаетъ на предметъ.

Любовь человѣка къ золоту, которая при невозможности имѣть издѣлія изъ настоящаго золота, заставляетъ его часто довольствоваться однимъ видомъ и блескомъ его,—заставила его отыскать сред-

ства для полученія золота въ такихъ тончайшихъ слояхъ, почти неуловимыхъ для измѣренія. Но кромѣ прихоти человѣка, позолота имѣеть и ту существенную выгоду, что золото, можетъ быть, единственный металль кромѣ платины, который никогда не ржавѣеть; а потому и позолота предохраняетъ предметы отъ всякой ржавчины, дѣйствія мокроты или воздуха.

Чистое золото, безъ всякой примѣси называется у насъ обыкновенно червоннымъ. Но оно слишкомъ мягко для издѣлія; и потому въ дѣловое золото примѣшиваются всегда частицу мѣди или серебра, что и называется *лигатурой*. — Въ первомъ случаѣ лигатура называется красной, во второмъ бѣлой.

Золото имѣеть также свою условную цѣну, если и измѣняющуюся, то весьма незначительно; такъ на ир. фунтъ золота равняется цѣнъ 20 фунтовъ сереб-

ра и около 1400 фунтовъ мѣди. Впрочемъ въ Римѣ при первыхъ Кесаряхъ, когда въ него вливались сокровища со всего свѣта, золото такъ упало въ цѣнѣ, что цѣнность его, на пр. въ отношеніи къ серебру, была не болѣе, какъ 7-и къ 1-му.

Одни драгоценные камни и жемчугъ при томъ же объемѣ имѣютъ большую цѣнность противъ золота, такъ на пр. золотникъ цѣльного бриліанта стоитъ нѣсколько фунтовъ золота.

Золото не только служитъ намъ всюду лучшимъ и самымъ блестящимъ укращеніемъ, но представляя собою высшую пзвѣстную цѣнность, оно вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и всѣ веџи, которыя могутъ удовлетворять нашимъ желаніямъ. И потому имѣть много золота, какъ средство для удовлетворенія всѣхъ своихъ желаній, въ этомъ часто полагали и доселѣ полагаютъ счастіе жизни.

Но не должно забывать, что золото можетъ быть только средствомъ и никогда цѣлію, ибо не даетъ человѣку ничего положительнаго.—Оно въ рукахъ его—одно орудіе, которое можетъ быть употреблено имъ дурно или хорошо, на зло или добро, счастье или несчастье себѣ. Оно открываетъ человѣку болѣе путей въ жизни, а потому и даетъ болѣе средствъ, быть счастливымъ или несчастнымъ, и дѣлать счастье или несчастье другихъ, быть имъ полезнымъ или вреднымъ. — А потому золото можетъ быть столько же благословеніемъ жизни въ рукахъ одного, сколько ея отравой въ рукахъ другаго.—

По видимому обладаніе золотомъ, должно, по крайней мѣрѣ, вполнѣ обеспечивать физическое довольство и благосостояніе человѣка, но и здѣсь все зависитъ отъ его воли и его нравственнаго настроенія. Иной скряга дрожитъ надъ кучами золота и терпить

всякія лишенія, лучше чѣмъ разстаться съ лишнимъ рублемъ, а постоянная мысль и забота о своемъ богатствѣ сушилъ и отравляетъ всю его жизнь.

Такъ, съ другой стороны, если кого судьба наградила богатствомъ, да онъ безразсудно расточилъ его, то одно воспоминаніе объ утраченномъ довольствѣ дѣлаетъ жизнь такого человѣка, въ десятеро несчастнѣе, чѣмъ если бы онъ никогда не зналъ избытка.

Сверхъ того также, какъ золото представляетъ намъ цѣнность всѣхъ вещей, такъ и каждая вещь представляетъ собою известное количество золота. И потому всякий полезный трудъ, всякая наука, всякое искусство или ремесло можетъ доставлять намъ золото и разширять наши средства существованія, — но пользоваться ими вовредъ или добро себѣ предоставлено намъ однимъ.

И такъ все, чemu мы учимся, пред-

ставляетъ вмѣстъ съ тѣмъ и извѣстную цѣнность золота. Но не въ золотѣ счастье жизни; оно лишь *средство*, часто опасное и гибельное въ нашихъ рукахъ. Счастье же заключается въ внутреннемъ довольствѣ души, которая умѣеть любя исполнять свой долгъ.

М. . . Св - въ.

О НАСТОЯЩИХЪ ЖИЛИЩАХЪ
ЮЖНЫХЪ И ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ
и
ИХЪ РАЗСЕЛЕНИИ ВЪ ЕВРОПЪ (*).

Читателямъ Б. для В. должно быть известно изъ Очерка исторіи Черногоріи, помещенного въ предыдущей

(*) Намѣреваясь постоянно знакомить нашихъ читателей съ исторіею нашихъ западныхъ и южныхъ братій, мы сочли необходимымъ напередъ представить краткое обозрѣніе ихъ жилищъ и разселенія въ Европѣ, какъ необходимое предварительное введеніе ко всѣмъ послѣдующимъ разсказамъ.

книгъ, что весь съверъ нынѣшней Европейской Турціи, почти все пространство между Чернымъ и Адріатическимъ моремъ, занимаютъ одни Славяне. Даже въ Румеліи, Албаніи, Фессаліи и въ самомъ Царѣградѣ, они составляютъ значительную часть народа населенія. Исключительно населенныя ими земли въ Европейской Турціи суть Булгарія, собственная Сербія, Босна, Герцеговина, Черногоріе и почти вся Македонія. На западъ отъ Босны и Герцеговины и на съверъ отъ Албаніи Адріатическое приморье составляетъ Далмацію, съ начала нынѣшняго столѣтія принадлежащую Австріи. Булгарія называется по имени живущаго въ ней Славянского народа Булгаръ. Всѣ прочія земли населены однимъ народомъ Сербскимъ, хотя небольшая часть жителей, исповѣдающая магометанскую вѣру, называетъ себя Турками. Общій языкъ во всѣхъ этихъ

земляхъ Сербскій. Въ Болгаріи часть городскаго населенія составляютъ Греки, въ Далмаціи Итальянцы и чиновники Нѣмцы.—Собственная Сербія, т. е. страна между рѣками Дунаемъ, Савою, Дриною и Сербской Моравою, только въ нынѣшнемъ столѣтіи освободилась отъ ига Турецкаго и находится подъ покровительствомъ Россійскаго Императора. Турецкому Султану она платить известную подать; впрочемъ управляетъ независимо своимъ княземъ и совѣтомъ народныхъ старшинъ. Только въ некоторыхъ крѣпостяхъ находятся Турецкіе гарнизоны; во всей остальной землѣ Турки и вообще Магометане не имѣютъ даже права жить ни въ городахъ, ни въ селахъ. Жители же Болгаріи, Босны, Герцеговины и Македоніи, до сихъ поръ находятся въ полномъ подданствѣ у Турковъ; только въ дѣлахъ вѣры Россія со временемъ Екатерины II, по договорамъ, приобрѣла себѣ право всту-

паться за нихъ, какъ за своихъ единовѣрцевъ.

Отдѣльное нарѣчіе Сербскаго языка составляютъ Хорваты, занимающія Королевство Кроацію, (Хорватію) и Словенцы, живущіе во всей Крайнѣ, Истріи, въ части Каринтіи (Хорутаніи) и Штиріи. Сербами заселена вся Австрійская военная граница, равно какъ и Славонія. Въ собственной Венгріи занимаютъ они весь Сремъ и Банатъ или южную часть королевства,— разсѣянными жилищами простираются до самаго Пешта и Будима (Офенъ), гдѣ соединяются съ Слованами.

Словаки вмѣстѣ съ Моравцами и Чехами, живущими отъ нихъ на сѣверъ, принадлежатъ къ языку Чешскому. На сѣверо-востокъ отъ Чеховъ живутъ Лужичане, въ верхней и нижней Лужицахъ. Сами они себя называютъ Сербами, а Нѣмцы зовутъ ихъ Вендами. Это остатокъ многочисленнаго союза племенъ

Славянскихъ, нѣкогда занимавшаго весь съверо-востокъ нынѣшней Германіи, всю Померанію, Мекленбургъ, земли, лежащія между Одеромъ и Лабою или Эльбою. На съверъ отъ Моравцевъ, Чеховъ и Лужичанъ живутъ Поляки въ собственной Польшѣ, Силезіи и Княжествѣ Познанскомъ. Отраслью своею, нарѣчіемъ Кашубовъ, живущихъ около Гданска (Данцига) и Кролевца (Кенигберга), языкъ Польскій простирается до самаго Балтійскаго моря. Такъ отъ морей Адриатическаго, Мраморнаго и Чернаго до самаго Балтійскаго, вдоль почти всей западной границы Русскаго царства, живутъ въ непрерывной связи другіе Славянскіе народы, которыхъ въ отличіе отъ Русскихъ мы называемъ Западными и Южными.

Всѣхъ Славянъ въ Европѣ считается около 80 мил. Слѣд. болѣе $\frac{1}{3}$ всего Европейскаго населенія. Изъ нихъ 53·м. 500 т. принадлежать Русскому царству.

Всѣ осталыя 26 мил. 500 т. доселѣ остаются подъ владычествомъ иноземцевъ. Въ томъ числѣ 6 м. 100 т. принадлежать Туркамъ, около 17 м. Австрійцамъ и слишкомъ 2 мил. Прусакамъ и 60 т. Саксоніи. Сверхъ того въокругъ вольнаго города Кракова считается до 130 т.

Если же разсматривать все Славянское народонаселеніе по племенамъ, то получимъ слѣд. числа:

Всѣхъ *Русскихъ* вмѣстѣ съ Малорусами и Бѣлорусами до 51 мил. 200 т.; изъ нихъ 48 м. съ $\frac{1}{2}$ принадлежать Россіи, и безъ малаго 3 м. Австріи. Изъ того же числа 48 м. исповѣдуютъ Вѣру Греко-Восточную, около 3-хъ м. принадлежать Унії (таково почти все Русское населеніе въ Австрійской Галиціи и незначительная часть въ царствѣ Польскомъ), и 350 т. принадлежать церкви Римской.

Булгарѣ около 4 мил. которые, за исключениемъ небольшаго числа посе-

ленцевъ въ Россіи, всѣ принадлежать Турціи. — Изъ нихъ 50 т. Католиковъ, 250 т. Магометанъ и 3 мил. 700 т. Православныхъ.

Сербовъ около 5 м. 500 т., изъ коихъ въ Австріи слишкомъ 2 м. съ $\frac{1}{2}$ и столь-
коже въ Турціи; но въ послѣднее число входятъ также 100 т. независимыхъ Чер-
ногорцевъ и 950 т. Сербовъ, составляю-
щихъ отдѣльное Сербское княжество. —
Изъ Сербовъ 3 м. православныхъ, 1 м.
180 т. Католиковъ и слишкомъ $\frac{1}{2}$ м.
Магометанъ.

Хорутанъ 1 м. 150 т. всѣ принадле-
жать Австріи и почти всѣ Католики.

Хорватовъ 800 т. всѣ также принад-
лежать Австріи и всѣ Католики.

Всѣ доселѣ исчисленныя нами пле-
мена принадлежать (по тому раздѣлению,
которое сдѣлалъ ученый Шафарикъ
всѣмъ Славянскимъ языкамъ на два от-
дѣла) къ отдѣлу Юго-Восточному и
составляютъ всѣ вмѣстѣ до 62 мил.

Племена принадлежащія къ отдельу Западному составляютъ, взятыя вмѣстѣ, около 17 м.

Въ томъ числѣ:

Поляковъ 9 мил. 400 т., изъ коихъ въ Россіи около 5 м., въ Австріи 2 м. съ $\frac{1}{2}$, въ Пруссіи около 2 м. Всѣ принадлежать къ исповѣданію Католическому, за исключеніемъ 450 т. протестантовъ.

Чеховъ и, вмѣстѣ съ ними, Словаковъ и Мораванъ, составляющіе нарѣчія того же языка, 7 м. 200 т.—За исключеніемъ 950 т. Протестантовъ, всѣ остальные Католики.

Лужичанъ 150 т., изъ коихъ 60 т. принадлежать Саксоніи, а остальные Пруссіи. За исключеніемъ 10 т. Католиковъ всѣ остальные Протестанты.

Теперь мы сообщимъ тѣ немногія свѣдѣнія, которыя имѣемъ о древнѣйшихъ жилицахъ Славянъ и ихъ первоначальномъ разселеніи въ борьбѣ съ

другими иноземными народами; — и по-
томъ, указавъ на образованіе первыхъ
Славянскихъ государствъ въ Греческомъ
полуостровѣ, постараемся передать на-
шимъ читателямъ въ отдѣльныхъ ис-
торическихъ очеркахъ судьбу каждого
изъ нихъ, какъ то уже и было сдѣлано
для Черногоріи.

Славяне принадлежать къ старожи-
ламъ Европейскимъ, равно какъ и пле-
мена Греческія, Италіанскія, Кельтій-
скія и Германскія. Искони занимали они
земли между Балтійскимъ и Чернымъ
морями. Когда они тутъ поселились, мы
не знаемъ. Мнѣніе, будто они только въ
6-мъ столѣтіи по Р. Х. пришли изъ
Азіи, основано было единственно на
томъ, что имя ихъ встречается впервые
только у писателей 6-го вѣка, у Готеа
Іорнанда и Грека Прокофія. — Нѣмец-
кіе историки, а за ними и Русскіе, изу-
чавшіе свою исторію по ихъ слѣдамъ,
долго не могли увидать вещи самой

простой и очевидной; а именно, что если Йорнандъ и Прокопій, жившіе въ 6-мъ столѣтіи, рассказываютъ о Славянахъ, какъ о народѣ многочисленномъ, заселяющемъ въ Европѣ огромное пространство, и въ тоже время ничего не говорятъ объ ихъ переселеніи изъ Азіи, то очевидно, что сами они считали ихъ старожилами въ Европѣ. Дѣло въ томъ, что Славяне въ древности не были известны другимъ народамъ подъ однимъ общимъ именемъ, но подъ разными частными, иногда своими племенными, или местными, иногда же совершенно чуждыми имъ названіями. Такъ въ средніе вѣка и даже въ новѣйшее время нась называли Скиѳами. Такъ Славяне называютъ Германцевъ Нѣмцами или Швабами, а Французы Алеманнами; Итальянцевъ называли у нась Влахами. — Въ Будинахъ и Неврахъ Геродота нельзя не признать племенъ Славянскихъ. Первые жили на Сѣверо-Востокѣ отъ истоковъ

Днѣстра въ Волыни и Бѣлоруссіи; вторые на Сѣверо-Западѣ, въ землѣ донынѣ называемой Нурскою, у Геродота *η νεύρις*, *η νούριδα γη*. Говоря о Будинахъ, Геродотъ описываетъ подробно ихъ городъ: онъ простирался въ одинъ конецъ почти на 6 верстъ, былъ четырехугольный, весь деревянный, обнесенный деревянной стѣною. Мы узнаемъ въ этомъ описаніи городъ Славянскій, можетъ быть, древнѣйшій въ Европѣ послѣ городовъ древней Греціи и ся колоній. — Такъ и у другихъ писателей послѣ Геродота находятся свѣдѣнія о народахъ Славянскихъ, скрытыя подъ разными, отчасти уже разгаданными, отчасти доселѣ неразгаданными именами.

Въ 4-мъ столѣтіи до Р. Х. сильнейшимъ народомъ въ Европѣ были Кельты. Изъ Галліи отъ Пиренеевъ прошли и покорили они страны Альпійскія и Сѣверную Италію. Галлы не разъ гро-

зили самому Риму. Но Римъ успѣль однакожъ выдти побѣдителемъ изо всѣхъ опасностей.—Междутѣмъ Кельты разселились по всей средней Европѣ до Германскаго лѣса, за которымъ на Сѣверѣ была настоящая колыбель Германскихъ народовъ; потомъ спустились въ Иллирію, Ѣракію и Македонію, и проникли въ самую Малую Азію. Славяне подались тогда на Сѣверо-Востокъ. Вѣроятно въ это время они заселили страну за Окою и истоками Волги, нынѣшнюю средину Русскаго Царства. Въ народныхъ Русскихъ пѣсняхъ до сихъ поръ сохранилась память о Дунаѣ. Первый Славянскій лѣтописецъ, нашъ Несторъ, также упоминаетъ о томъ, что Славяне, уступая Кельтамъ или, какъ онъ ихъ называетъ, Волохамъ, удалились нѣкогда съ Дуная.

Междутѣмъ съ сѣвера, изъ Скандинавіи Нѣмецкое племя Готоовъ, перешедшее чрезъ Балтійское море, оспоривало у

Славянъ берега его, отъ устьевъ Вислы и Одера до Лабы или Эльбы; и подчиняло своей власти общины Славянскія. — Къ концу послѣдняго столѣтія до Р. Х. Римъ, покоривъ всѣ народы Кельтскіе и распространивъ на нихъ свои учрежденія, свой языкъ и образованіе, сблизился съ народами Германскими. — Римъ одерживалъ также побѣды надъ Германцами и распространялъ на нихъ свое влияніе; — но самыя побѣды его и новыя завоеванія приближали будущее торжество Германца. Объему Имперіи не соответствовала болѣе ея внутренняя сила, а нравственная порча съ каждымъ днемъ все болѣе овладѣвала обществомъ и всѣми его членами. — Собственными орудіями Рима, съ помощью его же просвѣщенія стали бороться съ нимъ Германцы. Германскіе юноши, получившіе образованіе въ Римѣ, становились во главѣ сильныхъ союзовъ Нѣмецкихъ племенъ, грозившихъ

опасностью Имперіи. — На границахъ вдоль всего Рейна, на верхнемъ и среднемъ Дунаѣ, въ продолженіи четырехъ столѣтій продолжалась упорная борьба; но Нѣмцы не могли окончательно переступить этихъ предѣловъ, и постепенно распространялись на Юго-Востокъ. — Готы, удалившись отъ береговъ Балтійского моря, гдѣ снова освободились Славяне, заняли къ концу 3-го столѣтія все пространство отъ горъ Богемскихъ и Карпатскихъ по обѣимъ сторонамъ Днѣстра до Чернаго моря и вели безпрерывныя войны съ Славянами, искони здѣсь осѣдлыми.

Какъ другія Германскія племена постоянно вторгались въ Западную часть Имперіи (которая въ это время уже раздѣлилась), такъ Готы производили частые набѣги на восточную Имперію, разоряли древніе Греческіе города, но всегда возвращались за предѣлы Импера-

ріи или вступали въ службу ея, не оставаясь въ ней осѣдлыми поселенцами.

Между тѣмъ съ далекаго Сѣверо-Востока началось новое движение народовъ особенно враждебное Нѣмцамъ и обыкновенно называемое Гуннскимъ. Гунновъ считали до сихъ поръ народомъ Турецкимъ или Финскимъ. Недавно некоторые ученые начали признавать въ нихъ Славянъ. Но этотъ споръ можетъ касаться только лица Аттилы и его ближайшей дружины; войско же его безспорно состояло большей частию изъ Славянъ. Въ 374 году разразилась надъ Нѣмцами буря Гуннская, и опрокинула ихъ на Имперію. Весь Западъ и Югъ ея были наводнены Нѣмецкими дружинами. Походъ Аттилы въ половинѣ 5-го столѣтія разорвалъ окончательно границы Западной Имперіи и разрушилъ всю ея послѣдніе оплоты.

На Западъ дружины Нѣмецкія наследовали власть Римскихъ Императоровъ.

Начальники ихъ, нерѣдко бывшіе вмѣстѣ
Римскими полководцами или Патриціа-
ми, сдѣлались основателями будущихъ
королевствъ. —

Славяне между тѣмъ, послѣ того,
какъ распался союзъ Гунскій, остава-
лись въ своихъ прежнихъ жилищахъ,
или вступали въ сосѣднія страны,
опустошенныя и покинутыя Герман-
скими дружинами. Ихъ распростране-
ніе совершилось незамѣтио во время
самой борьбы Германіи съ Римомъ.
Въ лѣтописяхъ первыхъ вѣковъ послѣ
Р. Х. мы находимъ описание однѣхъ
войнъ и походовъ дружинъ Нѣмецкихъ.
Между именами ихъ нѣтъ, а мо-
жетъ быть, мы только не умѣемъ уз-
навать племенъ Славянскихъ. Но вскорѣ
дружины Нѣмецкія перемѣняютъ мѣсто
жительства, исчезаютъ, а страна вне-
запно является занятой Славянами, уже
воздѣлывающими почву и живущи-
ми въ городахъ и устроенныхъ общест-

вахъ. Такъ на прим. Готы оставались болѣе ста лѣтъ въ предѣлахъ Восточной Имперіи, и оставили въ нихъ одни слѣды опустошенія. Но еще прежде, нежели вывелъ Теодорикъ свои дружини изъ Восточной Имперіи, мы уже открываемъ въ ней поселенія Славянскія. Феофилъ (онъ умеръ въ 534 г.), наставникъ Юстиніана, въ жизнеописаніи сего Императора разсказываетъ, что онъ въ семействѣ своемъ назывался Управдою (*Ουπραοιδα*), отецъ его Истокъ, мать и сестра Бегленица (*Βεγλενιξα*), а мѣсто его рожденія Ведеряна (*Βεδεριανα*) въ верхней Македоніи. Много другихъ фактовъ и свидѣтельствъ можно бы было привести въ доказательство, что уже въ 5-мъ столѣтіи, а можетъ быть, и ранѣе, Славяне перешли Дунай и стали заселять Греко-Фракійской полуостровъ. Это заселеніе началось подъ шумомъ оружія Готоовъ и Гуновъ, но въ 6-мъ и 7-мъ столѣтіи

начинаются нападения самихъ Болгаръ, Сербовъ и собственно такъ называемыхъ Славянъ на Имперію и племена Словянскія являются уже подъ собственными своими именами. Двоедушная политика самихъ Императоровъ, въстановлявшихъ одно племя Славянское на другое, и хотѣвшихъ положить преграду мирному заселенію опустошенныхъ земель, вызывала удары Славянъ на Имперію. — Съ царствованія Юстиніана, съ 525 г. Греческіе историки подъ каждымъ годомъ упоминаютъ о нападеніяхъ Славянъ на Мизію, Фракію, Македонію.

Въ это же время мы узнаемъ яснѣе характеръ Славянскихъ народовъ, и замѣчаемъ въ нихъ двѣ особенно рѣзкія черты, вѣроятно отличавшія и тогда одни племена отъ другихъ; съ одной стороны миролюбіе, любовь къ осѣдлости, быту землепашескому и общинному, легкая воспріимчивость, и

готовность къ образованію духовному; съ другой стороны духъ болѣе воинской, мужество, доходящее часто до свирѣпости. Эты различныя черты народнаго характера представляются намъ теперь еще въ большей отдѣльности: первыя являются господствующими между Болгарами, вторыя между Сербами.

Къ концу 7-го столѣтія мирное заселеніе Славянское проникло во весь Греческій полуостровъ. Пелопонезъ получилъ тогда название Мореи или Приморья. Но не вездѣ, куда проникло это заселеніе, сохранилась народность Славянская. Между мелкими Славянскими общинами не было политического единства. Гдѣ онѣ были перемѣшаны съ населеніемъ Греческимъ, тамъ онѣ скоро подчинились высшей образованности Грековъ, которые, въ свою очередь, приняли въ себя много Славянскаго. — Не такъ было въ Сѣверныхъ областяхъ

Имперіи, въ Мизіи, єракіи, Илліріи, Далмаціи, Македоніи и Албаніи, где уже въ 7-мъ столѣтіи было сплошное Славянское населеніе, легко сохранившее свою народность и не подчинившееся чуждымъ вліяніямъ.

Кромъ Славянъ, на Имперію нападали также Авары. Константинъ Богородный разсказываетъ, что около 634 г. Императоръ Ираклій призвалъ Сербовъ и Хорватовъ, народы Славянскіе, обитавшіе дотолъ около горъ Карпатскихъ, противъ Аваровъ, свирѣстовавшихъ тогда въ Илліріи. Этого свидѣтельства мы не должны однакожъ принимать буквально, какъ указаніе на первое переселеніе Сербовъ. О Сербахъ гораздо раньше упоминается уже въ предѣлахъ Византійской Имперіи; ихъ переселеніе шло постепенно въ продолженіи одного или $1\frac{1}{2}$ вѣковъ. Свидѣтельство Константина означаетъ только, что въ это время они вмѣстѣ съ

Хорватами усилились и получили въ Имперіи значение политическое. Эти Словяне уничтожили владычество Аваровъ въ Илліріи. Въ тоже время изъ подъ ига ихъ освободились Словяне въ нынѣшней Моравіи, Чехіи (Богеміи), и Съверной Венгрии; еще ранѣе Болгаре на Дунаѣ, — и Аваровъ не стало. Тогда отъ Балтійского моря до самаго Пелопонеза открылось сплошное населеніе Славянское. Въ одной только Дакіи, т. е. нынѣшней Валахіи и Молдавіи, еще сохранялись остатки Кельтовъ и Римскихъ поселенцевъ, и то уже въ большої примѣси съ Славянами, съ Болгарами въ Валахіи и Южно-Руссами въ Молдавіи: эти остатки составляютъ до селъ такъ называемое Румунское населеніе этой страны.

Отъ Волги, Оки и Камы до Чернаго моря и Дуная простирались тогда, въ сосѣдствѣ съ Хозарами, владѣнія Болгаръ, уже съ 5-го столѣтія нападав-

шихъ на Восточную Имперію. Около 680 г. князь ихъ Кувратъ при смерти своей раздѣлилъ свои владѣнія между пятью сыновьями. Одинъ изъ нихъ, Аспарухъ, изъ страны при-Волжской перешелъ черезъ Днѣпръ и Днѣстръ и вторгнулся въ Имперію. Императоръ Константии Погонатъ, въ 678 году, пошоль на него войной за Дунай, не могъ однокожъ побѣдить и, возвращаясь назадъ, вовлекъ его за собою въ предѣлы Имперіи. Тогда онъ занялъ всю Мизію. Уже заселявшія ее въ то время семь поколѣній Славянскихъ признали надъ собою его власть и такимъ образомъ было положено основаніе государству Болгарскому въ прежнихъ Сѣверо-Восточныхъ предѣлахъ Восточной Имперіи, между моремъ Чернымъ и Балканами, Дунаемъ и его южными притоками, Тимокомъ и Моравою. На Западъ отъ него возникли въ тоже время отдельные княжества Сербскія. Они простирались на

Югъ отъ Дуная и Савы по Моравъ, Дринъ и Кульпъ до Адріатического моря, и занимали южную половину Далматинскаго берега до нынѣшной Албани или древняго Эпира. Хорваты занимали Съверную половину Далмациі, отъ рѣки Цѣтины и страны между Кульпою, Савою и Дравою, гдѣ находятся нынѣшнія королевства Хорвація и Славонія. Рѣки Цетинъ, Вербасъ и Сава отдѣляли ихъ на Югъ и Востокъ отъ Сербовъ.

Таково начало Государствъ Славянскихъ на древнемъ Греко-Фракійскомъ полуостровѣ. Съ ихъ Исторіею мы постараемся познакомить нашихъ читателей въ слѣдующихъ книжкахъ.

В. П.

СТЕПИ И ПУСТЬИ.

Любопытно и полезно изучать природу и характеръ отдаленныхъ земель. Но чтобы это изученіе было живо, чтобы образъ страны ясно и опредѣленно запечатлѣвался въ нашемъ воображеніи, для этого самый вѣрный путь сравнивать сходныя между собою страны и въ нѣсколькихъ рѣзкихъ и мѣтко схваченныхъ чертахъ представлять выводъ изъ этого сравненія. Мы не станемъ тогда смѣшивать сходныя явленія и думать, что всѣ предметы физической природы, обозначенные однимъ и тѣмъ же именемъ между собою одинако-

вы. Въ физической природѣ между самыми родственными явленіями всегда есть различіе и никакая форма не повторяется, въ томъ же видѣ и въ тѣхъ же условіяхъ. — Въ такомъ сравненіи каждая ловко подмѣченная черта сама дорисовываетъ вѣрную картину и показываетъ, чѣмъ отличается одна форма отъ другихъ съ нею близкихъ.

Въ Америкѣ, при подошвѣ высокаго, гранитнаго хребта Андесовъ, который еще въ первыя времена дѣтскаго возраста нашей планеты поставилъ неодолимую преграду напору волнъ, начинается обширная, необозримая равнина. Послѣ горныхъ долинъ Каракаса и устьяннаго островами озера Такаригуа, въ которое смотрятся высокія тропическія деревья, послѣ луговъ, убранныхъ свѣжею зеленою сахарнаго тростника и осѣнніхъ густою тѣнью кокосовыхъ лѣсовъ, разстилается къ Югу

степь, и будто подымаясь, далеко сли-
вается съ горизонтомъ.

Изъ страны, гдѣ такъ роскошно раз-
вилась вся органическая жизнь, съ
изумлениемъ видитъ путешественникъ,
что онъ пришелъ на край однообраз-
ной пустыни. По всему неизмѣримому
пространству не видать ни одного при-
горка, ни одной скалы. Только кой-гдѣ
мѣстами, иногда съ поверхностию на нѣ-
сколько квадратныхъ миль, высятся надъ
окружающею равниною и стелются пла-
сты известняка или песчаника. Отме-
лями называютъ ихъ туземцы, какъ
будто сознавая ихъ происхожденіе въ
эпоху образованія Америки, потому что
въ самомъ дѣлѣ, какъ учитъ нась Ге-
ология, эти возвышенія были отмелями
а самыя степи дномъ большаго, теперь
уже не существующаго моря.

При обманчивомъ мерцаніи ночи то,
что уже давно миновало, еще въ перво-
бытныя времена нашей планеты, снова

является очарованному взору. Когда путеводные звѣзды, то восходя, то закатываясь за небосклонъ, освѣщаютъ берегъ равнины, когда онъ отражаются въ низшемъ слоѣ волнистаго, теплого воздуха; тогда въ самомъ дѣлѣ кажется, будто видишь передъ собою безпредѣльный океанъ, и подобно океану эти степи наполняютъ душу чувствомъ безконечнаго. Но всегда отраденъ видъ моря, когда оно представляеть чистую, зеркальную поверхность или когда въ легкомъ колыханіи, пѣнятся и завиваются его волны или когда оно грозно бушуетъ. Мертвa и недвижимa, напротивъ того, лежитъ степь, какъ голая, каменистая кора опустѣвшей планеты.

Вездѣ, во всѣхъ поясахъ земнаго шара видимъ мы явленіе этихъ большихъ равнинъ и въ каждомъ поясѣ онъ имѣютъ свой особенный характеръ и физіономію, которая опредѣляется раз-

ностію ихъ почвы, ихъ климатомъ и ихъ высотою надъ поверхностю моря.

Въ съверной Европѣ за настоящую степь можно принять тѣ травенные луга, которые простираются отъ съверной оконечности Ютландіи до устья Шельды; но это степь съ холмистою поверхностію и слишкомъ незначительна по своей величинѣ, если ее сравнить съ Льяносами и Пампасами Южной Америки или даже съ огромными зелеными лугами вдоль по Миссouri и Мѣдной рѣкѣ, гдѣ расхаживаютъ косматые буйволы и роями кишатъ выхухоли.

Огромиѣ и суровиѣ являются намъ равнины въ серединѣ Африки. Только въ новѣйшее время начали дѣлать попытки для ихъ изслѣданья, а то долго лежали онѣ безъизвѣстныя, подобно необозримымъ пространствамъ большаго тихаго океана. Эти равнины составляютъ части того песчанаго моря,

которое къ Востоку прошло между плодоносными землями и отодвинуло ихъ другъ отъ друга или окружило ихъ со всѣхъ сторонъ, какъ острова, своими сухими песками. Такова напр. пустыня при базальтовыхъ горахъ Гарудшъ, гдѣ подъ тѣнью финиковыхъ деревьевъ, на оазъ Сивахъ, развалины Аммонова храма обозначаютъ то мѣсто, гдѣ нѣкогда цвѣли просвѣщеніе и искусство юнаго человѣчества. Ни роса, ни благодатный дождь не оживляютъ эту безплодную землю и зародышъ растительной жизни, не развившись, гибнетъ въ раскаленной почвѣ. Не испаренія, но знойный воздухъ столбами подымается отъ жгучаго песка и гонить прочь мимолетныя облака.

Гдѣ пустыня подходитъ къ Атлантическому океану, какъ напр. на Западномъ берегу, между долиною Вади Нуинъ и Бѣлымъ мысомъ, тамъ влажный морской вѣтеръ стремится напол-

нить пустоту, которую оставляетъ по себѣ знойный воздухъ. Когда подъѣзжаешь къ устью Гамбіи, по морю, какъ-бы по лугу, устланному зеленымъ морскимъ мохомъ, внезапно затихаетъ троицкій восточный вѣтеръ, и корабельщикъ еще не видя берега, уже предчувствуетъ, что здѣсь не далеко огромная, страшная пустыня съ палящими песками.

Стада газелей, быстроногихъ страусовъ, да ненасытныхъ барсовъ и львовъ шныряютъ по неизмѣримому пространству въ неравной, непосильной борьбѣ съ природою этихъ мѣстъ. Если изъ этого песчанаго моря мы исключимъ новооткрытыя группы плодоносныхъ острововъ оазы, гдѣ на зеленыхъ окраинахъ толпятся кочующіе Тиббо и Туарики, то вся остальная часть Африканской пустыни является намъ бесплодною страною, въ которой нельзя жить человѣку.

Африканскіе народы, болѣе образованные и прибрежные къ этому несчастному морю, только періодически осмѣливаются пускаться въ него. Тому уже тысячетѣлія, какъ торговое сношеніе провело здѣсь свои дороги и эти дороги съ тѣхъ поръ остались все тѣ же, ни въ чемъ ни мало не измѣнились. По нимъ-то ходятъ длинные поѣзды отъ Тафилета до Томбукту, или отъ Мурцика до Борну — предпріятія смѣлые, возможныя только при помощи вѣрнаго товарища — верблюда, этого корабля пустыни, какъ его называютъ древнія преданія Востока.

Африканскія равнины занимаютъ пространство почти въ три раза большее, чѣмъ собственное имъ Средиземное море. Оно лежать или подъ самыемъ поворотнымъ кругомъ или очень близко къ нему; и это положеніе условливаетъ ихъ частный характеръ, ихъ природу. Въ восточной половинѣ стараго

материика напротивъ того, это явленіе песчаныхъ степей повторяется, въ умѣренномъ поясѣ.

На горныхъ хребтахъ Средней Азіи, между Золотыми горами или Алтаемъ и Цунгъ-Лингомъ, отъ Китайской стѣны за Небесныя горы и къ Аральскому озеру, въ длину на 7000 верстъ, разстилаются самыя возвышенныя и самыя большія степи въ цѣломъ свѣтѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ—чистыя равнины, покрытія травою, нѣкоторыя разукрашены сочными, вѣчно-зелеными солцами, а есть и такія, которые издали блестятъ и ярко блѣютъ, потому что разтреснувшаяся соль, какъ плетенка, покрываетъ ихъ глинистую почву, будто осыпанную свѣже-выпавшимъ снѣгомъ.

Этъ Монгольскія и Татарскія степи, перерѣзанныя разнохарактерными горными грядами, отдѣляютъ древнее, первобытное, давно образованное человѣчество въ Тибетѣ и Индостанѣ отъ ди-

кихъ, Съверо-Азіатскихъ народовъ. Онъ имѣли разнообразное вліяніе на судьбу человѣческаго рода. Онъ оттѣснили къ Югу здѣсь бывшихъ жителей, разстрѣли и перервали сношенія народовъ, больше чѣмъ Гималайской хребетъ, больше чѣмъ снѣговыя горы Серинагура и Горки и положили на Съверъ непреодолимыя границы, за которыя не переступаетъ обуздывающая нравы образованность и художническое творчество.

Но не только преграду образованности и препятствіе къ взаимному сближенію Азіатцовъ представляютъ эти равнинны Средней Азіи. Бѣды и опустошенія не разъ высыпали онъ на всю землю. Кочующіе народы этихъ степей, Авары, Монголы, Аланы Узы и др. потрясали міръ. Если въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій умственная дѣятельность, подобно живительному солнечному свѣту, лимась отъ Востока

на Западъ: то позднѣе, въ средніе вѣка, потемнѣль Азійской Востокъ и невѣжество, какъ густой туманъ, стало находить оттуда на Европу. Кочующее племя смуглыхъ Гіогну (Тукіускаго т. е. Турецкаго происхожденія) въ кожаныхъ палаткахъ жило по нагорной степи Гоби. Китайская сила, грозная и страшная въ то время, оттеснила часть этого племени на Югъ, внутрь Азіи. Этотъ толчекъ быстро отдался до древней земли Финновъ при Уралѣ и древнихъ жилищъ Славянъ на Днѣпрѣ и Дунаѣ. Оттуда вышли Гунны, Авары, Козары и разнообразная смѣсь разныхъ Азіатскихъ народовъ. Безчисленныя толпы Гунновъ и Славянъ явились сперва на Черномъ морѣ, потомъ въ Панноніи, а тамъ на берегахъ По, опустошая тѣ прекрасныя и плодородныя поля, гдѣ со временемъ Антенона Европейское человѣчество копило свои сокровища и воздвигло памятникъ возлѣ памятника. Изъ

Монгольскихъ пустынь повѣяль удушающій вътеръ и убилъ на Цизальпинской почвѣ всѣ цвѣты искусства, перенесенные изъ Греціи и взлеленія долгимъ, упрямымъ трудомъ Римлянина.

Отъ соляныхъ степей Азіи, отъ травистыхъ луговъ Европы, разукрашенныхъ каждое лѣто медовыми, красивыми цвѣтами и наконецъ отъ безлѣсныхъ пустынь Африки, перейдемъ теперь опять къ равнинамъ Южной Америки и постараемся докончить то описаніе, которое мы уже начали.

Вся эта страна Южной Америки любопытна и дорога только для естествоиспытателя. Нѣтъ ни одного оаза, который напомнилъ бы здѣсь о прежнихъ жителяхъ. Ничто не говоритъ о существованіи и трудѣ изчезнувшихъ поколѣній,—ни тесаные камни, ни одичалыя плодоносныя деревья. Эта страна, какъ будто никогда не принимала никакого

участія въ жизни и переворотахъ человѣческаго рода, и широко раскинувшись, лежитъ она только, какъ прильное мѣсто для не стѣсненной ничѣмъ животной и растительной жизни.

Отъ прибрежной цѣпи Каракаса до лѣсовъ Гвіаны и отъ снѣговыхъ горъ Мериды, на скатѣ которыхъ нагорное озеро Урао обоготворяемо суевѣрными туземцами, развертывается эта степь до большой Дельты, которую образуетъ Ориноко при своемъ устьѣ. Къ Юго-Западу, подобно морскому заливу, тянется она по ту сторону рѣкъ Меты и Вичады до неизслѣдованныхъ еще истоковъ Гвавіара и до того одинокаго горнаго кряжа, который живая фантазія Испанскихъ завоевателей назвала Парамо де ла Сума Пацъ, мѣстомъ вѣчнаго міра.

Эта степь занимаетъ пространство въ 16,000 квадратныхъ миль. По незнанию Географіи, прежде думали и не

разъ утверждали, будто она, удерживая вездѣ одинаковую ширину, непрерывно идетъ до самаго Магелланова пролива. Но при этомъ забывали о лѣсистой равнинѣ Амазонской рѣки, которая къ Сѣверу и къ Югу опоясывается травистыми степями Апуре и рѣки Ла-Платы, забывали, что Андесская цѣнь Кохабамбы и Бразильскія горныя группы высылаютъ другъ другу на встрѣчу отдѣльные горные кряжи между провинцію Хиквитосъ и перешейкомъ Виллабеллы. Наконецъ не хотѣли припомнить и того, что только узкая равнина соединяетъ лѣса Амазонской рѣки съ Пампасами Буеносъ-Айреса, которые величиною втрое превосходятъ Льяносы Венесуэлы. Да, они такъ удивительно велики, что у нихъ на Сѣверѣ ростутъ пальмовые лѣса, а южная ихъ граница покрыта почти вѣчнымъ льдомъ. Американскій страусъ (Тую) водится по этимъ Пампасамъ, да огромныя стада

одичалыхъ собакъ, которыхъ многочисленными стаями живутъ вмѣстѣ по подземнымъ пещерамъ и часто нападаютъ даже на бѣлыхъ людей, которыхъ предки когда-то привезли ихъ въ Америку.

Также какъ и Сагара, эти Лъаносы или самыя сѣверныя равнины Южной Америки лежать въ жаркомъ поясѣ. Но не смотря однако на свое положеніе они далеко не такъ знойны, какъ Сагара. Дважды въ году они совершенно измѣняютъ свой видъ, то являются страшною пустынею, какъ Ли-війское песчаное море, то травистыми лугами, какъ возвышенныя степи Средней Азіи.

Много причинъ, отчасти еще мало изслѣдованныхъ, уменьшаютъ жаръ и засуху въ новой части свѣта. Въ тропической странѣ разнообразно изрѣзанный материкъ довольно узокъ; притомъ онъ далеко идетъ къ полюсамъ, въ царство вѣчнаго льда и холода. Со всѣхъ сторонъ,

по свободному океану дуютъ здѣсь вѣтры. Восточные берега материка плоски, а потому открыты для прохладжающаго вліянія моря, а по западнымъ берегамъ холодныя морскія теченія путь съ Юга на Сѣверъ, отъ Огненной земли до Перу. Богатыя источниками, многочисленныя горныя цѣпи, коихъ снѣговыя вершины подымаются далеко за самыя высокія облака вліяютъ также на атмосферу и освѣжаютъ ее. Изобилыя водою, огромныя рѣки, множествомъ изгибовъ, и притоковъ разносятъ прохладу по всей странѣ. Наконецъ здѣшнія степи не раскаляются такъ сильно отъ тропичечаго солнца, потому что въ нихъ нѣтъ африканскаго песка. Непроницаемые, первобытные лѣса покрываютъ равнинны подъ экваторомъ и даютъ имъ прохладную тѣнь, а въ серединѣ Америки, гдѣ нѣтъ горъ и оксанъ далеко, тамъ они служатъ водохранилищами и высылаютъ въ степи изъ подъ своего

густаго, зелънаго навѣса сбереженныея ими воды.

Всѣ эти явленія и многія другія, условливаютъ умѣренность климата въ плоской части Америки, который сыростию и прохладою такъ рѣзко отличается отъ климата африканскаго. Въ этихъ явленіяхъ лежитъ основная причина той роскошной, сочной растительности, той свѣжести и благоуханія, которые составляютъ особенный характеръ новаго материка.

Поэтому, если американская сторона нашей планеты имѣть воздухъ гораздо влажнѣе и сырѣе, чѣмъ противоположная ей, то одно подробное изслѣдованіе этихъ явленій уже достаточно, чтобы объяснить причину такой разности. И нѣть никакой надобности для естествоиспытателя прибѣгать къ объясненіямъ, которыя могла бы доставить геологія;—какъ напр. что Америка была сначала болотистый островъ, обитаемый

одними крокодилами и змѣями, и выступила позднѣе изъ глубокохъ нѣдръ воды, чѣмъ прочія части свѣта, и т. п.

Конечно, и это видно съ перваго взгляда, Южная Америка по своему очертанію, и направленію своихъ береговъ имѣть поразительное сходство съ юго-западнымъ полуостровомъ стараго материка. Но ея почва, построеніе ея горъ, размѣщеніе ея долинъ и относительное положеніе ихъ,—все это существенно отличаетъ ее отъ Африки. Въ Африкѣ все расположеніе ея материка только усиливаетъ палящій зной, который препятствуетъ развитію органической жизни.—Вспомнимъ при этомъ, что четыре пятыхъ части Южной Америки находятся по ту сторону Экватора, въ неизмѣримомъ царствѣ водъ великаго океана, въ полушаріи, которое поэтому необходимо прѣхладнѣе и сырѣе, чѣмъ наше сѣверное полушаріе, гдѣ лежитъ большая часть Африки.

Лъаносы, позмѣряя ихъ отъ Востока къ Западу, почти втрое меныше, чѣмъ Сагара. Южноамериканскія степи подвержены дѣйствію тропическихъ, морскихъ вѣтровъ,—а по африканскимъ пустынямъ, которыя лежатъ подъ одинаковою шириной съ Аравіею и южною Персіею, проносятся слои воздуха, уже раскаленные пролетомъ черезъ эти жаркія земли. Еще въ древнія времена, такъ долго не оцѣненный отецъ исторіи и Географіи, Геродотъ, въ своемъ глубокомъ и вѣрномъ воззрѣніи на природу, понялъ въ его настоящемъ значеніи и свѣтѣ многое, что только недавно выучились понимать ученые; и представилъ намъ, между прочимъ, какъ части одного песчанаго моря, всѣ пустыни въ Сѣверной Африкѣ, въ Іеменѣ, Керманѣ и Мекранѣ (въ Гедрозіи у Грековъ) и даже до Мултана въ Индіи.

Дѣйствіе знойныхъ, сухопутныхъ вѣтровъ усиливается въ Африкѣ еще и

тѣмъ, что въ ней пѣтъ большихъ рѣкъ, нѣтъ лѣсовъ дышащихъ прохладою, нѣтъ и высокихъ горъ. Вѣчнымъ снѣгомъ покрыта только западная часть Атласа, гдѣ узкій, снѣговой горный кряжъ являлся съ моря древнимъ мореплавателямъ, какъ высокій облачный столбъ, подпирающій небо. На Востокъ горы идутъ до самаго Дакула, гдѣ теперь однѣ развалины и кучи мусора указываютъ на то мѣсто, гдѣ никогда стоялъ Карфагенъ, царь морей и соперникъ Рима. Длинною прибрежною цѣпью, какъ бы стѣною, протянулись эти горы и останавливаютъ прохладный сѣверный вѣтеръ и вмѣстѣ съ нимъ пары подымающіеся изъ средиземнаго моря.

Высоко, за снѣговую линію, заходятъ вѣроятно и Лунныя горы, Аль-Комри, про которыхъ разсказываютъ, будто они образуютъ горную цѣпь параллельную съ Атласомъ и идутъ черезъ весь материкъ, отъ высокой равнины Габеша

(Абиссинии) до истоковъ Сенегала. Кромъ Лунныхъ горъ, горы Лупата, которыя протягиваются вдоль по восточному берегу Мозамбика и Мономотапы, подобно цѣни Андесовъ на западномъ перуанскомъ берегѣ, также покрыты вѣчнымъ снѣгомъ въ Маникѣ, странѣ обильной золотомъ. Но всѣ эти горы, богатыя источниками, лежать слишкомъ далеко отъ той огромной пустыни, которая раскинулась отъ южнаго ската Атласа до Нигера, текущаго на Востокъ.

Легко можетъ быть, что всѣ эти причины засухи и жара, которыя мы сей часъ вычислили, были бы слабы и недостаточны, чтобы превратить африканскія равнинны въ страшное, песчаное море, если бы какой нибудь переворотъ въ природѣ, напр. вторженіе океана въ материкъ, не унесъ у этой плоской страны ея растительный слой земли, ея питательный черноземъ. Но когда былъ этотъ переворотъ, когда слу-

чилось это вторжение водъ,—все это глубоко скрыто во мракѣ вѣковъ первобытныхъ. Очень можетъ быть, что онъ былъ слѣдствіемъ того сильнаго движенія въ океанѣ, которое гонитъ теплыя Мексиканскія воды черезъ Ньюфаундлендскую отмель къ старому материку и съ которымъ Вестъ-Индскіе кокосовые орѣхи заносятся въ Ирландію и Норвегію. По крайней мѣрѣ, рукавъ этого морскаго теченія еще и теперь, въ направленіи къ юго-востоку отъ Азорскихъ островъ, бѣдою грозить мореплавателямъ, и ударяется о западный берегъ Африки, покрытый высокими песчаными буграми. Всѣ морскіе берега такого рода, какъ на пр. Перуанскіе между Амотапе и Коквимбо, свидѣтельствуютъ собою, что въ знойныхъ песчаныхъ странахъ, гдѣ не бываетъ дождя, гдѣ нѣтъ ни травы, ни кустарника, тамъ необходимы столѣтія, можетъ быть, даже тысячелѣтія для того, чтобы какое

нибудь растеніе могло пустить корень, или могла наконецъ образоваться иѣкоторая растительность.

Этихъ указаній, кажется, намъ достаточно, чтобы объяснить, почему Африка и Южная Америка, не смотря на чрезвычайное сходство въ своихъ очертаніяхъ, представляютъ однако самыя разнородныя климатическія явленія и совершенно иной характеръ растительности. Но Южно-американская степь, хотя она и покрыта тонкимъ слоемъ плодородной земли и освѣжается периодически проливными дождями и разукрашивается высокими, роскошными травами, но все таки она никогда не могла привлечь къ себѣ ни одно изъ туземныхъ племенъ. И могли ли они промѣнять свои прекрасныя горныя долины Каракаса, свой морской берегъ и цѣлый роскошный міръ, разстилающейся вдоль по Ориноко, на этъ безлѣсныя и безводныя пустыни! Поэтому когда при-

были сюда Европейцы съ своими Африканскими невольниками, степь была почти совершенно необитаема.

Конечно Лъяносы пригодны для скотоводства; но первобытные жители новаго материка не знали ни уходу за скотомъ, ни вообще пастушеской жизни и всего, что она доставляетъ. Ни одно Америкацкое племя не умѣло употребить себѣ на пользу тѣ выгоды, которыя представляла ему мѣстная природа. По травистымъ лугамъ Западной Канады, въ Квивирѣ и вокругъ колоссальныхъ развалинъ города Азтековъ, заброшенныхъ и забытыхъ въ глухи прибрежій Жила, по волѣ пасутся многоя животныя, которыя легко могли бы быть обращены въ домашнюю полезную скотину. Длиннорогій дикій баранъ, (Муфлонъ) родоначальникъ овцы, многочисленными стадами бродить по бесплоднымъ и голымъ известковымъ скаламъ Калифорніи, а на южномъ полу-

островъ живутъ Вигонь, Накось и Лама. Но всѣ эти полезныя животныя, кромъ Ламы, уже тысячелѣтія, какъ гуляютъ на полной свободѣ, также дикия и мало ручныя, какъ и въ первобытныя времена человѣчества.—Молоко и сыръ, употребляемыя въ пищу, и поля съ хлѣбными растеніями—отличительная черта народовъ стараго материка.

Совершенное отсутствіе земледѣлія и скотоводства на новомъ материкѣ можетъ быть объяснено развѣ тѣмъ, что первыми жителями его были пришельцы изъ Сѣверныхъ и Среднихъ степей Азіи, которые сами не знали землепашства и стадъ своихъ, разумѣется, не могли перевезти съ собою черезъ море; туземныхъ же животныхъ не умѣли поработить въ домашнихъ и образовать новыя послушныя стада. Къ тому же богатая природа и растительность новаго свѣта представила человѣку столько новыхъ средствъ къ существованію,

что обратила всѣ его силы въ другія стороны и сдѣлала вовсе излишними для него тѣ условія жизни, безъ которыхъ не могутъ обойтися народы стараго свѣта.

Во всякомъ случаѣ никакому сомнѣнію не подлежитъ фактъ, что древніе жители Америки не знали скотоводства и пастушеской жизни, которая составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій въ развитіи младенческихъ народовъ. Она привязываетъ кочующихъ звѣролововъ къ плодородной, травистой землѣ и приготовляетъ ихъ къ земледѣлію. Итакъ, если пастушеская жизнь и земледѣліе были неизвѣстны древнимъ Американцамъ, то въ этомъ и заключается главная причина отъ чего Льаносы доселѣ остались безлюдными степями. Но чѣмъ рѣже попадался человѣкъ на огромныхъ пространствахъ Льаносовъ и Пампасовъ, тѣмъ свободнѣе развивались въ нихъ дѣятельныя силы

природы, тѣмъ многочисленнѣе были мирныя животныя и хищные звѣри. Ничто не мѣшало ихъ свободному размноженію, также какъ и всему роскошному развитію растительной жизни по лѣсамъ Ориноко, гдѣ исполинскія тропическія деревья если и гибнутъ, то не отъ грозной руки человѣка, но отъ руки времени или отъ слабой сѣтки ползучихъ растеній, которою они оплѣтаютъ этихъ великановъ растительнаго міра. — Агути, маленькие, пестрые олени, броненосцы, страхъ зайцовъ, красивые, по вонючіе Виверы, большие, безгривые львы, да полосатые Ягуары (у насъ называемые Тиграми), которые таскаютъ молодыхъ быковъ, да барановъ, — таковы звѣри, которые среди множества другихъ, нами не изчисленныхъ, рыщутъ по безлѣсной равнинѣ.

Дикія да одичалыя животныя вотъ всѣ жители южноамериканской степи; никогда бы и не привлекла она къ себѣ

ни одного изъ кочующихъ Индейскихъ племенъ, (предпочтительно питающихъся растительною пищею) если бы мѣстами не росла въ ней пальма Мауриція (*Mauritia flexuosa*). По всѣмъ странамъ Америки распространена слава объ этомъ благодатномъ деревѣ жизни. Такъ напр. оно одно составляетъ всю пищу, одежду и жилище цѣлаго племени Гарауновъ, живущаго у истоковъ Ориноко.

Гарауны плетутъ себѣ койки изъ прутьевъ Мауриціи, высоко отъ земли натягиваются ихъ между нѣсколькими деревьями и въ дождливую пору года, когда Дельта залита водою, живутъ по деревьямъ, на подобіе обезьянъ.

Эти висячія хижины особеннаго рода густо покрываются глиною. На влажной обмазкѣ, для стряпни и домашнихъ надобностей разводится огонь. Если ночью плыть по рѣкѣ мимо этихъ воздушныхъ деревень, то рядами блещутъ

огоныки въ воздухѣ, высоко надъ землею рыхлой, болотистой почвѣ. Да, своему надземному житью на деревьяхъ обязаны Гарауны сохраненiemъ до нашего времени своей независимости и своего неискаженного быта.

Но Мауриція не только доставляетъ имъ безопасное жилище, — иѣтъ, она даетъ имъ и разнообразную пищу. Прежде чѣмъ изъ нѣжнаго цвѣтка образуется почка, зародышъ будущаго плода, мякоть или сердцевина дерева, въ эту пору, содержитъ въ себѣ муку, похожую на саго, изъ которой туземцы пекутъ себѣ тоненькия лепешки, высушиваютъ ихъ и потомъ употребляютъ вмѣсто хлѣба. Перебродившій сокъ дерева — сладкое, опьяняющее пальмовое вино Гарауновъ. Мелко чешуйчатые плоды, похожіе на красноватыя еловыя шишки, даютъ разнообразную пищу, когда созрѣютъ; ихъ мелютъ или толкуютъ въ муку. Такимъ образомъ, так-

же какъ иное насѣкомое всѣми условіями своей жизни приковано къ какому нибудь цвѣтку, такъ и человѣкъ на низкой ступени общественности иногда связанъ всѣмъ своимъ существованіемъ съ однимъ деревомъ.

Послѣ открытия новаго материка Европейцами равнина сдѣлалась мало по малу доступною для человѣка и опять началъ мало по малу населять ее. Между берегомъ и Гвіаною, тамъ и сямъ по степнымъ рѣкамъ явились города. Везде по неизмѣримому пространству степей завелось скотоводство. Не далеко другъ отъ друга, на нѣсколько часовъ ъзды стоять хижины, сплетенные изъ тростника и ремней и покрытыя шкурами. Безчисленные стада одичалыхъ быковъ, лошаковъ и лошадей бродятъ по степи. Сильное размноженіе этихъ животныхъ старого свѣта тѣмъ удивительнѣе, что въ этихъ стра-

нахъ множество опасностей, съ которыми они должны бороться.

Когда подъ отвѣснымъ лучемъ вѣчно-яснаго солнца, не помрачаемаго ни тучами, ни туманами, сгараеть наконецъ трава и превращается въ пыль, тогда изсохшая и отвердѣлая земля разсѣдаетъ большими трещинами, какъ будто отъ сильныхъ ударовъ землетрясения. Если въ эту пору подымутся противуложныя теченія воздуха, борьба ихъ затихаетъ не иначе, какъ въ круговоротномъ движениі столповъ воздуха и вся равнина представляеть странное зрѣлище. Воронкообразными облаками, узкою оконечностію скользящими по землѣ, высоко подымается песокъ и бьетъ въ самой срединѣ кружящихся вихрей,—словно водяные морскіе столбы, на которые не безъ страха смотрѣть и самый опытный мореходецъ. Сводъ неба тяжело висить надъ землею и точно ниже обыкновенаго,—вся

пустыня степи является въ туманиомъ, блѣдно-желтоватомъ полусвѣтѣ. Небосклонъ съуживается и все подступаетъ ближе, такъ что невольно замираетъ сердце у странника, застигнутаго этимъ явленіемъ. Знойная, пыльная земля носится въ туманной, густой атмосфѣрѣ и усиливается удушающей жаръ воздуха. Вмѣсто прохлады восточный вѣтеръ приносить новый зной, потому что онъ идетъ издалека по раскаленной почвѣ.

Мало по малу пересыхаютъ и послѣднія болота, которыхъ поблекшія пальмы уже не въ силахъ защищить отъ сильнаго сухаго жара. Какъ въ вѣчныхъ снѣгахъ съвера животныя коче-пѣютъ отъ холода, такъ точно здѣсь отъ зноя; глубоко въ отвердѣвшей глини, неподвижно дремлютъ крокодилъ иboa. Засуха распространяется по степи предвѣстницей всеобщей смерти и степь сама, отъ особеннаго преломленія лучей

свѣта, часто является огромнымъ, тихо волнующимся моремъ. Этотъ обманчивый призракъ близкой воды еще сильнѣе томитъ жаждою всѣхъ жителей знойныхъ равнинъ. Въ густыхъ облакахъ пыли, обезсиленные голодомъ, измученные жаждою, уныло бродятъ стада лошадей и рогатаго скота и жалобно разносятся по вѣтру то глухое мычаніе быковъ, то конское ржаніе. Дикія лошади Льаносовъ, длинно вытянувъ шею стоять противъ теченія воздуха, чтобы по влажности его угадать нѣть ли близко гдѣ воды, не совсѣмъ пересохшой лужи или болота.

Смысленіе и хитрѣе въ этомъ случаѣ лошаки. Они нашли средство утолять свою жажду. Въ стеци ростетъ шарообразная Кактусъ-дыня (*cactus melocactus*). Подъ ея иглистой кожей заключается водянистая мякоть. Передними ногами сбиваетъ лошакъ кору и острыя иглы, и тогда осторожно при-

кладываетъ къ очищенному Кактусу морду и пьеть прохладный сокъ. Но не всегда даромъ проходитъ и дешево достается лошаку питье изъ этого живаго, растительнаго источника: часто встречаются въ степи больные лошаки, коныта которыхъ изувѣчены иглами этого растенія.

Послѣ палящаго дневнаго зноя наступаетъ прохлада тихой, длинной ночи. Но и ночью бѣдныя животныя не знаютъ покоя и отдыха. Огромныя летучія мыши, или вампиры садятся на быковъ и на лошадей и сосутъ изъ нихъ кровь, или, крѣпко вѣнившись имъ въ спину, оставляютъ на ней гнойныя раны, къ которымъ льнутъ слѣпни, комары и цѣльые рои насѣкомыхъ съ острымъ жаломъ. Такъ мучатся и томятся здѣшнія животныя, когда жаркие лучи солнца высушатъ въ степяхъ послѣднюю воду.

Наконецъ послѣ продолжительной за-

сухи наступаетъ время благотворнаго дождя—и вдругъ вся степь измѣняется, все обновляется и начинаетъ снова жить. Темно-синее небо,—до тѣхъ поръ всегда безоблачное и ясное,—становится замѣтно свѣтлѣе. Черныя пятна въ созвѣздіи Южнаго Креста уже едва видны; тихій, словно фосфорической блескъ Магеллановыхъ облаковъ меркнетъ; даже созвѣздія Орла и Змѣеносца блестятъ слабымъ, дрожащимъ свѣтомъ. Будто далекія горы, появляются облака на Югѣ. Подобно туману высоко поднимаются пары. Отдаленный громъ возвѣщаетъ радостную вѣсть, что скоро пойдетъ живительный дождь.

Едва только поверхность земли напьется животворной влаги, какъ вся степь заблагоухаетъ, пальмы зазеленѣютъ и земля покрывается разными, душистыми травами. Вѣтеръ и дождь вызываютъ все къ жизни. Безчисленные, красивые цвѣтки пробуждаются

отъ долгой дремоты и вмѣстѣ съ утреннимъ пѣніемъ птицъ, съ шопотомъ свѣжихъ, зеленыхъ листьевъ и съ распускающимися почками водяныхъ растеній привѣтствуютъ восходящее солнце. Животныя весело гуляютъ по мягкой муравѣ, радостно наслаждаясь жизнію. Въ высокой травѣ пестрый Ягуаръ снова подстерегаетъ неосторожнаго звѣря и также, какъ азіатскій тигръ, вѣрнымъ прыжкомъ хватаетъ свою добычу.

По берегамъ болотъ (такъ разсказываютъ туземцы) порою приходится видѣть странное явленіе. Мокрая глина болышио глыбою вдругъ начинаетъ медленно подыматься. Подъ землею слышенъ страшный шумъ и трескъ. Глыба все ростеть и ростеть и, сильно вздувшись, наконецъ прорывается и высоко во всѣ стороны мечеть землю, словно небольшой вулканъ, когда онъ извергаетъ изъ себя иль и тину. Кому случится быть

близкимъ очевидцемъ этого явленія и кто знаетъ, что это такое, тотъ со страхомъ скорѣе бѣжитъ прочь, потому что изъ подъ треснувшей глины обыкновенно выползаетъ огромная змѣя или выходитъ чешуйчатый крокодилъ, пробужденный дождемъ отъ продолжительнаго, мертваго сна.

Между тѣмъ проливные дожди, не переставая, ливмя льются на влажную землю—и вотъ мало по малу наполняются воды, а наконецъ разливаются Араука, Апуре и Пайара, рѣки при южной границѣ равнины. Значительная часть всей стени превращается въ большое, средиземное море. Всѣ животныя, которыя первую половину года томились жаждою на безводной, пыльной землѣ, принуждены теперь жить, какъ земноводныя. На поверхности этого моря подобно островамъ, подымаются высокія отмели;—на нихъ кобылы съ своими жеребятами ищутъ себѣ

спасенія. Съ каждымъ днемъ все меньше и меньше остается сухой, незалитой земли. Разливъ сгоняетъ одичалый скотъ въ огромныя стада и бѣдныя животныя, не находя корму, плаваютъ иногда по цѣлымъ часамъ, чтобы кой-гдѣ надъ темною, вонючею водою отыскать хоть нѣсколько осоки или какой нибудь травы. Много тутъ тонетъ жеребятъ, много пожираютъ ихъ крокодилы. Не рѣдко попадаются лошади и быки, которымъ удалось ускользнуть отъ пасти этихъ кровожадныхъ ящерицъ и которые носятъ на тѣлѣ слѣды ихъ острыхъ зубовъ.

Вся эта картина невольно напоминаетъ мыслящему наблюдателю, какъ заботлива природа, какъ предусмотрительно даетъ она многимъ полезнымъ растеніямъ и животнымъ возможность существованія среди самыхъ, даже не выгодныхъ условій. Вмѣстѣ съ питательными, хлѣбными растеніями по

всему земному шару прошли въ слѣдъ за человѣкомъ и быкъ и лошадь, — отъ Гангеса до Ла-Платы, большой рѣки, и отъ низкаго Африканскаго берега до горной равнины Антисаны, которая лежить выше, чѣмъ даже конусообразная гора Тенерифи. Здѣсь сѣверная береза, тамъ южная пальма, защищаютъ утомленнаго быка отъ лучей полуденнаго солнца, и тѣ самыя животныя, которыя въ восточной Европѣ борются съ медвѣдями и волками, подъ другимъ небомъ, въ другомъ климатѣ, становятся добычею тигра и крокодила.

Но не только крокодиль да Ягуаръ губятъ южно-американскихъ лошадей, нѣтъ, у нихъ есть опасный врагъ и между рыбами. Болотистыя воды Беры и Растро наполнены безчисленнымъ множествомъ электрическихъ угрей, которые замѣтны по своей слизистой кожѣ, испестренной желтыми пятнами. Изъ каждой части своего тѣла они по

произволу могутъ высыпать электрическую силу. Эти Гимноты имѣютъ отъ 5 до 6 футовъ въ длину. Они довольно сильны, чтобы убить самое большое и крѣпкое животное, когда ловко и мѣтко разряжать въ него свои первые органы. По степной дорогѣ отъ Уритку есть рѣчка, черезъ которую надобно переправляться въ бродъ, и гдѣ ихъ развелось столько, что ежегодно при переправѣ отъ ихъ ударовъ тонетъ множество лошадей. Всѣ рыбы удаляются отъ опаснаго сосѣдства этихъ страшныхъ угрей. Даже рыболовъ, сидя на высокомъ берегу, боится ихъ, потому что мокрая леса удочки издали проводить ему нежданный ударъ. Такъ даже изъ глубокихъ нѣдръ воды обнаруживается и дѣйствуетъ электрическій огонь.

Любопытно и занимательно видѣть ловлю этихъ Гимнотовъ. Въ то болото, гдѣ они водятся, Индійцы загоняютъ

цѣлое стадо лошаковъ и лошадей, а са-
ми тѣсною цѣпью становятся по бере-
гу. Непривычный, сильный шумъ вы-
зываетъ этихъ страшныхъ рыбъ къ за-
щищать и нападенію. Какъ змѣи, плава-
ютъ и вьются они по поверхности во-
ды и ловко стараются подвернуться
своимъ врагамъ подъ брюхо. Многія
лошади не выдерживаютъ невидимыхъ
сильныхъ ударовъ и околѣваютъ. Дру-
гія же храпятъ, дыбомъ подымаются у
нихъ грива, глаза сверкаютъ и нали-
ваются кровью и они съ дикимъ стра-
хомъ бѣгутъ воинъ изъ воды. Но Индій-
цы, вооруженные длинными бамбуковы-
ми палками, гонять ихъ назадъ въ сре-
дину болота. Мало по малу ослабѣва-
етъ ярость раздраженныхъ Гимнотовъ
и неровная борьба затихаетъ. Какъ
разряженныя облака, разносятся во всѣ
стороны изтомленные угри. Имъ надо-
бенъ продолжительный отдыхъ и много
пищи, чтобы собрать въ себя снова рас-

траченную ими галваническую силу. Все слабъе и слабъе дѣйствуютъ ихъ удары. Испуганные шумомъ и топотомъ лошадей, они боязливо плывутъ къ берегу, гдѣ ихъ ждутъ Индійцы, бьютъ ихъ острогою и потомъ сухою, деревяникою палкою вытаскиваютъ изъ воды.

Такъ ведется эта удивительная битва между лошадьми и рыбами. — Тоже, что служитъ невидимымъ, живымъ оружиемъ для этихъ угрей, что движется во всѣхъ органахъ животныхъ и растеній, и вмѣстѣ гремитъ и сверкаетъ на отдаленномъ сводѣ неба, — что соединяетъ желѣзо съ желѣзомъ и направляетъ тихій ходъ путеводной стрѣлки, все это вытекаетъ изъ одного источника, изъ одной міровой силы, повсюду разлитой въ природѣ и вѣчно дѣйствующей силы электричества и связанныхъ съ нимъ магнетизма и галванизма.

Здѣсь слѣдовало бы намъ окончить нашъ разсказъ и изображеніе природы описанныхъ нами степей. Но какъ отдаленные берега на океанѣ невольно влекутъ къ себѣ вниманіе мореходца; такъ точно любопытенъ для насъ хотя бѣглый очеркъ тѣхъ странъ, которыя лежатъ по границамъ степи. Бросимъ же на нихъ бѣглый взглядъ, прежде чѣмъ совсѣмъ разстанемся съ ними.

Съверная пустыня Африки разлучаетъ два народа. Они оба дѣти этой части свѣта, но ихъ вражда непримирима,—она ведется съ незапамятныхъ временъ. На Съверъ отъ Атласа живетъ народъ смуглого цвѣта, съ прямыми, длинными волосами, по облику—кавказскаго племени. На Югъ отъ Сенегала, туда къ Судану на разныхъ ступеняхъ общественности, мы встрѣчаемъ Негрскія курчавыя племена. Въ средней Азіи монгольская степь отдѣляеть дн-

kie сибирскіе народы отъ образованыхъ жителей Гиндостанскаго полуострова.

Точно такъ и южно-американскія равнины широкою полосою проходятъ между лѣсистыми странами, жилищемъ американскихъ дикарей, и землями, гдѣ начала уже распространяться Европейская образованность. На Сѣверѣ между горною цѣнью Венесуэлы и Антильскимъ моремъ, въ тѣсномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ лежать красивыя, опрятныя деревни, заботливо воздѣланныя поля и промышленные города, въ которыхъ давно уже пробудились всѣ потребности Европейской общественности.

На Югѣ степь опоясана густыми, не-проходимыми, первобытными лѣсами, которые вотъ уже цѣлыхъ тысячелѣтія какъ стоять не тронуты ни всесокрушающимъ временемъ, ни рукою человѣка. Вся полоса между Ориноко и

Амазонскою рѣкою, сырой и болотистая, поросла этими лѣсами. Огромныя, гранитныя скалы свинцового цвѣта сжимаютъ и тѣснятъ русло рѣкъ и едва даютъ имъ пробиваться между узкими каменными берегами. По горамъ и по лѣсу эхо отдаетъ громъ большихъ и малыхъ водопадовъ. Далеко раздается ревъ Ягуара и глухой вой бородатыхъ обезьянъ, предвозвѣстникъ близкаго дождя.

На песчаныхъ отмеляхъ мелкихъ рѣкъ, растянувшись, лежать живые крокодилы, разинувъ пасть, неподвижные, точно окаменѣлые, часто всѣ усаженныя птицами. Обвертѣвшись хвостомъ вокругъ дерева и свернувшись въ кольцы, подстерегаетъ у берега свою добычу, словно тигръ, пестрая змѣя Боа. Вдругъ, съ быстротою молніи развиваетъ она свои кольцы и хватаетъ то молодаго теленка, то какую нибудь дичь и по томъ черезъ раздувшуюся шею мед-

ленно, съ усилиемъ втягиваетъ въ себя свою жертву.

Среди этой величественной и дикой природы живутъ разныя племена американскихъ туземцевъ. Нѣкоторыя изъ нихъ ведутъ кочевую жизнь, не знаютъ земледѣлія,ѣдятъ муравьевъ, смолу и землю—таковы Отомаки и Яруры. Другія же осѣдлыя, разводятъ плоды годные для пищи, давно уже учредили у себя свой общественный порядокъ и отличаются кроткимъ нравомъ;—таковы напр. Маквиритары и Макосы. Каждое племя говоритъ своимъ особымъ языкомъ. Все огромное пространство между Кассиквіаромъ и Атабапио обитаемо одними Тапирами да обезьянами. Человѣка тамъ теперь нѣтъ. Только однѣ изображенія, вырѣзанныя на скалахъ, свидѣтельствуютъ, что нѣкогда и въ этой пустынѣ была другая жизнь, что и здѣсь цвѣла своя обозванность. Эти начертанія, вмѣстѣ съ

остатками первобытныхъ языковъ, составляютъ единственные памятники для исторіи Американскаго первобытнаго человѣчества, вырѣзаннаго Испанцами или изведеннаго Англичанами.

Но если въ степи тигръ и крокодиль ведутъ вѣчную войну съ лошадьми и быками, то на лѣсистыхъ берегахъ степи, въ пустыняхъ Гвіаны, мы находимъ человѣка вѣчно вооруженнаго на погибель человѣка. Съ непонятнымъ остервененіемъ, съ звѣрскою радостью цѣлыхъ племена пьютъ теплую кровь своихъ побѣжденныхъ и зарѣзанныхъ враговъ. Слабая толпа дикарей, проходя по песчаному берегу, заботливо заглаживаетъ руками свои робкіе слѣды, чтобы нельзя было узнать по нимъ, кто они и много ли ихъ было.

Такъ и на низкой ступени грубой, животной жизни и въ ложномъ блескѣ своей высокой образованности, вездѣ и

всегда приготавляетъ себѣ человѣкъ трудную, горькую жизнь. Какія бы столѣтія ни изучалъ историкъ, куда бы странникъ ни направилъ свой путь, по всему великому земному шару, вездѣ передъ его глазами открывается все также однообразная, безутѣшная картина разъединеннаго и враждующаго человѣческаго рода.

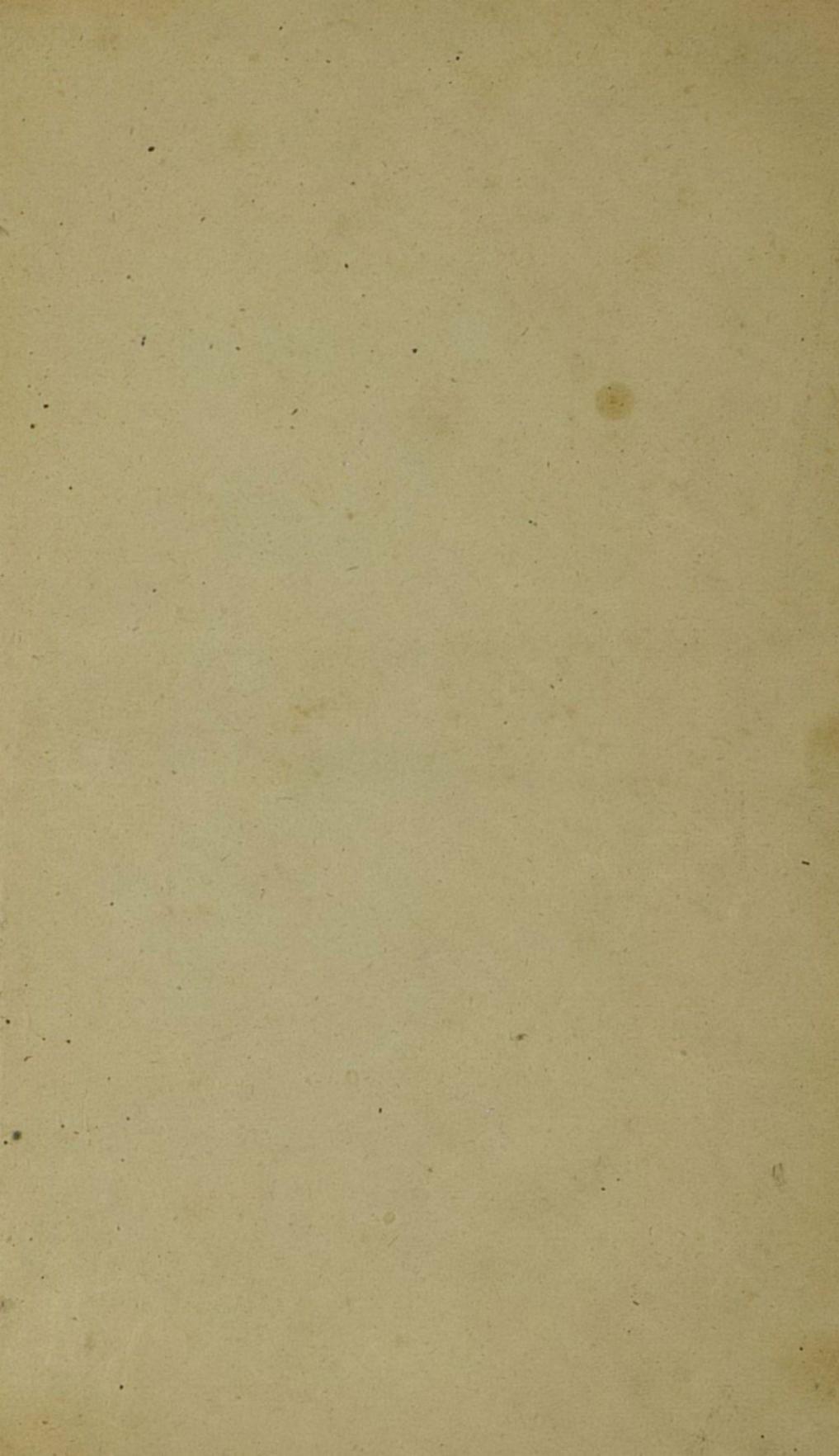
По этому-то кто отъ грустной картины непримиримаго раздора народовъ и вѣковой вражды людей между собою стремится къ тишинѣ и нетревожному спокойствію духа, — тотъ охотно углубляется въ тихую, безмолвную жизнь природы, съ любовію изучаетъ сокровенныя дѣйствія ея силъ, погружается въ безмолвную жизнь растеній и металловъ; — или, отдавшись тому врожденному въ человѣкѣ чувству, которое наполняетъ его неясными предчувствіями о другомъ высшемъ, надземномъ мірѣ, — слѣдить за высокими звѣз-

дами, ясными свѣтилами, которые въ ненарушаемомъ порядкѣ, отъ первого дня мірозданія, совершаютъ свой неизмѣнныи, вѣчный путь, и изучаетъ законы ихъ вѣчной гармоніи.

А. ЕФРЕМОВЪ.

2

Prop
Mr
O.H.

